

Социальная психология

- Д.А. Хорошилов, О.А. Громова
Восприятие пандемии и вакцинации в период «второй волны» коронавируса
(по результатам глубинных интервью) 3
- Г.Я. Родионов
Социальный капитал и аккультурационные ожидания принимающего населения:
медиативная роль воспринимаемой угрозы (на примере г. Москвы) 12
- Е.Д. Васильева
«Сохранение лица» — цель или средство? Социально-психологические характеристики
концепции лица 26

Клиническая психология

- О.В. Гордеева
Сравнение свободного описания и полуструктурированного интервью
как методов изучения околосмертного опыта 36
- А.А. Алексеев, Г.Е. Рупчев, А.Ш. Тхостов
Нарушения планирования при шизофрении: потенциальная роль
кратковременной памяти и внимания 51

Психология личности

- З.Х. Лепшокова
Инклюзивные и эксклюзивные идентичности и контакты:
роль ценностей и статуса этнической группы 61

Возрастная и педагогическая психология

- А.Е. Канашов, А.В. Трусова
Роль факторов семейного воспитания в формировании интернет-зависимого
поведения у подростков 76
- А.А. Золотарева, П.А. Аверина, А.Л. Тимошина
Психологические предикторы апатии в средней и поздней взрослости 88
- А.А. Реан, А.В. Егорова
Проявление подростковой агрессии в отношении учителя:
распространенность, факторы, последствия, профилактика 98

Social Psychology

- D.A. Khoroshilov, O.A. Gromova
Perception of pandemic and vaccination in the period of COVID-19 “second wave”
(on the basis of in-depth interviews) 3
- G.Ya. Rodionov
Social capital and acculturation expectations of host population: mediative role of perceived threat 12
- E.D. Vasilyeva
“Saving face” — means or goal of communication? Socio-psychological characteristics of face concept 26

Clinical Psychology

- O.V. Gordeeva
Comparison of free description and semi-structured interview as methods
of studying near-death experience. 36
- A.A. Alekseev, G.E. Rupchev, A.Sh. Tkhostov
Planning disorders in patients with schizophrenia: potential role of short-term memory and attention 51

Psychology of personality

- Z.H. Lepshokova
Inclusive and exclusive identities and contacts: the role of values and status of ethnic group. 61

Developmental Psychology and Pedagogical Psychology

- A.E. Kanashov, A.V. Trusova
The role of family relationships in Internet addiction in adolescents 76
- A.A. Zolotareva, P.A. Averina, A.L. Timoshina
Psychological predictors of apathy in the middle and late adulthood 88
- A.A. Пеан, A.B. Еропова
Adolescent Aggressiveness Towards Teacher: frequency, factors, consequences, prevention 98

Оригинальная статья

УДК 159.9.07, 159.923, 616-036.21
doi: 10.11621/npj.2021.0201

Восприятие пандемии и вакцинации в период «второй волны» коронавируса (по результатам глубинных интервью)

Д.А. Хорошилов*, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-4688-1934

О.А. Громова, Российский государственный гуманитарный университет, Москва, Россия
ORCID: 0000-0003-1009-7283

*Для контактов. E-mail: d.khoroshilov@gmail.com

Актуальность тематики статьи. В статье раскрываются перспективы психологического исследования восприятия и переживания эпидемии и пандемии Covid-19 как ситуации депривации и фрустрации жизненного пространства личности. Конституирующие характеристики жизненного пространства современного человека: интерактивность, гетерогенность, стирание границ между частным и публичным делают его уязвимым (прекарным) перед радикальными социальными трансформациями, предельным выражением которых стала эпидемия и пандемия коронавируса.

Цель теоретического и эмпирического исследования — анализ субъективного отношения к пандемии и вакцинации.

Описание хода исследования. Исследование выполнено в качественном дизайне с использованием методов полуструктурированного глубинного интервью и тематического анализа, проективной методики направленных вербальных ассоциаций. Целевая выборка исследования составила 50 человек (25 мужчин и 25 женщин, 18–70 лет). Интервью проводились зимой 2020–2021 года в период «второй волны» коронавируса и весной 2021 года после снятия ограничительных мер.

Результаты исследования. Качественный анализ глубинных интервью позволил выделить следующие проблемы:

- 1) расхождение когнитивного и аффективного уровней отношения к пандемии — «принятие» коронавируса как элемента повседневности и одновременно переживание радикального слома привычного образа жизни;
- 2) устойчивое состояние психической напряженности, которое в период самоизоляции ограничивало ресурсы поддержания профессиональной деятельности, самообразования и саморазвития;
- 3) поиск индивидуальных стратегий совладания с этим состоянием в повседневной жизни;
- 4) сложности ресоциализации при выходе из режима самоизоляции;
- 5) недоверие к официальным и неофициальным источникам информации, отношение к медиа как к ключевому фактору провоцирования стресса, страха и тревоги;
- 6) спонтанная межгрупповая дифференциация «вакцинированных» и «невакцинированных»;
- 7) проекция архетипического образа героя-трикстера на вакцину.

Заключение. Дезориентация в ситуации неопределенности и транзитивности, спровоцированная пандемией коронавируса, актуализирует архаические механизмы социально-психологической защиты, что можно считать подтверждением теоретической гипотезы об иррациональности как неотъемлемом свойстве сознания человека и современного общества.

Ключевые слова: пандемия, транзитивность, жизненное пространство, обыденное сознание, качественные исследования.

Для цитирования: Хорошилов Д.А., Громова О.А. Восприятие пандемии и вакцинации в период «второй волны» коронавируса (по результатам глубинных интервью) // Национальный психологический журнал. 2021. № 2 (42). С. 3–11. doi: 10.11621/npj.2021.0201

Поступила 24 мая 2021 / Принята к публикации: 6 июня 2021

Perception of pandemic and vaccination in the period of COVID-19 “second wave” (on the basis of in-depth interviews)

Dmitry A. Khoroshilov,* Russian State University for the Humanities Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-4688-1934

Oxana A. Gromova, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-1009-7283

*Corresponding author: d.khoroshilov@gmail.com

Background. The article reveals the prospects for a psychological research of the perception and experience of the Covid-19 epidemic and pandemic as a situation of deprivation and frustration of personal life space. The constitutive characteristics of living space — interactivity, heterogeneity, blurring the boundaries between private and public — makes it vulnerable (precarious) to radical social transformations, of which the epidemic and pandemic of the coronavirus has become the extreme expression.

Objective. The purpose of the theoretical and empirical study is to analyze the subjective attitude towards the pandemic and vaccination.

Design. The study was carried out in a qualitative design using the methods of semi-structured in-depth interviews and thematic analysis, a projective technique of directed verbal associations. The purposive sample of the study consisted of 50 people (25 men and 25 women, 18–70 years old). The interviews were conducted in winter, 2020–2021, during the “second wave” of the coronavirus and in spring, 2021 after the loosening of restrictive measures.

Results. A qualitative analysis of in-depth interviews made it possible to highlight the following topics: 1) the discrepancy between the cognitive and affective levels of attitudes towards the pandemic situation (acceptance of the coronavirus as an element of everyday life and at the same time experiencing a radical breakdown of the usual way of life); 2) a steady state of mental tension, which during the period of self-isolation limited the resources for maintaining professional activity, self-education and self-development; 3) search for individual strategies for coping with this state in everyday life; 4) the difficulties of resocialization when switching back from the self-isolation mode; 5) distrust of official and unofficial sources of information, attitude towards the media as a key factor in provoking stress, fear and anxiety; 6) spontaneous intergroup differentiation of vaccinated and unvaccinated; 7) projection of the archetypal image of the trickster hero onto the vaccine.

Conclusion. Disorientation in the situation of uncertainty and transitivity provoked by the coronavirus pandemic actualizes the archaic mechanisms of socio-psychological defense, which can be considered confirmation of the theoretical hypothesis of irrationality as an integral property of human consciousness and modern society.

Key words: pandemic, transitivity, life space, everyday consciousness, qualitative research.

For citation: Khoroshilov, D.A., Gromova, O.A. (2021). Perception of pandemic and vaccination in the period of COVID-19 “second wave” (on the basis of in-depth interviews). National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 2 (42), 3–11. doi: 10.11621/npj.2021.0201

Received May 24, 2021 / Accepted for publication June 6, 2021

Социально-психологические перспективы анализа пандемии Covid-19

Многие психологи неоднократно высказывались в частных беседах, с трудом сдерживая печальную иронию, что пандемия Covid-19 стала воплощением психологических принципов неопределенности и транзитивности (Асмолов, 2015; Марцинковская, 2015) как рефлексивных «ответов» на вызовы радикальных социокультурных изменений, проявившихся в глобальном масштабе. В информационном потоке аналитических текстов и публицистики одна из наиболее точных и пронизательных заметок принадлежит известному поэту и филологу О.А. Седаковой (эти слова написаны в Риме в самом начале мирового локдауна):

— *«Мне кажется слишком очевидным говорить о таких вещах, как внезапно явленная в планетарном размахе хрупкость бытия, и личного, и общего, о которых мир как-то подзабыл. Мне кажется слишком очевидными рассуждения о том, что никогда прежде вся планета не увидела воочию собственную связность. Интересно, что в противостоянии беде эта связная цивилизация избирает стратегию все более жесткого разгораживания и замыкания отдельных зон. «Мы победили пространство и время» — и по побежденному нами пространству ускоренным шагом движется хворь и беда и смерть»* (Седакова, 2020).

С точки зрения отечественной школы социальной психологии (Андреева, 2009, 2013) основной фокус исследования социальных изменений заключается в описании и реконструкции имплицитных социаль-

ных убеждений, верований и представлений, конструируемых различными группами и сообществами. В повседневной жизни общества и культуры формируются стратегии копинга с ситуацией неопределенности, чья феноменология фиксируется следующими измерениями (Белинская, 2014): множественностью, непредсказуемостью и неподконтрольностью. Очевидно, что стремительное распространение вируса задействовало все перечисленные параметры, а пандемия стала «естественным экспериментом» по моделированию неопределенности в глобальном масштабе, предварительные «результаты» которого еще не вполне известны.

В предыдущей работе одного из авторов настоящей статьи, посвященной психологическому прочтению и сравнительному анализу записок выдающихся советских ученых-женщин XX столетия — Л.Я. Гинзбург и О.М. Фрейденберг, предлагалась метафора пандемии как новой «блокады человека». Пандемия, ускорившая процессы медиатизации и виртуализации социальной реальности, произвела психологический эффект насильственного сужения, депривации и фрустрации жизненного пространства человека (Хорошилов, 2020). Конструкт жизненного пространства, восходящий к классическим работам К. Левина и переосмысляемый в актуальном интеллектуальном контексте (Гришина, 2020; Марцинковская, 2013), оказывается эвристичным как в теоретическом, так и в эмпирическом планах исследования пандемии.

Понятие жизненного пространства, согласно Н.В. Гришиной, правомерно считать конкретизацией старинного понятия жизненного мира (восходящего,

Дмитрий Александрович Хорошилов —

кандидат психологических наук, заведующий кафедрой социальной психологии Института психологии имени Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета
ORCID: 0000-0003-4688-1934

Dmitry A. Khoroshilov —

PhD in Psychology, head of the Department of Social Psychology, L.S. Vygotsky School of Psychology, Russian State University for the Humanities

ORCID: 0000-0003-4688-1934

Оксана Анатольевна Громова —

кандидат психологических наук, доцент кафедры социальной психологии Института психологии имени Л.С. Выготского Российского государственного гуманитарного университета

ORCID: 0000-0003-1009-7283

Oxana A. Gromova —

PhD in Psychology, associate professor of the Department of Social Psychology, L.S. Vygotsky School of Psychology, Russian State University for the Humanities

ORCID: 0000-0003-1009-7283

как хорошо известно, к философской феноменологии Э. Гуссерля и А. Шюца) на психологическом уровне анализа личности (Гришина, 2018). Жизненный мир — интерсубъективная система обыденных представлений о социальном мире, в котором существует человек, а жизненное пространство образует не только динамическое единство личности и окружения, но и множество потенциальных возможностей, рисков и выборов, изменяющихся на протяжении жизненного пути (Гришина, 2016).

По мнению Т.Д. Марцинковской, следует учитывать взаимосвязи между персональным (личным) и социальным пространством. Культуру и общество также можно рассматривать как сложные динамические системы отношений и противоположных коммуникативных тенденций. Марцинковская сопоставляет различные по интеллектуальным источникам теории жизненного пространства К. Левина, социального поля П. Бурдьё, хронотопа М.М. Бахтина и приходит к выводу о том, что пространство как таковое не является сферой психологии; субъективное отношение к нему — вот предмет психологического исследования. Иначе говоря, оставаясь в дисциплинарных границах психологии, мы находим и изучаем субъективное в объективном (Марцинковская, 2013).

Одной из конституирующих черт жизненного мира (и пространства) современного человека является его гетерогенность как результат культурных практик индивидуализации. Максимально широкие и часто воспринимаемые как безграничные возможности для конструирования личного пространства, расширяемого и продолжаемого с помощью медиа-технологий, оборачиваются тем, что человек замыкается в виртуальности в собственном одиночестве, а его приватная жизнь становится прозрачной и уязвимой перед взглядом Другого — анонимного до того момента, пока не прозвучит обвинение в харассменте или публикации неподобающих материалов даже в закрытых профилях и группах (Хорошилов, 2019). Переживания уязвимости, хрупкости и незащищенности (прекарности) сопровождают процессы интерактивной и креативной экспансии жизненного пространства (Полева, Аянян, 2021).

Эпидемия и пандемия коронавируса — при внимательном рассмотрении — оказывается не кризисом, а предельным выражением такого социокультурного порядка: глобальный мир разделяет межличностные коммуникации режимами карантина и самоизоляции, но при этом размыкает одиночество с помощью виртуальных технологий, кстати, впервые в истории эпидемий, что весьма пронизательно отмечает О.А. Седакова в цитированном выше эссе. Пандемия во многом реализовала прогнозы социологов о нарастании индивидуализации и сингулярности общества и культуры позднего модернизма и постмодернизма (Бауман, 2005; Элиас, 2001; Rekwitz, 2017).

Как отмечает Т.В. Корнилова, пандемия создала уникальную ситуацию, которая задала недостижимые в лаборатории условия, заставляющие людей проявлять поведенческое отношение к неопределенности, что, в свою очередь, позволяет увеличить экологиче-

скую валидность анализа социокультурных и индивидуально-личностных факторов регуляции риска и принятия решений (Корнилова, 2020). Эпидемиологическое положение потребовало объединения специалистов из различных областей научного знания и междисциплинарного подхода (Прощай, Covid-19, 2020; Черный лебедь в белой маске ..., 2021). Какой вклад вносит современная психология в эту аналитическую работу?

Неопределенность и транзитивность происходящего, актуализированная пандемией, закономерно спровоцировала самый широкий спектр аффективных состояний, поэтому психологи не только поставили вопросы о феноменологии восприятия и переживания стрессовой ситуации, но прежде всего стремились найти ресурсы и инструменты совладания с ней (Баранова и др., 2021; Карпова, Николаева, 2020; Крюкова и др., 2020; Рассказова и др., 2021; Тхостов, Рассказова, 2020; Ушаков и др., 2020).

Исследования психологических эффектов пандемии обычно фиксируют отношение к ней различных социальных групп, и эти многообразные данные могут рассматриваться как эмоциональная реакция на депривацию жизненного пространства (Марцинковская, 2020). Что касается организации исследований такого плана, то сбор и анализ информации осуществляется с использованием количественных методов на больших выборках.

В наших работах (Мельникова, Хорошилов, 2020) получил обоснование качественный подход к анализу социальных изменений и проблем. Продолжая эту методологическую линию, мы хотели бы представить результаты одной из серий глубинных интервью, которые проводятся на разных этапах пандемии, и интерпретировать полученные факты с точки зрения гипотезы о депривации и фрустрации жизненного пространства личности под влиянием Covid-19.

Программа качественного исследования восприятия пандемии

Цель исследования, выполненного в дизайне качественной методологии (Бусыгина, 2015; Мельникова, Хорошилов, 2020), заключалась в изучении восприятия эпидемии и пандемии коронавируса периода «второй волны» (зима 2020–2021 гг. и весна 2021 гг.). Целевая выборка исследования составила 50 человек (25 мужчин и 25 женщин в возрасте от 18 до 70 лет). Поскольку исследование носило поисковый характер, мы не формулировали заранее эмпирические гипотезы, а конструировали и уточняли их непосредственно в процессе работы с данными полуструктурированных глубинных интервью.

Вопросы топик-гайда были организованы в пять блоков:

- 1) отношение к пандемии;
- 2) стратегии адаптации;
- 3) источники информации;
- 4) опыт болезни, меры профилактики и лечения;
- 5) принятие решения о вакцинации.

В интервью использовалась проективная методика направленных ассоциаций (Мельникова, 2007): респондентам предлагалось сравнить известные им вакцины с фильмом и киногероем. Для анализа интервью нами применялся метод *тематического анализа* (Хорошилов, Мельникова, 2020; Ярошевская, Сысоева, 2021).

Результаты тематического анализа глубинных интервью

1. Расхождение когнитивного и аффективного уровней отношения к пандемии (принятие коронавируса как элемента повседневности и, вместе с тем, переживание радикального слома привычного образа жизни).

Можно выделить две основные группы респондентов: первая из них относилась к пандемии с недоверием и воспринимала ее как преувеличение, что впоследствии, однако, изменилось из-за опыта болезни (своей и близких), а другая группа, наоборот, изначально оценивала ситуацию серьезно, но позже приняла ее как данность, к которой следует приспособиться.

— *«Я игнорировала масочные режимы, потому что изначально в это не верила. Сейчас бы я так к этому не отнеслась, зная о последствиях и всем, что мне пришлось пережить. Не сразу поняла, что заболела, ощущения были странные, которые я раньше не переживала. Я понимала, что что-то не то со мной происходит. С одной стороны, странные какие-то ощущения, я так раньше не болела. Было действительно тяжело дышать, температура была маленькая, но было очень плохо. Такое ощущение, что просто помираешь».*

— *«Отношение менялось. Сначала был страх, сейчас пришло принятие. Прошло много времени, мы вроде научились с этим справляться. Думаю, что, как и при любых болезнях, есть люди, которые с ними справляются, а есть, кто нет. Такова жизнь. Но на первом этапе пандемии страх и заболеть, и страх за родных был намного сильнее, чем сейчас».*

Если в семейном или близком окружении респонденты не сталкивались со случаями тяжело перенесенного коронавируса, то пандемия воспринимается как иллюзорное преувеличение опасности. Случаи тяжелого течения болезни редко упоминались в интервью. Несмотря на то, что респонденты выражают нейтральное и спокойное отношение к пандемии, анализ проективной методики (направленных вербальных ассоциаций) раскрывает аффективно нагруженную оценку ситуации как пост-апокалипсиса, чумы и глобальной катастрофы («Я-Легенда», «Сияние» и другие фильмы).

2. Устойчивое состояние психической напряженности, которое в период самоизоляции (т.е. весной 2020 г.) ограничивало ресурсы поддержания профессиональной деятельности, самообразования онлайн и саморазвития. В отношении названного периода респонденты часто упоминали «беспричинные слезы»

как спонтанное выражение стресса, депрессии, ужаса, страха и тревоги, при этом не считали необходимым обратиться к психологам (за исключением нескольких случаев) и старались справиться с происходящим самостоятельно.

Респонденты почти не использовали интернет-ресурсы для бесплатного обучения, профессионального и личного саморазвития, они отмечали отсутствие времени и одновременно — бесконечное пролистывание социальных сетей, компьютерные игры и прокрастинацию. Психическая напряженность остается устойчивым фоном повседневной жизни даже после снятия всех ограничений и спада заболеваемости.

— *«Я все это время находилась у себя дома, чувствовала одиночество и скуку. Я думала, когда же это все закончится, и когда я смогу уже нормально пойти гулять без масок, без какой-либо опаски заразиться и заразить других. На данный момент все только ухудшилось. С одной стороны, я к этому немного привыкла, но, с другой стороны, сейчас как никогда хочется окончания этого кошмара. Я очень беспокоюсь за своих бабушку и дедушку, кроме того, мне действительно надоело жить в каком-то фильме о пост-апокалипсисе».*

3. Поиск индивидуальных стратегий совладания с состоянием стресса и тревоги в повседневной жизни. Респонденты самостоятельно пытались найти стратегии совладания со сложившейся ситуацией (работа, самообразование и т.д.). Среди источников помощи назывались семья и близкое окружение. Однако одновременно отмечались семейные конфликты, со ссылкой на данные медиа: увеличение частоты разводов, домашнего насилия, суицидов.

— *«С одной стороны, было интересно — как никак новый опыт, но с другой — было действительно тяжело. Это тот самый момент, когда я поняла, что я все-таки экстраверт и мне нужны другие люди. Через несколько недель сидения под одной крышей, я начала ссориться с семьей, потому что мы устали друг от друга, но, слава Богу, это было ненадолго. Я чувствовала страх и неопределенность и постоянно думала о том, когда это все закончится».*

4. Сложности ресоциализации при выходе из режима самоизоляции. По словам респондентов, восстановление привычного образа жизни, а иной раз и элементарных социальных навыков общения требовало усилий после снятия ограничений: «нужно привыкать к жизни заново», «как с зоны откинул», «как будто в пузыре была». Выход из режима самоизоляции сложнее всего давался тем, кто называл себя экстравертом, активным и ориентированным на общение. Существенным ресурсом оказывается способность самоорганизации в отношении деятельности и образа жизни. Многим было сложно справиться с напряжением и стрессом во время и после самоизоляции, что свидетельствует, очевидно, о дефиците навыков управления стрессом.

— *«Конечно, я была на дистанционном обучении и все время проводила дома. Тогда было страшно даже во двор выйти. Позже мне пришлось заново привыкать к своей когда-то привычной рутине».*

5. По мнению респондентов, одним из основных факторов формирования тревожных и депрессивных состояний во время пандемии является индустрия медиа. Отсутствует доверие к официальным источникам информации — данные по заболевшим воспринимаются как нерелевантные, сомнению подвергаются и сведения о качестве лечения и уровне медицинской помощи.

Участники исследования отмечают несоответствие официальных цифр статистики по заболевшим с наблюдаемыми реальными случаями заболевания, фрагментарную непоследовательную экономическую помощь лишь отдельным слоям населения наряду с массовым снижением доходов, потерей рабочих мест, финансовым кризисом.

Среди альтернативных источников информации (также далеко не всегда заслуживающих доверия) упоминались социальные сети, сообщества и статьи врачей, информация от близких и знакомых. Несмотря на обилие и доступность различной информации, люди в определенный момент перестают ею интересоваться — не смотрят статистику, не интересуются новостями, перестают читать сведения о прививках и доверять источникам медиаинформации в целом. При избытке непроверенной информации об опасности люди начинают закрываться от нее и пользуются преимущественно поддержкой близкого круга.

— *«Я думаю, что ситуация серьезная и что скрывается настоящая статистика заболевания, я бы даже назвала это заговором. Я слежу за новостями в телеграмм, и той информации, что там появляется повсеместно, я склонна доверять. Чем чаще я вижу ту или иную информацию в разных телеграм-каналах, тем выше у меня уровень доверия к ней».*

— *«Информационный голод в этом вопросе, что с этим вообще делать. Что бы они ни писали (“Это не принимать”, “Антибиотики не принимать”), только антибиотики и помогли. У меня ощущение было, что это специально вообще сделано. Лекарств нет, ну как это вообще? Плюс, тебе никто ничего не говорит. К врачу ты приходишь — тебе говорят: “Ничего страшного”, то есть, “ОРВИ, не переживайте”».*

В нескольких интервью вскользь, очень осторожно упоминаются теории мирового заговора, высказываются предположения о существовании опасных и безопасных вакцин.

— *«Есть, конечно, какое-то вирусное заболевание, которое просто эксплуатируется в политических целях. Ковид существовал всегда, разные его формы, а потом, более того, существует две версии о его искусственном происхождении, т.е. модификации ковида. Одна — китайская лаборатория, одна — американская. Поэтому есть два течения, вернее — два протекания этого заболевания — они разные».*

6. Амбивалентное отношение к вакцинации как критерий межгрупповой дифференциации. Лишь один из респондентов привился от коронавируса, никто из остальных 49 респондентов не вакцинировался (информация актуальна на момент проведения интервью), как переболевшие, так и не пере-

болевшие. Среди профилактических мер — с низкой эффективностью и скорее «по выработанной привычке» — чаще всего упоминаются ношение масок и мытье рук. Отношение к вакцинации достаточно настороженное. Недоверие к официальным источникам информации способствует формированию такого же скептического восприятия вакцины. Опасения связаны с ее отсроченными побочными явлениями и недоказанной эффективностью. При этом следует подчеркнуть, что почти никто из респондентов не искал и не читал статистику по прививке: число антител, данные по безопасности и побочным явлениям. Их мнения основываются скорее на имплицитных верованиях и суждениях, а не на аналитической работе со справочной и научно-популярной информацией. Часто негативное и подозрительное отношение к вакцине формируется за счет эвристических, сформированных в условиях избегания информации, пассивного и скептического отношения к информации о вакцине, недоверия к источникам информации в целом.

— *«Нет, не прививался. Не было подходящего случая, это как сходить в церковь исповедоваться, вроде надо, но случай никогда не представляется. А если бы привился, то “Спутником”, это же единственная российская вакцина. Основной фактор в том, что ее необязательность глобально лишает ее смысла. Мне не нравятся политические игры вокруг вакцин: люди в который раз вместо того, чтобы объединиться против общей проблемы, пытаются выяснить кто лучше, у кого закупать, у кого не закупать и все такое».*

Однако в ряде случаев наблюдается одобрение действий правительства и подчеркиваются особенности российской ментальности, которая и приводит к несоблюдению рекомендуемых врачами мер, легкомысленному поведению и отрицанию серьезности ситуации. Данная группа респондентов оптимистично рассматривает будущее и перспективы лечения коронавируса.

— *«Наше государство сделало и делает все, чтобы обезопасить людей. Россия справляется с пандемией, однако многое зависит от людей, которые прививаются или не прививаются. Наша страна в свое время победила корь, чуму, оспу, и все это были наши вакцины. В этом отношении наша страна хороша».*

Наблюдаются феномены ин-группового фаворитизма и аут-групповой враждебности — если респондент не привит, то он относит себя к группе людей думающих, не доверяющих слепо информации и не поддающихся запугиванию, активных в отношении самостоятельного поиска и анализа информации. В то время как к группе людей, сделавших вакцину, такие респонденты относят тех, кто *«верит только телевизору и государству»*, *«не способен самостоятельно думать и анализировать имеющуюся информацию»*, запуган и подавлен.

— *«Те, кто включает голову, они не идут прививаться, потому что люди думают о своем здоровье прежде всего. Я считаю, что прививаться от ви-*

руса в принципе невозможно, поэтому я не доверяю этой вакцине, я не знаю, что это за вакцина. Как профессионалы говорят, вирусологи опять же, что от вируса невозможно создать прививку. Почему некоторые люди вакцинируются? Что ими движет? Страх, отсутствие информации, нежелание просто подумать на эту тему. Отсутствие интернета, в целом невежественность просто. Или доверие своему государству и доверие своему министерству здравоохранения, доверие СМИ, нежелание ознакомиться с какой-то другой точкой зрения».

Многие респонденты считают, что на их решение о вакцинации может повлиять ряд объективных требований (например, условия работодателя или преграды для осуществления туристических путешествий). Рекомендательный и необязательный характер вакцинации, по мнению респондентов, снижает ее эффективность. Несколько человек утверждают в интервью, что вакцинация может быть единственным средством, способным остановить пандемию, но вакцина должна быть изучена и протестирована, от нее ждут безопасность, эффективность и надежность. Существенное число участников исследования относятся к возможности принудительной массовой вакцинации негативно.

7. Различные вакцины часто ассоциируются с супергероем, обладающим негативными чертами, слишком молодым и допускающим ошибки. Лишь изредка встречаются ассоциации с позитивными супергероями.

Интересно проанализировать комментарии к таким образам: вакцина не доработана, не прошла клинические испытания, нет полной информации по возможным побочным явлениям и клиническим проявлениям.

— *«Я бы сравнила все вакцины с Человеком-пауком. Они все — в начале пути становления великими героями, поэтому пока они могут совершать ошибки».*

— *«Вакцина “Спутник” ассоциируется у меня с фильмом “Мстители: война бесконечностей”, потому что у вакцины космическое название и она борется со вселенским злом, прямо как в фильме. А если супергерой, то тогда Тор, потому что он гордый и статный, иногда косячит, но все исправляет».*

— *«Какой-то ужасный триллер. Какой-то ужасник был бы. Какой-то герой-убийца. Супергерой — это положительный герой, а я, например, вакцину “Спутник” не представляю как положительного героя, я считаю, что это вред для здоровья, для организма. В лучшем случае он не принесет ничего, ни пользы, ни вреда, но главное, чтобы вреда не принес. Поэтому с каким-то супергероем его сравнить я не могу, я его могу только с отрицательным героем сравнить. Какой-то убийца, который преследует свою жертву долго-долго, а потом ее настигает и уничтожает. Или прикидывается другом, а в конце концов оказывается врагом».*

Выводы

Проведенный нами качественный анализ серии интервью, посвященных исследованию субъективного отношения к ситуации эпидемии и пандемии коронавируса, раскрывает не только предсказуемо высокий уровень повседневного стресса и фрустрации персонального жизненного пространства, но и определенный дефицит внутренней автономии при его конструировании и поддержании в период до и после самоизоляции.

Это означает, что респонденты, критически воспринимая работу социальных институтов (медиа, экономики, политики, здравоохранения) как малоэффективную, обнаруживают недостаток или даже отсутствие ресурсов для индивидуального формирования адаптивных копинг-стратегий, что, в свою очередь, выступает причиной амбивалентного отношения к пандемии вируса и вакцинации, которое во многом зависит от личного опыта болезни.

Индивидуализация восприятия или переживания болезни не становится, по-видимому, фактором формирования эффективного копинга с фрустрацией и депривацией жизненного пространства, спровоцированной пандемией. Такая дезориентация субъекта в ситуации неопределенности приводит, в том числе, к актуализации архаических механизмов социальной и психологической защиты: межгрупповой дифференциации («вакцинированные»/«невакцинированные»), оживлению мифологических представлений об апокалипсисе и чуме, проекции архетипического образа героя-трикстера на вакцину, которая может принести и неожиданный магический эффект защиты от болезни, и одновременно угрозу для здоровья. Тем самым подтверждается теоретическая гипотеза о том, что современное общество опирается прежде всего на иррациональные свойства сознания человека (Тхостов, 2020); подобная социальная конструкция наиболее ярко «высвечивается» глобальной эпидемией и пандемией.

Информация о грантах и благодарностях

Исследование выполнено при поддержке гранта РФФИ, номер 20-04-60072, «Психологические и социальные детерминанты негативных последствий пандемии: системный анализ роли факторов долгосрочной индивидуальной и социальной комплаентности населения в минимизации ущерба от коронавирусной инфекции».

Acknowledgments

The study was supported by the Russian Foundation for Basic Research, project № 20-04-60072, “Psychological and social determinants of the negative consequences of a pandemic: a systematic analysis of the role of factors of long-term individual and social population compliance in minimizing harm from coronavirus infection”.

Литература:

- Андреева Г.М. Образ мира и/или реальный мир? // Вопросы психологии. 2013. № 3. С. 33–43.
- Андреева Г.М. Социальная психология сегодня: поиски и размышления. М.: НОУ ВПО МПСИ, 2009.
- Асмолов А.Г. Психология современности: вызовы неопределенности, сложности и разнообразия // Психологические исследования. 2015. Т. 8. № 40. [Электронный ресурс] // URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 19.05.2021).
- Баранова В.А., Дубовская Е.М., Савина О.О. Опыт жизнедеятельности и ресурсы преодоления трудностей социальной изоляции в первый период пандемии COVID-19 у студентов // Социальная психология и общество. 2021. Т. 12, № 1. С. 10–25. doi: 10.17759/sps.2021120102
- Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос, 2005.
- Белинская Е.П. Неопределенность как категория современной социальной психологии личности. // Психологические исследования. 2014. Т. 7, № 36. [Электронный ресурс] // URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 19.05.2021).
- Бусыгина Н.П. Качественные и количественные методы исследований в психологии. М.: Юрайт, 2017.
- Гришина Н.В. Ситуационный подход: исследовательские задачи и практические возможности // Вестник СПбГУ. Серия 16. Психология. Педагогика. 2016. № 1. С. 57–68.
- Гришина Н.В. Экзистенциальная психология. СПб.: СПбГУ, 2018.
- Гришина Н.В. Психология изменений: методологические предложения Курта Левина // Жизненное пространство в психологии: теория и феноменология / Под ред. Н.В. Гришиной, С.Н. Костроминой. СПб.: СПбГУ, 2020. С. 124–148.
- Карпова Э.Б., Николаева Е.А. Негативные психоэмоциональные последствия пандемии COVID-19 в группе риска // Национальный психологический журнал. 2020. № 3 (39). С. 66–74. doi: 10.11621/npj.2020.0310
- Корнилова Т.В. Личностные основания принятия решений о социальном дистанцировании в трех странах (Россия, Азербайджан и Китай) // Новые вызовы неопределенности: материалы Всероссийской научно-практической конференции. Новосибирск: ИПЦ НГУ, 2020. С. 48–52.
- Крюкова Т.Л., Екимчик О.А., Опекина Т.П., Шипова Н.С. Стресс и совладание в семье в период самоизоляции во время пандемии COVID-19 // Социальная психология и общество. 2020. Т. 11, № 4. С. 120–134. doi: 10.17759/sps.2020110409
- Марцинковская Т.Д. Современная психология — вызовы транзитивности. // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 42. [Электронный ресурс] // URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 19.05.2021).
- Марцинковская Т.Д. Социальное пространство: теоретико-эмпирический анализ // Психологические исследования. 2013. Т. 6, С. 30. [Электронный ресурс] // URL: <http://psystudy.ru> (дата обращения 19.05.2021).
- Марцинковская Т.Д. Личностные границы пространства и времени в ситуации депривации по Covid-19 // Вопросы психологии. 2020. Т. 66, № 4. С. 104–113.
- Мельникова О.Т. Фокус-группы: методы, методология, модерирование. М.: Аспект Пресс, 2007.
- Мельникова О.Т., Хорошилов Д.А. Методологические проблемы качественных исследований в психологии. М.: Акрополь, 2020.
- Полева Н.С., Аянян А.Н. Транзитивность как фактор прекарнизации повседневности // Новые психологические исследования. 2021. № 1. С. 29–53.
- Прощай, Covid? / Под ред. К. Гаазе, В. Данилова, И. Дуденковой, Д. Кралечкина, П. Сафронова. М.: Изд-во Института Гайдара, 2020.
- Рассказова Е.И., Леонтьев Д.А., Лебедева А.А. Пандемия как вызов субъективному благополучию: тревога и совладание // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28, № 2. С. 90–108. doi: 10.17759/cpp.2020280205
- Седакова О.А. Странная серьезность происходящего // Православие и мир, 2020, 19 марта. [Электронный ресурс] // URL: <https://www.pravmir.ru/krasota-rima-bez-lyudej-hroniki-karantina-v-italii/> (дата обращения 19.05.2021).
- Тхостов А.Ш. Культурно-историческая патопсихология. М.: Канон+, 2020.
- Тхостов А.Ш., Рассказова Е.И. Психологическое содержание тревоги и профилактики в ситуации инфодемии: защита от коронавируса или «порочный круг» тревоги? // Консультативная психология и психотерапия. 2020. Т. 28, № 2. С. 70–89. doi: 10.17759/cpp.2020280204
- Ушаков Д.В., Юревич А.В., Нестик Т.А., Юревич М.А. Социально-психологические аспекты пандемии covid-19: результаты экспертного опроса российских психологов // Психологический журнал. 2020. Т. 41, № 5. С. 5–17. doi: 10.31857/S020595920011074-7
- Хорошилов Д.А. Оцифрованный разум: медиатизация социального познания в культуре, науке и искусстве // Социальная психология и общество. 2019. Т. 10, № 4. С. 9–22. doi: 10.17759/sps.2019100402
- Хорошилов Д.А. Блокада человека: поиск психологической концепции личности в записках Л.Я. Гинзбург и О.М. Фрейденаберг // Жизненное пространство в психологии: теория и феноменология / Под ред. Н.В. Гришиной, С.Н. Костроминой. СПб.: СПбГУ, 2020. С. 149–181.
- Хорошилов Д.А., Мельникова О.Т. Метод тематического анализа в изучении представлений о женском лидерстве // Организационная психология. 2020. Т. 10, № 3. С. 85–99.
- «Черный лебедь» в белой маске : аналитический доклад НИУ ВШЭ к годовщине пандемии COVID-19 / Под ред. С.М. Плаксина, А.Б. Жулина, С.А. Фаризовой. М.: ВШЭ, 2021.
- Элиас Н. Общество индивидов. М.: Праксис, 2001.
- Ярошевская С.В., Сысоева Т.А. Представления студентов об успешности обучения: темы, ориентиры и противоречия // Психологическая наука и образование. 2021. Т. 26, № 1. С. 92–101. doi: 10.17759/pse.2021260106
- Rekwitz A. (2017). Die Gesellschaft der Singularitäten: Zum Strukturwandel der Moderne. Berlin: Suhrkamp.

References:

- Andreeva G.M. (2013). Image of the world and or real world? *Voprosy psihologii (Issues of psychology)*, 3, 33–43. (In Russ.).
- Andreeva G.M. (2009). Social psychology today: research and reflection. Moscow: NOU VPO MPSI. (In Russ.).
- Asmolov A.G. (2015). Psychology of modernity: challenges of uncertainty, complexity and diversity. *Psihologicheskie issledovanija (Studies in psychology)*, 8 (40). [Electronic resource]. URL: <http://psystudy.ru> (accessed: 19.05.2021). (In Russ.).
- Baranova V.A., Dubovskaja E.M., Savina O.O. (2021). Living experience and resources for overcoming the difficulties of self-isolation in students during the first period of COVID-19 pandemic. *Social'naja psihologija I obshhestvo (Social psychology and society)*, 12 (1), 10–25. (In Russ.) doi: 10.17759/sps.2021120102
- Bauman Z. (2005). Individualized society. Moscow: Logos. (In Russ.).
- Belinskaja E.P. (2014). Uncertainty as category of modern social psychology of personality. *Psihologicheskie issledovanija (Studies in psychology)*, 7 (36). [Electronic resource]. URL: <http://psystudy.ru> (accessed: 19.05.2021). (In Russ.).
- Busygina N.P. (2017). Qualitative and quantitative methods of studies in psychology. Moscow: Jurajt. (In Russ.).
- Grishina N.V. (2020). Psychology of change: Kurt Levin's methodological suggestions. *Zhiznennoe prostranstvo v psihologii: teorija i fenomenologija (Life space in psychology: theory and phenomenology)*. In N.V. Grishina, S.N. Kostromina (Eds.), (pp. 124–148). Saint-Petersburg: SPbGU. (In Russ.).
- Grishina N.V. (2016). Situational approach: research objectives and practical opportunities. *Bulletin of Saint-Petersburg university. Series 16. VestnikSPbGU. Serija 16. Psihologija. Pedagogika (Psychology. Pedagogy)*, 1, 57–68. (In Russ.).
- Grishina N.V. (2018). Existential psychology. Saint-Petersburg: SPbGU. (In Russ.).
- Karpova Je.B., Nikolaeva E.A. (2020). Negative psycho-emotional consequences of the COVID-19 pandemic in the risk group. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal (National journal of psychology)*, 3 (39), 66–74. (In Russ.). doi: 10.11621/npj.2020.0310
- Kornilova T.V. (2020). Personal grounds for the decision to maintain social distance in three countries (Russia, Azerbaijan and China). *New challenges of uncertainty: materials of all-Russian scientific-practical conference*. Novosibirsk: IPC NGU. (In Russ.).
- Krjukova T.L., Ekimchik O.A., Opekinam T.P., Shipova N.S. (2020). Stress and coping with it in family during the COVID-19 pandemic self-isolation period. *Social'naja psihologija I obshhestvo (Social psychology and society)*, 11 (4), 120–134. (In Russ.). doi: 10.17759/sps.2020110409
- Marcinkovskaja T.D. (2015). Modern psychology: challenges of transitivity. *Psihologicheskie issledovanija (Studies in psychology)*, 8 (42). [Electronic resource]. URL: <http://psystudy.ru> (accessed: 19.05.2021). (In Russ.).
- Marcinkovskaja T.D. (2013). Social space: theoretical-empirical analysis. *Psihologicheskie issledovanija (Studies in psychology)*, 6, 30. [Electronic resource]. URL: <http://psystudy.ru/> (accessed: 19.05.2021). (In Russ.).
- Marcinkovskaja T.D. (2020). Personal boundaries of space and time in the COVID-19-related deprivation situation. *Voprosy psihologii (Issues of psychology)*, 4 (66), 104–113. (In Russ.).
- Meľnikova O.T. (2007). Focus groups: methods, methodology, moderating. Moscow: Aspekt Press. (In Russ.).
- Meľnikova O.T., Horoshilov D.A. (2020). Methodological problems of qualitative studies in psychology. Moscow: Akropol'. (In Russ.).
- Poleva N.S., Ajanjan, A.N. (2021). Transitivity as everyday life precarization factor. *Novye psihologicheskie issledovanija (New studies in psychology)*, 1, 29–53. (In Russ.).
- Gaaze K., Danilov V., Dudenkova I., Kralechkin D., Safronov P. (2020). Goodbye, Covid? Moscow: Izdatel'stvo Instituta Gajdara. (In Russ.).
- Rasskazova E.I., Leont'ev D.A., Lebedeva A.A. (2020). Pandemic sas challenge to subjective well-being: anxiety and coping with it. *Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija (Consultation psychology and therapy)*, 28 (2), 90–108. (In Russ.). doi: 10.17759/cpp.2020280205
- Sedakova O.A. (2020). A strange gravity of what is going on. Orthodox Christianity and the world. *Pravoslavie i mir (Orthodoxy and peace)*. [Electronic resource] URL: <https://www.pravmir.ru/krasota-rima-bez-lyudej-hroniki-karantina-v-italii/> (accessed: 19.05.2021). (In Russ.).
- Thostov A.Sh. (2020). Cultural-historical pathopsychology. Moscow: Kanon+. (In Russ.).
- Thostov A.Sh., Rasskazova E.I. (2020). Psychological content of anxiety and prevention in an infodemic situation: protection from the coronavirus or “vicious circle” of anxiety? *Konsul'tativnaja psihologija i psihoterapija (Consultation psychology and therapy)*, 28 (2), 70–89. (In Russ.). doi: 10.17759/cpp.2020280204
- Ushakov D.V., Jurevich A.V., Nestik T.A., Jurevich M.A. (2020). Social-psychological aspects of the COVID-19 pandemic: the results of an expert survey of Russian psychologists. *Psihologicheskij zhurnal (Journal of psychology)*, 41 (5), 5–17. (In Russ.). doi: 10.31857/S020595920011074-7
- Horoshilov D.A. (2019). Digitalized mind: mediatization of social cognition in culture, science and art. *Social'naja psihologija i obshhestvo (Social psychology and society)*, 10 (4), 9–22. (In Russ.). doi: 10.17759/sps.2019100402
- Horoshilov D.A. (2020). Blocade of a human being: searching for a psychological concept of personality in the writings of L.Y. Ginzburg and O.M. Freidenberg. *Life space in psychology: theory and phenomenology*. In N.V. Grishina, S.N. Kostromina (pp. 149–181). Saint-Petersburg: SPbGU. (In Russ.).
- Horoshilov D.A., Meľnikova O.T. (2020). Thematical analysis method in studying the ideas about female leadership. *Organizacionnaja psihologija (Organization psychology)*, 10 (3), 85–99. (In Russ.).
- Plaksin S.M., Zhulin A.B., Farizova S.A. (2021). “Black swan” in white mask: analytical report of HSE University on the first anniversary of COVID-19. Moscow: HSE. (In Russ.).
- Jelias N. (2001). Society of individuals. Moscow: Praksis. (In Russ.).
- Jaroshevskaja S.V., Sysoeva T.A. (2021). Students' ideas of successful learning: themes, guidelines and contradictions. *Psihologicheskaja nauka i obrazovanie (Psychological science and education)*, 26 (1), 92–101. (In Russ.). doi: 10.17759/pse.2021260106

Оригинальная статья

УДК 159.922.4, 316.62, 159.923.2
doi: 10.11621/npj.2021.0202

Социальный капитал и аккультурационные ожидания принимающего населения: медиативная роль воспринимаемой угрозы (на примере г. Москвы)

Г.Я. Родионов, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-1113-1810

Для контактов. E-mail: grodionov@hse.ru

Актуальность. Россия занимает четвертое место в мире по притоку мигрантов. Факторы, сопровождающие процесс аккультурации, могут быть самыми разными и вести к межгрупповым противоречиям и конфликтам. Изучение медиативной роли воспринимаемой угрозы в контексте формирования аккультурационных ожиданий по отношению к мигрантам является, на данный момент, недостаточно изученной темой в кросс-культурной психологии.

Цель. Определить, имеет ли воспринимаемая угроза со стороны мигрантов медиативный эффект во взаимосвязи социального капитала и аккультурационных ожиданий принимающего населения.

Описание хода исследования. Исследование проводилось в онлайн-формате с использованием опросника. Участниками стали представители молодежи г. Москва (N = 214). Они отвечали на вопросы, определяющие уровень доверия, этнической толерантности, воспринимаемой угрозы и аккультурационных ожиданий по отношению к мигрантам.

Результаты исследования. Было выявлено, что воспринимаемая угроза (особенно культурная) оказалась медиатором связи этнической толерантности с аккультурационными ожиданиями «плавильный котел» и «исключение». В случае взаимосвязи показателей доверия и этнической толерантности с «сегрегацией» медиативную роль выполняла только воспринимаемая физическая угроза. Роль этнической толерантности подтвердилась в случае трех вышеперечисленных аккультурационных ожиданий, в то время как доверие оказалось значимым только в моделях с «сегрегацией». Медиативная роль воспринимаемой угрозы во взаимосвязи трех показателей социального капитала и аккультурационного ожидания «мультикультурализм» полностью опровергнута.

Заключение. Данные исследования позволяют определить роль воспринимаемой угрозы в аккультурации установках и ожиданиях по отношению к мигрантам. Главным ограничением данного исследования является тот факт, что проводилось оно только в Москве. В ближайшее время планируется сравнение результатов, полученных в России на русскоязычной выборке, с результатами других групп в других странах.

Ключевые слова: воспринимаемая угроза, социальный капитал, аккультурационные ожидания, доверие, этническая толерантность, миграция.

Для цитирования: Родионов Г.Я. Социальный капитал и аккультурационные ожидания принимающего населения: медиативная роль воспринимаемой угрозы (на примере г. Москвы) // Национальный психологический журнал. 2021. № 2 (42). С. 12–25. doi: 10.11621/npj.2021.0202

Поступила 24 марта 2021 / Принята к публикации: 20 мая 2021

Social capital and acculturation expectations of host population: mediative role of perceived threat

Germogen Ya. Rodionov, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-1113-1810

Corresponding author. E-mail: grodionov@hse.ru

Background. Russia ranks fourth in the World in terms of the influx of migrants (of which 12 million currently live within the country). At the same time, the factors accompanying the process of acculturation can be quite different and lead to contradictions and conflicts between the groups. As far as migrants are concerned, the study of mediative role of the perceived threat in formation of acculturation expectation remains an under researched topic in cross-cultural psychology.

Objective. The study is aimed at determining whether the perceived threat from migrants has a mediating effect on the relationship between social capital and the acculturation expectations of the host population towards migrants.

Design. The study was carried out in an online format by a questionnaire given to young adults living in Moscow (N = 214). The participants answered the questions that determined the level of trust, ethnic tolerance, perceived threat, and acculturation expectations.

Results. The results of the study revealed that the perceived threat (especially the cultural one) turned out to be a mediator of the connection between ethnic tolerance and acculturation expectations of “melting pot” and “exclusion”. In case of connection of the indicators of trust and ethnic tolerance with “segregation”, only the perceived physical threat played a mediating role. The role of ethnic tolerance has been confirmed in the above three acculturation expectations, while trust turned out to be significant only in the “segregated” models. The mediative role of the perceived threat in the relationship between the three indicators of social capital and the acculturation expectation of “multiculturalism” has been completely refuted.

Conclusion. The results of the research make it possible to determine the role of the perceived threat in acculturation attitudes and expectations towards migrants. The main limitation of this study is the fact that it took place only in Moscow. In the nearest future, it is planned to compare the results obtained in Russia from Russian-speaking test-groups with the results of other groups in other countries.

Key words: perceived threat, social capital, acculturation expectations, trust, ethnic tolerance, migration.

For citation: Rodionov, G.Ya. (2021). Social capital and acculturation expectations of host population: mediative role of perceived threat. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 2 (42), 12–25. doi: 10.11621/npj.2021.0202

Received March 24, 2021 / Accepted for publication May 20, 2021

Введение

Россия в настоящее время занимает четвертое место в мире по притоку мигрантов. По данным 2019 г. в нашей стране проживало 12 миллионов мигрантов (International Migration Report, 2019). Один из наиболее важных вопросов, который встает перед обществом, — это вопрос взаимодействия принимающего общества и мигрантов. Сложности взаимной адаптации могут вести к росту межгрупповой напряженности и даже к межгрупповым конфликтам.

Ранее проводились исследования взаимосвязи социального капитала и процессов аккультурации, показавшие, что социальный капитал является одним из важных факторов, влияющих не только на стратегии аккультурации и адаптацию приезжающего населения (Jun, Ha, 2015), но и на аккультурационные ожидания принимающего населения по отношению к мигрантам (Татарко и др., 2018).

Согласно теории интегральной угрозы Уолтера и Куки Стефан (Steppan, Stephan, 2000), воспринимаемая угроза является фактором, который сопровождает миграцию и является одним из важных предикторов отношения к другой группе. Выделяется три вида воспринимаемой угрозы: физическая (реалистическая), культурная (символическая) и экономическая.

В данном исследовании изучалось, каким образом и насколько сильно различные виды воспринимаемой угрозы со стороны мигрантов меняют взаимосвязи между показателями социального капитала (общее доверие, социальное доверие и этническая толерантность) и аккультурационными ожиданиями принимающего населения. Главный вопрос, на который призвана ответить данная статья: «Является ли воспринимаемая угроза со стороны мигрантов медиатором связи социального капитала и аккультурационных ожиданий принимающего населения (на примере города Москвы)?»

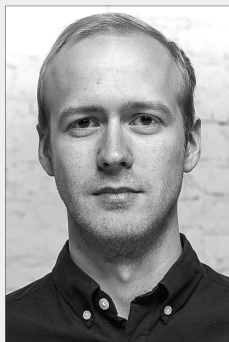
Социальный капитал и аккультурационные ожидания

Социальный капитал можно определить как совокупность различных ресурсов, доступных отдельным людям или группам через социальные связи (Kawachi, 2010). При этом социальный капитал рассматривается на двух уровнях: индивидуальном (микро) и групповом (макро). На макроуровне Патнэм определяет социальный капитал как доверие, нормы и связи социальной организации, которые могут улучшить эффективность общества, способствуя скоординированным действиям (Putnam, 1993, p. 167). Кроме того, Патнэм (Putnam, 2007), указывает, что этническое разнообразие является одним из факторов, который учитывается при формировании как межэтнической, так и внутриэтнической социальной сплоченности в рамках теории социального капитала.

Социальный капитал является одним из важных факторов, который влияет не только на стратегии аккультурации и адаптацию приезжающего населения (Jun, Ha, 2015), но и на аккультурационные установки принимающего населения по отношению к мигрантам (Татарко и др., 2018).

На основании работ по социальному капиталу Патнэма (Putnam, 1993, 2007) и отечественных исследований по проблематике социального капитала (Татарко и др., 2018) в структуре социального капитала на групповом уровне были выделены 3 компонента: общее доверие, социальное доверие и этническая толерантность.

Дж. Берри в своих работах описал 4 вида аккультурационных стратегий мигрантов (интеграция, ассимиляция, сепарация, маргинализация) и 4 вида аккультурационных ожиданий принимающего населения (мультикультурализм, плавильный котел, сегрегация, исключение) (Berry, 2006). Аккультурационными стратегиями являются некоторые теоретические аккультурационные установки приезжающе-

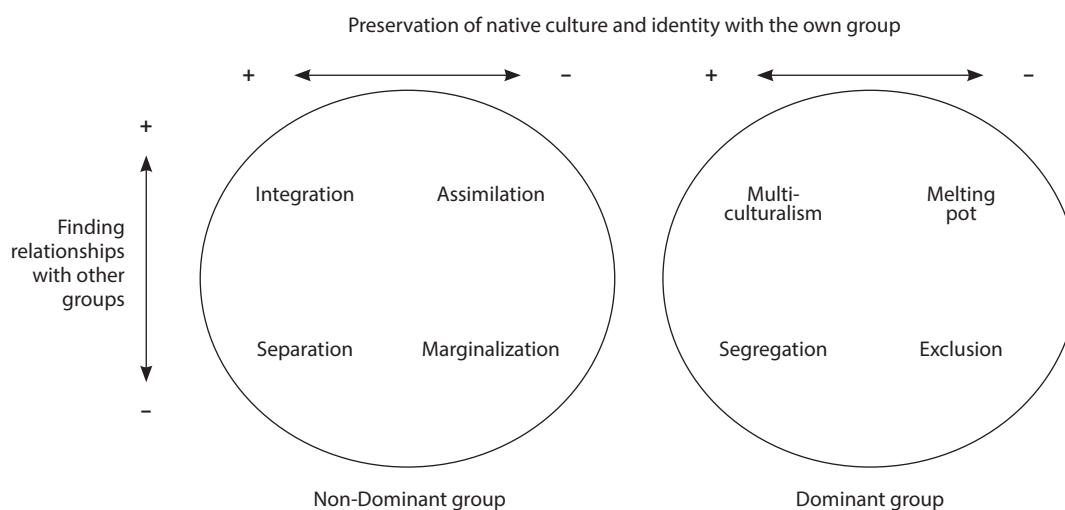

Гермоген Ярославович Родионов —
аспирант Центра социокультурных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
ORCID: 0000-0002-1113-1810

Germogen Y. Rodionov —
postgraduate student at the Centre of Sociocultural studies, National Research University Higher School of Economics
ORCID: 0000-0002-1113-1810

Рис. 1. Аккультурационные стратегии мигрантов и аккультурационные ожидания принимающего населения в зависимости от количества межгрупповых контактов и уровня сохранения культуры мигрантами

Figure 1. Acculturation strategies of migrants and acculturation expectations of the host population, depending on the number of intergroup contacts and ant the level of cultural preservation by migrants

го населения, являющиеся результатом комбинации двух факторов: отношения к своему культурному наследию и отношения к контакту с другой группой (Berry, 2003, 2006). Главное отличие аккультурационных стратегий от аккультурационных ожиданий в том, что стратегии описывают, каким образом мигранты (недоминантная группа) планируют адаптироваться в новом обществе. Аккультурационные ожидания описывают, какие стратегии адаптации мигрантов будут предпочтительны для принимающего населения (доминантная группа). Схематично модель Берри (Berry, 2006) представлена на рис. 1. В случае «мультикультурализма» от мигрантов ожидается, что они будут придерживаться своей культуры при высоком уровне включенности в общество. «Плавильный котел» означает, что мигранты будут перенимать культуру доминирующей группы и активно принимать участие в жизни общества. «Сегрегация»

означает избегание мигрантами контактов с принимающим обществом и поддержание культуры только своей группы. «Исключение» же означает избегание контактов и со своей, и с чужой группой и нежелание поддерживать как свою, так и чужую культуру. Существует немалое количество исследований аккультурационных стратегий (Ward, 1996), в то время как аккультурационные ожидания принимающего населения изучены в гораздо меньшей степени.

Воспринимаемая угроза как феномен, сопровождающий миграцию

Существуют различные взгляды на то, как формируется положительное или отрицательное отношение к мигрантам. Согласно модели группового конфликта (Meuleman et al., 2009), в смешанных сообществах,

включающих в себя и доминирующую группу, и мигрантов, может возникать негативное отношение коренного населения к мигрантам. Причинами такого отношения могут быть как конкуренция за рабочие места, так и культурные различия, которые могут мешать нормальному взаимодействию. При этом при ограничении прав мигрантов может возрасти межгрупповая напряженность. Согласно нормативной теории межгрупповых отношений (Chong, 1994; Pettigrew, 1994), чем более общество толерантно к соблюдению социальных норм, тем в меньшей степени люди замечают подобные нарушения. Результатом является более низкий уровень воспринимаемой угрозы со стороны другой группы. Если же нормы являются довольно жесткими и требующими неукоснительного соблюдения, их несоблюдение становится более заметным. В результате вероятность возникновения различных предубеждений в отношении другой группы становится выше. Теория символического расизма (Sheriff, 1966) тоже говорит о том, что другая этническая группа может восприниматься негативно из-за гипотетического ущерба культуре принимающего общества.

Некоторые исследования показывают, что в случае мультикультурной среды в обществе воспринимаемая угроза со стороны мигрантов в меньшей степени выражается и в меньшей степени замечается принимающим населением (Schlueter et al., 2013). Кроме того, в ситуации мультикультурализма не подтверждается нормативная теория, так как люди не акцентируют внимание на отдельных представителях другой группы. Таким образом, делается вывод, что воспринимаемая угроза не является медиатором связи социального капитала и аккультурационного ожидания «мультикультурализм».

Согласно теории интегральной угрозы Уолтера и Куки Стефан, одним из важных феноменов, сопровождающих миграцию, является воспринимаемая интегральная угроза (Stephan, Stephan, 2000). Авторы несколько раз пересматривали теоретическую структуру воспринимаемой угрозы, но чаще всего в структуру данного феномена входит физическая (реалистическая), культурная (символическая) и экономическая угроза (Stephan, Stephan, 2000; Stephan et al., 2002). Физическая угроза является субъективной оценкой того, насколько чужая группа может быть опасна для жизни и здоровья. Культурная угроза является угрозой культурным нормам, традициям, мировоззрению со стороны аутгруппы. Наконец, экономическая угроза связана с конкуренцией за различные ресурсы (деньги, жилье, работа). Компоненты воспринимаемой угрозы часто могут являться хорошими предикторами для отношения к другой группе (Stephan, Stephan, 2000).

Ряд современных исследователей изучали медиативную роль влияния предубеждений или угрозы в контексте аккультурации. Исследования, проведенные в Австралии, показали, что воспринимаемая дискриминация является медиатором связей аккультурации и психологического благополучия (Hashemi et al., 2019). Исследования в Китае и Канаде выявили,

что межгрупповая напряженность влияет на формирование глобальных установок по отношению к другой группе и на психологическую адаптацию в целом (Yakovov et al., 2019; Cao, Meng, 2020). Отдельную роль во взаимной аккультурации отводят экономической культурной угрозе (Mangum, 2019).

Существуют две противоположные точки зрения на взаимосвязь социального капитала и культурного разнообразия. Согласно одной из них, социальный капитал слабо связан с культурным разнообразием на фоне неформальных и формальных взаимоотношений в группе и между группами (Coleman, 1998; Putnam, 1993). Вторая точка зрения заключается в том, что изучение культуры является как ресурсом, так и ограничением для роста социального капитала. Ряд исследований показывают, что ценностные и личностные черты могут влиять как на аккультурационные ожидания (Kunst et al., 2021), так и на характер межгрупповых отношений в целом (Zeigler-Hill, 2017).

Стоит отметить, что первая точка зрения очень схожа по своей сути с исследованием Шлютера (Shlueter, 2013), в которых указывалось, что в ситуации мультикультурализма в обществе исчезает акцент на восприятии другой группы как чужой. Таким образом, и уровень воспринимаемой угрозы становится более низким, и акцент с нарушения различных социальных норм представителями другой культуры становится менее заметным. Можно предположить, что слабая связь социального капитала с культурным разнообразием может иметь место только в ситуации мультикультурализма. Вероятно, в любой другой ситуации, отличающейся от мультикультурализма, отношение к другой группе становится более заметным.

Существует явление межгрупповой дифференциации, согласно которой различные предрассудки могут повлиять на восприятие своей и чужой группы. Может появиться ингрупповой фаворитизм и аутгрупповая дискриминация (Гулевич, 2015, с. 387). При высоком уровне ингруппового фаворитизма своя группа будет восприниматься как более успешная и «умная», чем аутгруппа, но поведение членов ингруппы будет оцениваться позитивно. При высоком уровне аутгрупповой дискриминации при сравнении групп ингруппа оценивается с негативной стороны. Можно предположить, что в случае этнической аутгрупповой дискриминации возможно появление этнической нетерпимости другой группы. В ситуации мультикультурализма скорее этого быть не должно, т.к. общество является единым целым.

Согласно теории социальной идентичности (Tajfel, Turner, 1986), люди, устанавливая собственную идентичность, ищут особенности своей культуры, которые могут им помочь почувствовать себя представителями определенной общности. В этой ситуации выделение некоторых культурных особенностей своей группы становится более выраженным (Doosie et al., 1995; Hogg, 2000). Теория социальной доминирования частично подтверждает теорию социальной идентичности — люди считают свою группу более сильной, развитой, правильно живущей, но при этом происходит принижение других обществ (Steffens et

al., 2013). Более поздние исследования показали, что высокая идентичность принимающей группы с другой группой и гражданская идентичность являются ключевыми факторами для взаимной интеграции (Saenz-Hernandez, 2020) и для стратегии исключения другой группы из общества (Caricati, 2018).

На основании теоретического обзора нами были выдвинуты следующие гипотезы исследования:

H1. Воспринимаемая угроза является медиатором связи доверия и этнической толерантности с аккультурационным ожиданием «плавильный котел».

H2. Воспринимаемая угроза является медиатором связи доверия и этнической толерантности с аккультурационным ожиданием «сегрегация».

H3. Воспринимаемая угроза является медиатором связи доверия и этнической толерантности с аккультурационным ожиданием «исключение».

H4. Воспринимаемая угроза не является медиатором связи этнической толерантности и доверия с аккультурационным ожиданием «мультикультурализм».

Проведение исследования

Настоящее исследование проводилось в 2020 году в Москве. В исследовании приняли участие 214 человек в возрасте от 18 до 33 лет, родившихся и проживающих в г. Москва (80 мужчин и 134 женщины, средний возраст 21,64, стандартное отклонение 3,04). Из них 51,4% имеют высшее образование, остальные 48,6% либо являются студентами, либо имеют среднее образование. Все участники относят себя к этническим русским и являются гражданами Российской Федерации.

Исследование проводилось методом социально-психологического опроса. Он включал в себя шкалы, измеряющие: 1) групповой социальный капитал (показатели доверия и толерантности), 2) воспринимаемую угрозу со стороны мигрантов, 3) аккультурационные ожидания принимающего населения от мигрантов. Сбор ответов происходил в онлайн-формате при помощи сервиса «google формы».

1. Групповой социальный капитал. Для оценки группового уровня социального капитала использовалась шкала оценки доверия (Yamagishi, 1998) и методика этнической толерантности (Florack, 2003), адаптированная на русскоязычной выборке (Татарко, 2014). На их основе было выделено три шкалы: общее доверие (2 вопроса, $\alpha = 0,73$), социальное доверие (3 вопроса, $\alpha = 0,68$), этническая толерантность (2 вопроса, $\alpha = 0,77$). Респондентам предлагалось оценить степень согласия с утверждениями по шкале от 1 до 5, где 1 — «абсолютно не согласен», а 5 — «абсолютно согласен».

2. Интегральная воспринимаемая угроза со стороны мигрантов. Для оценки воспринимаемой угрозы использовался опросник MIRIPS Джона Берри (MIRIPS), адаптированный ранее на русскоязычной выборке (Лебедева, Татарко, 2009). Была использована шкала воспринимаемой безопасности, перекодированная в 3 вида воспринимаемой угрозы по

классификации Уолтера и Куки Стефан. Респондентам предлагалось оценить степень согласия с 16 утверждениями по шкале от 1 до 5 в зависимости от того, насколько высокий или низкий уровень угрозы чувствуется со стороны мигрантов. Виды угрозы выделялись следующие: культурная ($\alpha = 0,82$, 8 вопросов), физическая ($\alpha = 0,63$, 4 вопроса), экономическая ($\alpha = 0,75$, 4 вопроса).

3. Аккультурационные ожидания принимающего населения. Для оценки аккультурационных ожиданий использовалась методика Джона Берри, адаптированная на русскоязычной выборке (Лебедева, Татарко, 2009). Методика состоит из шкал, оценивающих четыре вида аккультурационных ожиданий. Каждая из четырех шкал состоит из четырех утверждений, степень согласия с которыми должны были выразить респонденты. Аккультурационные ожидания выделены следующие: А — «плавильный котел» ($\alpha = 0,60$), Б — «сегрегация» ($\alpha = 0,63$), В — «исключение» ($\alpha = 0,57$) и Г — «мультикультурализм» ($\alpha = 0,80$).

Обработка данных. Данные обрабатывались при помощи регрессионного анализа с использованием модуля Process v. 3.5, встраиваемого в программу IBM SPSS 27 для исследования модерации и медиативного эффекта.

Результаты исследования и их обсуждение

1. Анализ дескриптивных статистик и интеркорреляций между переменными.

В табл. 1 показаны средние значения по всем шкалам, используемым в исследовании. В целом можно сказать, что на низком уровне находится общее доверие. Социальное доверие и этническая толерантность находятся примерно на среднем уровне. Наиболее выраженной является культурная и физическая угроза, экономическая угроза имеет более низкий уровень. Наиболее предпочтительным аккультурационным ожиданием является мультикультурализм, остальные 3 вида аккультурационных ожиданий являются менее предпочтительными.

Таблица 1. Средние значения переменных

Переменная	Русские москвичи (214 чел.)	
	средние	стандартное отклонение
Общее доверие	2,48	0,89
Социальное доверие	3,19	0,81
Этническая толерантность	3,26	1,01
Культурная угроза	2,93	0,72
Экономическая угроза	2,67	0,78
Физическая угроза	3,02	0,86
Мультикультурализм	3,77	0,87
Плавильный котел	2,39	0,54
Сегрегация	2,52	0,72
Исключение	1,97	0,63

Table 1. Average values of variables

Variable name	Russian Muscovites (214 people.)	
	Means	Standard deviation
General trust	2.48	0.89
Social trust	3.19	0.81
Ethnic tolerance	3.26	1.01
Cultural threat	2.93	0.72
Economic threat	2.67	0.78
Physical threat	3.02	0.86
Multiculturalism	3.77	0.87
Melting pot	2.39	0.54
Segregation	2.52	0.72
Exclusion	1.97	0.63

В табл. 2 представлены результаты средних значений по шкалам показателей социального капитала, трех видов воспринимаемой угрозы и 4 типов аккультурационных ожиданий, а также корреляций всех шкал друг с другом.

Следует обратить внимание, что оба вида доверия имеют положительную значимую корреляцию друг с другом и отрицательную корреляцию с этнической толерантностью. Можно сказать, что, чем выше уровень доверия, особенно социального, тем ниже уровень этнической толерантности. Все три вида воспринимаемой угрозы имеют высокую положительную интеркорреляцию, что логично, т.к. все три вида воспринимаемой угрозы относятся к одному конструкту — интегральной воспринимаемой угрозе. Среди аккультурационных ожиданий можно выделить 2 значимые, но слабые интеркорреляции: отрицательную между «мультикультурализмом» (ср. знач. = 3,77)

Таблица 2. Интеркорреляции используемых переменных

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. Общее доверие		0,62***	0,26***	-0,11	-0,20**	-0,16*	0,22**	0,20**	,18*	-0,08
2. Социальное доверие			0,36***	-0,25***	-0,24***	-0,18**	0,33***	0,24***	0,18**	-0,07
3. Этническая толерантность				-0,64***	-0,44***	-0,44***	0,16*	0,13	0,18**	-0,20**
4. Культурная угроза					0,59***	0,60***	-0,12	0,02	-0,12	0,26***
5. Физическая угроза						0,72***	-0,11	0,01	-0,08	0,185**
6. Экономическая угроза							-0,14*	0,05	-0,16*	0,19**
7. Мультикультурализм								0,12	0,05	-0,151*
8. Плавильный котел									0,169*	0,05
9. Сегрегация										0,01
10. Исключение										
M	2,48	3,19	3,26	2,93	2,67	3,02	3,77	2,39	2,52	1,97
SD	0,89	0,81	1,01	0,72	0,78	0,86	0,87	0,54	0,72	0,63

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

Table 2. Intercorrelation of used variables

	1	2	3	4	5	6	7	8	9	10
1. General trust		0,62***	0,26***	-0,11	-0,20**	-0,16*	0,22**	0,20**	,18*	-0,08
2. Social trust			0,36***	-0,25***	-0,24***	-0,18**	0,33***	0,24***	0,18**	-0,07
3. Ethnic tolerance				-0,64***	-0,44***	-0,44***	0,16*	0,13	0,18**	-0,20**
4. Cultural threat					0,59***	0,60***	-0,12	0,02	-0,12	0,26***
5. Economic threat						0,72***	-0,11	0,01	-0,08	0,185**
6. Physical threat							-0,14*	0,05	-0,16*	0,19**
7. Multiculturalism								0,12	0,05	-0,151*
8. Melting pot									0,169*	0,05
9. Segregation										0,01
10. Exclusion										
M	2,48	3,19	3,26	2,93	2,67	3,02	3,77	2,39	2,52	1,97
SD	0,89	0,81	1,01	0,72	0,78	0,86	0,87	0,54	0,72	0,63

* $p < 0,05$, ** $p < 0,01$, *** $p < 0,001$

и «исключением» (1,97), и положительную между «плавильным котлом» (2,39) и «сегрегацией» (2,52). Это означает, что при выборе «мультикультурализма» предпочтение «исключения» становится ниже, т.к. данные аккультурационные ожидания являются полными противоположностями в контексте отношения к мигрантам. В первом случае принимающее общество хочет жить в мультикультурном обществе, во втором же есть желание полностью исключить другую аутгруппу из общества. Положительная связь между «плавильным котлом» и «сегрегацией» также, в целом, логична. Отсюда можно предположить, что в обоих случаях принимающее население будет стремиться не воспринимать другую группу как отдельное сообщество. В первом случае ожидается, что аутгруппа станет частью принимающего сообщества, во втором случае — что она будет жить отдельной жизнью, никак не соприкасаясь с доминантной группой. Тот факт, что данные корреляции между аккультурационными ожиданиями в двух случаях слабые, а в остальных случаях отсутствуют, подтверждают, что все четыре аккультурационных ожидания являются самостоятельными конструктами, не связанными друг с другом.

2. Проверка медиативной роли воспринимаемой угрозы взаимосвязи социального капитала и аккультурационных ожиданий.

Нами был проведен регрессионный анализ показателей социального капитала и аккультурационных ожиданий с дополнительной проверкой медиации

воспринимаемой угрозы через модуль Process. На рис. 2 представлена общая модель влияния показателей социального капитала на аккультурационные ожидания через воспринимаемую угрозу, выступающую медиатором.

Разновидности моделей влияния общего и социального доверия и этнической толерантности на 3 вида аккультурационных ожиданий представлены в табл. 1–3 (модели 1–3).

А. «Плавильный котел». Во всех трех моделях прослеживается прямая связь предикторов «плавильного котла» (табл. 3). При высоком уровне общего и социального доверия, а также этнической толерантности наблюдается предпочтение аккультурационной стратегии «ассимиляция», т.е. стремление к тому, чтобы мигранты переняли культуру и ценности принимающего коренного населения, отказавшись от поддержки своей культуры. Кроме того, прослеживается медиативный эффект воспринимаемой угрозы в модели 1.3. Воспринимаемая угроза показывает не прямой статистически значимый эффект, который снижает вероятность предпочтения «плавильного котла» (с коэффициента 0,13 при прямом эффекте до 0,07 при общем эффекте). Существенное значение имеет и культурная угроза, которая, наряду с общей воспринимаемой угрозой, производит значимый не прямой эффект. То есть, в случае высокой воспринимаемой угрозы, особенно культурной угрозы, коренное население Москвы в меньшей степени проявляет готовность принять мигрантов в свое общество. Таким

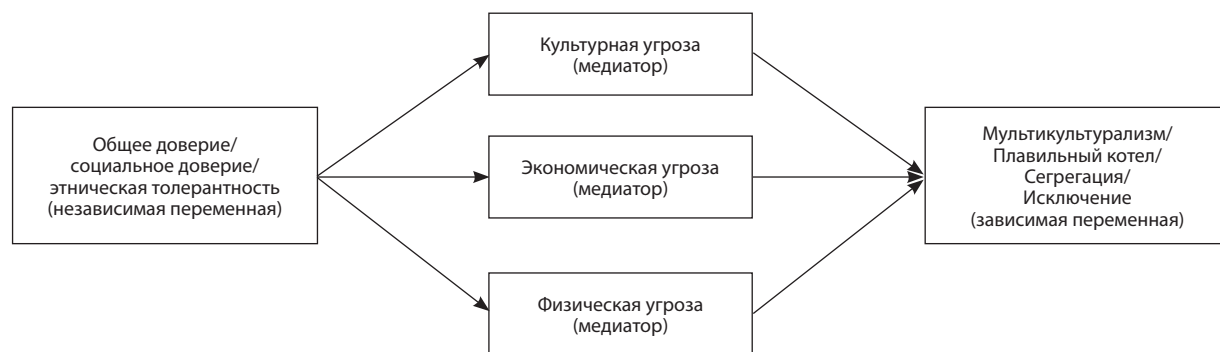

Рис. 2. Тестируемая модель параллельной медиации воспринимаемой угрозы во взаимосвязи показателей социального капитала и аккультурационных ожиданий принимающего населения

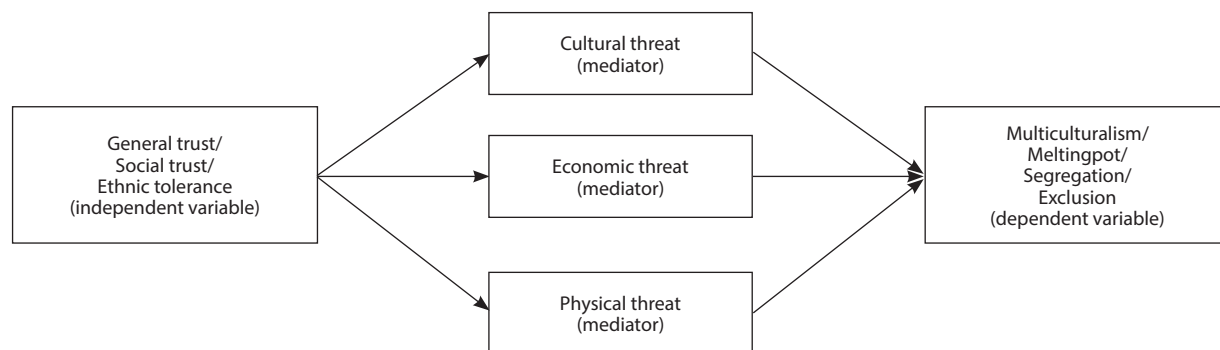

Figure 2. Tested model of parallel mediation of a perceived threat in the relationship between indicators of social capital and acculturation expectations

образом, гипотеза H1 подтверждается частично, т.к. непрямой эффект воздействия имеет только этническая толерантность, а доверие — нет.

Б. «Сегрегация (сепарация)». Здесь мы видим, что оба вида доверия имеют положительную прямую связь с «сепарацией» (табл. 4). Выраженный значимый непрямой эффект имеет только воспринимаемая физическая угроза, высокий уровень которой увеличивает предпочтение «сепарации» во всех трех моделях. Это означает, что при высоком уровне физической угрозы москвичи стремятся не контактировать с другой группой, не принимая ее в свое общество. Наиболее интересной представляется модель номер 2.3, где не наблюдается значимого прямого эффекта влияния этнической толерантности на сепарацию, при этом общий эффект становится значимым благодаря физической угрозе, без медиативного эффекта которой модель теряет научную значимость. Это означает, что этническая толерантность / интолерантность сама по себе не ведет к нежеланию контактировать с другой группой. Именно воспринима-

емая физическая угроза является главным рычагом выбора стратегии, что довольно интересно. Таким образом, мы можем сказать, что гипотеза H2 подтвердилась частично, т.к. медиатором является только физическая угроза.

В. «Исключение». Модели 3.1–3.3 показывают, что значимое прямое влияние всех показателей социального капитала на аккультурационное ожидание «исключение» отсутствуют (табл. 5). Общий эффект влияния воспринимаемой угрозы не имеет значимости в моделях 3.1 и 3.2. Это означает, что уровень доверия москвичей не влияет на предпочтение «сегрегации», это подтвердило и отсутствие значимых корреляций между двумя видами доверия и «исключением» (табл. 2). Наибольший интерес вызывает модель 3.3, в которой прослеживается значимый общий эффект этнической толерантности и культурной угрозы, а также непрямой эффект отдельно культурной угрозы. Мы можем увидеть, что высокий уровень воспринимаемой угрозы, особенно культурной, при высоком уровне этнической толерантности ведет к сниже-

Таблица 3. Виды воспринимаемой угрозы как медиаторы связи показателей социального капитала с аккультурационным ожиданием «Плавильный котел»

Виды эффектов	Плавильный котел (зависимая переменная)		
	Независимые переменные		
	Общее доверие (модель 1.1)	Социальное доверие (модель 1.2)	Этническая толерантность (модель 1.3)
Прямой	0,20*	0,34***	0,13**
Непрямой (общая угроза — медиатор)	0,14	0,08	–,11*
Непрямой (культурная угроза — медиатор)	0,01	–0,001	–0,09*
Непрямой (экономическая угроза — медиатор)	–0,01	–0,02	0,02
Непрямой (физическая угроза — медиатор)	0,02	0,02	–0,05
Общий	0,21*	0,35***	0,07*
F	10,6*	25,2***	3,5*
R ²	0,05*	0,11***	0,02*

Примечание: * p < 0,05, ** p < 0,01, *** p < 0,001

Table 3. Types of perceived threat as mediators of the relationship between social capital indicators and acculturation expectation “Melting pot”

Types of effects	Melting pot (dependent variable)		
	Independent variables		
	General trust (model 1.1)	Social trust (model 1.2)	Ethnic tolerance (model 1.3)
Прямой	0.20*	0.34***	0.13**
Непрямой (общая угроза — медиатор)	0.14	0.08	–.11*
Непрямой (культурная угроза — медиатор)	0.01	–0.001	–0.09*
Непрямой (экономическая угроза — медиатор)	–0.01	–0.02	0.02
Непрямой (физическая угроза — медиатор)	0.02	0.02	–0.05
Общий	0.21*	0.35***	0.07*
F	10.6*	25.2***	3.5*
R ²	0.05*	0.11***	0.02*

Note: * p < 0.05, ** p < 0.01, *** p < 0.001

Таблица 4. Виды воспринимаемой угрозы как медиаторы связи показателей социального капитала с аккультурационным ожиданием «Сегрегация»

Виды эффектов	Сегрегация (зависимая переменная)		
	Независимые переменные		
	Общее доверие (модель 2.1)	Социальное доверие (модель 2.2)	Этническая толерантность (модель 2.3)
Прямой	0,13*	0,15*	0,12
Непрямой	0,01	0,01	0,01
Непрямой (культурная угроза — медиатор)	0,01	0,01	-0,03
Непрямой (экономическая угроза — медиатор)	-0,02	-0,3	-0,05
Непрямой (физическая угроза — медиатор)	0,03*	0,04*	0,08**
Общий	0,14**	0,16**	0,13**
F	6,8**	3,1*	7,0**
R ²	0,03**	0,06*	0,03**

Примечание: * p < 0,05, ** p < 0,01, *** p < 0,001

Table 4. Types of perceived threat as mediators of the relationship between social capital indicators and acculturation expectation “Segregation”

Types of effects	Segregation (dependent variable)		
	Independent variables		
	General trust (model 2.1)	Social trust (model 2.2)	Ethnic tolerance (model 2.3)
Direct	0.13*	0.15*	0.12
Indirect	0.01	0.01	0.01
Indirect (cultural threat as mediator)	0.01	0.01	-0.03
Indirect (economic threat as mediator)	-0.02	-0.3	-0.05
Indirect (physical threat as mediator)	0.03*	0.04*	0.08**
Total	0.14**	0.16**	0.13**
F	6.8**	3.1*	7.0**
R ²	0.03**	0.06*	0.03**

Note: * p < 0.05, ** p < 0.01, *** p < 0.001

нию предпочтения «исключения», что оказывается довольно неожиданным результатом. Возможно, в данной ситуации следует учесть, что стратегия исключения является довольно низко предпочитаемой стратегией (среднее = 1,97), вследствие чего в случае культурной угрозы у людей может возникать, в первую очередь, желание не исключить другую группу, а, наоборот, проявить некоторую толерантность по отношению к ней. Если бы уровень физической угрозы был высоким, вероятно, результаты были бы обратными. Таким образом, гипотеза Н3 подтверждается частично, т.к. непрямой эффект имеет только модель 3.3. Может возникнуть вопрос: почему более высокий уровень физической угрозы ведет к «сегрегации», а не к «исключению». Предположительно, это связано с тем, что акцент в большей степени делается на ингрупповом фаворитизме, а не на аутгрупповой агрессии. Иными словами, при высоком уровне физической угрозы люди будут в большей степени думать, как они будут справляться с проблемой самостоятельно усилиями своей группы, не прибегая к дискриминации аутгруппы.

Г. «Мультикультурализм». В моделях 4.1–4.3, представленных в табл. 6, можно проследить наличие значимых связей при прямом влиянии общего и социального доверия, а при непрямой связи значимой медиации выявлено не было. Таким образом, гипотеза Н4 подтверждается полностью. В ситуации мультикультурализма, действительно, нет явного акцента на культурных различиях, вследствие чего нет акцента и на воспринимаемой угрозе, потому что у принимающего населения есть установка на жизнь в мультикультурной среде, где общность одна. Это можно объяснить с помощью теории социальной идентичности (Tajfel, Turner, 1986) и теории межгрупповой дифференциации (Гулевич, 2015, с. 387), согласно которым своя группа будет восприниматься более позитивно, нежели чужая группа, которая может восприниматься негативно и даже угрожающе. Этническая толерантность в данных моделях не играет никакой роли, т.к. наиболее важным компонентом при прямой связи показателей социального капитала и аккультурационных ожиданий здесь является доверие (общее и социальное).

Таблица 5. Виды воспринимаемой угрозы как медиаторы связи показателей социального капитала с аккультурационным ожиданием «Исключение»

Виды эффектов	Исключение (зависимая переменная)		
	Независимые переменные		
	Общее доверие (модель 3.1)	Социальное доверие (модель 3.2)	Этническая толерантность (модель 3.3)
Прямой	-0,04	-0,002	-0,03
Непрямой	-0,03	-0,07	-0,15*
Непрямой (культурная угроза — медиатор)	-0,03	-0,06	-0,012*
Непрямой (экономическая угроза — медиатор)	-0,003	-0,01	-0,01
Непрямой (физическая угроза — медиатор)	-0,005	-0,01	-0,01
Общий	-0,1	-0,1	-0,13*
F	1,5	1,1	8,9*
R ²	0,1	0,01	0,04*

Примечание: * p < 0,05, ** p < 0,01, *** p < 0,001

Table 5. Types of perceived threat as mediators of the relationship between social capital indicators and acculturation expectation “Exclusion”

Types of effects	Exclusion (dependent variable)		
	Independent variables		
	General trust (model 3.1)	Social trust (model 3.2)	Ethnic tolerance (model 3.3)
Direct	-0.04	-0.002	-0.03
Indirect	-0.03	-0.07	-0.15*
Indirect (cultural threat as mediator)	-0.03	-0.06	-0.012*
Indirect (economic threat as mediator)	-0.003	-0.01	-0.01
Indirect (physical threat as mediator)	-0.005	-0.01	-0.01
Total	-0.1	-0.1	-0.13*
F	1.5	1.1	8.9*
R ²	0.1	0.01	0.04*

Note: * p < 0.05, ** p < 0.01, *** p < 0.001

Таблица 6. Виды воспринимаемой угрозы как медиаторы связи показателей социального капитала с аккультурационным ожиданием «Мультикультурализм»

Виды эффектов	Мультикультурализм (зависимая переменная)		
	Независимые переменные		
	Общее доверие (модель 4.1)	Социальное доверие (модель 4.2)	Этническая толерантность (модель 4.3)
Прямой	0,20**	0,34***	0,06
Непрямой	0,01	0,01	0,01
Непрямой (культурная угроза — медиатор)	0,07	-0,001	-0,002
Непрямой (экономическая угроза — медиатор)	0,09	-0,02	-0,001
Непрямой (физическая угроза — медиатор)	0,02	0,02	0,01
Общий	0,01	0,35***	0,07
F	10,7	6,9	1,2
R ²	0,048	0,11	0,04*

Примечание: * p < 0,05, ** p < 0,01, *** p < 0,001

Table 6. Types of perceived threat as mediators of the relationship between social capital indicators and acculturation expectation “Multiculturalism”

Types of effects	Multiculturalism (dependent variable)		
	Independent variables		
	General trust (model 4.1)	Social trust (model 4.2)	Ethnic tolerance (model 4.3)
Direct	0.20**	0.34***	0.06
Indirect	0.01	0.01	0.01
Indirect (cultural threat as mediator)	0.07	-0.001	-0.002
Indirect (economic threat as mediator)	0.09	-0.02	-0.001
Indirect (physical threat as mediator)	0.02	0.02	0.01
Total	0.01	0.35***	0.07
F	10.7	6.9	1.2
R ²	0.048	0.11	0.04*

Note: * p < 0.05, ** p < 0.01, *** p < 0.001

Заключение

Результаты исследования показали, что воспринимаемая угроза действительно является медиатором связи показателей социального капитала и трех видов аккультурационных ожиданий, таких как плавильный котел, сегрегация и исключение. В случае мультикультурализма было выявлено отсутствие медиативной связи показателей доверия и этнической толерантности с данным аккультурационным ожиданием. Одним из возможных объяснений этого является тот факт, что предиктором здесь должны быть не доверие и этническая толерантность, а различные виды социальной идентичности, например, гражданская и инклюзивная (надэтническая). При этом, возможно, воспринимаемая угроза будет выступать не промежуточным звеном в связи показателей социального капитала и аккультурационных ожиданий, а независимым фактором, корректирующим взаимосвязи предикторов и мультикультурализма (модератором), т.к. воспринимаемая угроза, прежде

всего, влияет на предубеждения в отношении других групп. В случае же мультикультурализма, общество в целом становится единым, а потому и роль интегральной воспринимаемой угрозы может меняться, т.е. она перестает быть медиатором.

Основным ограничением данного исследования является то, что оно проводилось только в одном регионе России — в Москве. В ближайшее время планируется сравнение результатов данного исследования с результатами, полученными у других групп в других странах.

Информация о грантах и благодарностях

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2021 году.

Acknowledgments

This article is an output of a research project implemented as part of the Basic Research Program at the National Research University Higher School of Economics (HSE University) in 2021.

Литература:

- Гулевич О.А., Сариев И.Р. Социальная психология: учебник и практикум для академического бакалавриата. М.: Юрайт, 2015. URL: <https://publications.hse.ru/books/147906819>
- Лебедева Н.М., Татарко А.Н. Сравнительный анализ стратегий взаимодействия мигрантов и населения России в Москве и Ставропольском крае. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России. М.: РУДН, 2009.
- Татарко А.Н. Социально-психологический капитал личности в поликультурном обществе. М.: Институт психологии РАН, 2014.
- Татарко А.Н., Лепшкова З.Х., Дубров Д.И., Чувашов С.В. Социально-психологический капитал личности и аккультурационные ожидания (на примере жителей Москвы) // *Общественные науки и современность*. 2018. № 4. С. 76–88.
- Berry J.W. (2003). Conceptual approaches to acculturation. In K. Chun, P. Balls-Organista, G. Martin (Eds.), *Acculturation: Advances in theory, measurement, and applied research* (pp. 17–37). Washington DC: American Psychological Association Press. doi: 10.1037/10472-004
- Berry J.W. (2006). Contexts of Acculturation. Immigrant. In Berry J.W., Phinney L.S., Sam D.L., Vedder P.M. (Eds.), *Youth in Cultural Transition* (pp. 27–42). N.Y.: Lawrence Erlbaum Associates, doi: 10.4324/9780415963619
- Berry J.W. Mutual Intercultural Relations In *Plural Societies* (MIRIPS). URL: <https://www.wgtn.ac.nz/cacr/research/mirips>
- Cao C., Meng Q. (2020). Chinese university students' mediated contact and global competence: Moderation of direct contact and mediation of intergroup anxiety. *International Journal of Intercultural Relations*, 72, 58–68. doi: 10.1016/j.ijintrel.2020.03.002
- Caricati I. (2018). Perceived threat mediates the relationship between national identification and support for immigrant exclusion: A Cross-National Test of Ingroup Threat Theory. *International Journal of Intercultural Relations*, 66, 41–51. doi: 10.1016/j.ijintrel.2018.06.005
- Chong D. (1994). Tolerance and social adjustment to new norms and practices. *Political Behavior*, 16 (1), 21–53. doi: 10.1007/BF01541641

- Coleman J.S. (1988). 'Social Capital in the Creation of Human Capital'. *American Journal of Sociology*, 94, 95–120. URL: <https://www.jstor.org/stable/2780243>.
- Doosje B., Ellemers N., Spears R. (1995). Perceived intragroup variability as a function of group status and identification. *Journal of Experimental Social Psychology*, 31, 410–436. doi: 10.1006/jesp.1995.1018
- Florack A., Bless H., Piontkowski U. (2003). When do people accept cultural diversity? *International Journal of Intercultural Relations*, 27 (6), 627–640. doi: 10.1016/j.ijintrel.2003.08.003
- Hashemi N., Marzban M., Sebar B., Harris N. (2019). Acculturation and psychological well-being among Middle Eastern migrants in Australia: The mediating role of social support and perceived discrimination. *International Journal of Intercultural Relations*, 72, 45–60. doi: 10.1016/j.ijintrel.2019.07.002
- Hogg M.A. (2000). Subjective uncertainty reduction through self-categorization: A motivational theory of social identity processes. *European Review of Social Psychology*, 11, 223–255. doi: 10.1080/14792772043000040
- International Migrant Report 2019. Economic and Social Affairs – United States, NY. Available at: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/InternationalMigration2019_Report.pdf
- Jun H. J., Ha S. K. (2015). Social capital and assimilation of migrant workers and foreign wives in South Korea: The case of Wongok community. *Habitat International*, 47, 126–135. doi: 10.1016/j.habitatint.2015.01.013
- Kawachi I. (2010). Social capital and health. In C. E. Bird, P. Conrad, A. M. Fremont, S. Timmermans (Eds.), *Handbook of medical sociology* (pp. 18–32). Nashville, TN: Vanderbilt University Press. doi: 10.1007/2F978-0-387-71311-3_14
- Kunst J., Lefringhauzen K., Skaar S., Obaidi M. (2020). Who adopts the culture of ethnic minority groups? A personality perspective on majority-group members' acculturation. *International Journal of Intercultural Relations*, 81, 20–28. doi: 10.1016/j.ijintrel.2021.01.001
- Mangum M. (2019). Revisiting economic threat and cultural concerns: Public opinion toward immigration and non-citizens by race. *Social Science Research*, 83. doi: 10.1016/j.ssresearch.2019.05.002
- Meuleman B., Davidov E., Billiet J. (2009). Changing attitudes toward immigration in Europe, 2002–2007: a dynamic group conflict theory approach. *Social Science Research*, 38, 352–365. doi: 10.1016/j.ssresearch.2008.09.006
- Pettigrew T. (1991). Normative theory in intergroup relations: Explaining both harmony and conflict. *Psychology and Developing Societies*, 3 (1), 3–16. doi: 10.1177/097133369100300102
- Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. (1993). *Making democracy work: Civic traditions in modern Italy*. Princeton, NJ: Princeton University Press. Available at: <https://eportfolios.macaulay.cuny.edu/benediktsson2013/files/2013/04/Putnam.pdf>. doi: 10.1515/9781400820740
- Putnam R. (2007). E Pluribus Unum: diversity and community in the twenty-first century. The 2006 Johan Skytte prize lecture. *Scandinavian Political Studies*, 30 (2), 137–174. doi: 10.1111/j.1467-9477.2007.00176.x
- Saenz-Hernandez I., Lapresta-Rey C., Ianos M., Petrenas C. (2020). Identity and linguistic acculturation expectations. The attitudes of Western Catalan high-school students towards Morrocans and Romanians. *International Journal of Intercultural Relations*, 75, 10–22. doi: 10.1016/j.ijintrel.2019.12.001
- Schlueter E., Meuleman B., Davidov E. (2013). Immigrant Integration policies and perceived Group Threat: A Multilevel Study of 27 Western and Eastern European Countries. *Social Science Research*, 42, 670–682. doi: 10.1016/j.ssresearch.2012.12.001
- Sherif M. (1966). *Group conflict and cooperation*. London: Routledge and Kegan Paul.
- Stephan W.G., Stephan C.W. (2000). An Integrated Threat Theory of Prejudice. In S. Oscanp (Eds.), (pp. 225–246). Hillside, NJ: Lawrence Erlbaum,
- Stephan W.G., Boniecki K., Ybarra O., Bettencourt A., Ervin K., Jackson L., McNatt P., Renfro C. (2002). The role of threats in the Racial Attitudes of Blacks and Whites. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 28 (9), 1242–1254. doi: 10.1177/01461672022812009
- Steffens M.C., Reese G., Ehrke F., Jonas K.J. (2017). When does activating diversity alleviate, when does it increase intergroup bias? An ingroup projection perspective. *PLoS ONE*, 12 (6). doi: 10.1371/journal.pone.0178738
- Tajfel H., Turner J.C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worchel, W. G. Austin (Eds.), *Psychology of intergroup relations*. Chicago: Nelson Hall, 276–293. doi: 10.4324/9780203505984-16
- Ward C. (1996). Acculturation. In D. Landis, R. Bhagat (Eds.), *Handbook of Intercultural training*. Thousand Oaks, CA: Sage, 124–147.
- Yakovov E., Jurchik T., Solopieieva-Jurcikova I., Ryder A. (2019). Expectations and acculturation: Further unpacking of adjustment mechanisms within the Russian-Speaking community in Montreal. *International Journal of Intercultural Relations*, 68, 67–76. doi: 10.1016/j.ijintrel.2018.11.001
- Yamagishi T. (1998). Trust and Social Intelligence. *The evolutionary Game of Mind and Society*. Tokyo: Tokyo University Press, 107–171. doi: 10.1007/978-4-431-53936-0
- Zeigler-Hill. (2017). The roles of personality traits and perceived threat in the attitudes of Israelis toward peace with the Palestians. *Personality and Individuals Differences*, 116, 296–300. doi: 10.1016/j.paid.2017.05.007

Reference:

- Berry J.W. (2003). Conceptual approaches to acculturation. In K. Chun, P. Balls-Organista, G. Martin (Eds.), *Acculturation: Advances in theory, measurement, and applied research*. (pp. 17–37). Washington DC: American Psychological Association Press. doi: 10.1037/10472-004
- Berry J.W. (2006). Contexts of Acculturation. In Berry J.W., Phinney L.S., Sam D.L., Vedder P.M. *Immigrant Youth in Cultural Transition*. (pp. 27–42). N.Y.: Lawrence Erlbaum Associates. doi: 10.4324/9780415963619
- Berry J.W. *Mutual Intercultural Relations In Plural Societies (MIRIPS)*. URL: <https://www.wgtn.ac.nz/cacr/research/mirips>
- Cao C., Meng Q. (2020). Chinese university students' mediated contact and global competence: Moderation of direct contact and mediation of intergroup anxiety. *International Journal of Intercultural Relations*, 72, 58–68. doi: 10.1016/j.ijintrel.2020.03.002
- Caricati I. (2018). Perceived threat mediates the relationship between national identification and support for immigrant exclusion: A Cross-National Test of Ingroup Threat Theory. *International Journal of Intercultural Relations*, 66, 41–51. doi: 10.1016/j.ijintrel.2018.06.005

- Chong D. (1994). Tolerance and social adjustment to new norms and practices. *Political Behavior*, 16 (1), 21–53. doi: 10.1007/BF01541641
- Coleman J.S. (1988). 'Social Capital in the Creation of Human Capital'. *American Journal of Sociology*, 94, 95–120. URL: <https://www.jstor.org/stable/2780243>
- Doosje B., Ellemers N., Spears, R. (1995). Perceived intragroup variability as a function of group status and identification. *Journal of Experimental Social Psychology*, 31, 410–436. doi: 10.1006/jesp.1995.1018
- Florack A., Bless H., Piontkowski U. (2003). When do people accept cultural diversity? *International Journal of Intercultural Relations*, 27 (6), 627–640. doi: 10.1016/j.ijintrel.2003.08.003
- Gulevich O. (2015). Social Psychology: textbook and workshop for academic bachelor's degree. Moscow.: Urayt. URL: <https://publications.hse.ru/books/147906819>
- Hashemi N., Marzban M., Sebar B., Harris N (2019). Acculturation and psychological well-being among Middle Eastern migrants in Australia: The mediating role of social support and perceived discrimination. *International Journal of Intercultural Relations*, 72, 45–60. doi: 10.1016/j.ijintrel.2019.07.002
- Hogg M.A. (2000). Subjective uncertainty reduction through self-categorization: A motivational theory of social identity processes. *European Review of Social Psychology*, 11, 223–255. doi: 10.1080/14792772043000040
- International Migrant Report 2019. Economic and Social Affairs – United States, NY. Available at: https://www.un.org/en/development/desa/population/migration/publications/migrationreport/docs/InternationalMigration2019_Report.pdf
- Jun H.J., Ha S.K. (2015). Social capital and assimilation of migrant workers and foreign wives in South Korea: The case of Wongok community. *Habitat International*, 47, 126–135. doi: 10.1016/j.habitatint.2015.01.013
- Kawachi I. (2010). Social capital and health. In C. E. Bird, P. Conrad, A. M. Fremont, S. Timmermans (Eds.), *Handbook of medical sociology* (pp. 18–32). Nashville, TN: Vanderbilt University Press. doi: 10.1007/2F978-0-387-71311-3_14
- Kunst J., Lefringhauzen K., Skaar S., Obaidi M. (2020). Who adopts the culture of ethnic minority groups? A personality perspective on majority-group members' acculturation. *International Journal of Intercultural Relations*, 81, 20–28. doi: 10.1016/j.ijintrel.2021.01.001
- Lebedeva N., Tatarko A. (2009). Comparative analysis of the strategies between migrants and the population of Russia in Moscow and The Stavropol. Strategies of intercultural relationships between migrants and the population of Russia. Moscow: Rossiyskiy Universitet Druzhby Narodov.
- Mangum M. (2019). Revisiting economic threat and cultural concerns: Public opinion toward immigration and non-citizens by race. *Social Science Research*, 83. doi: 10.1016/j.ssresearch.2019.05.002
- Meuleman B., Davidov E., Billiet J. (2009). Changing attitudes toward immigration in Europe, 2002–2007: a dynamic group conflict theory approach. *Social Science Research*, 38, 352–365. doi: 10.1016/j.ssresearch.2008.09.006
- Pettigrew T. (1991). Normative theory in intergroup relations: Explaining both harmony and conflict. *Psychology and Developing Societies*, 3 (1), 3–16. doi: 10.1177/097133369100300102
- Putnam R.D., Leonardi R., Nanetti R.Y. (1993). Making democracy work: Civic traditions in modern Italy. Princeton, NJ: Princeton University Press. Available at: <https://eportfolios.macaulay.cuny.edu/benediktsson2013/files/2013/04/Putnam.pdf>. doi: 10.1515/9781400820740
- Putnam R. (2007). E Pluribus Unum: diversity and community in the twenty-first century. The 2006 Johan Skytte prize lecture. *Scandinavian Political Studies*, 30 (2), 137–174. doi: 10.1111/j.1467-9477.2007.00176.x
- Saenz-Hernandez I., Lapresta-Rey C., Ianos M., Petrenas C. (2020). Identity and linguistic acculturation expectations. The attitudes of Western Catalan high-school students towards Morrocans and Romanians. *International Journal of Intercultural Relations*, 75, 10–22. doi: 10.1016/j.ijintrel.2019.12.001
- Schlueter E. Meuleman B., Davidov E. (2013). Immigrant Integration policies and perceived Group Threat: A Multilevel Study of 27 Western and Eastern European Countries. *Social Science Research*, 42, 670–682. doi: 10.1016/j.ssresearch.2012.12.001
- Sherif M. (1966). Group conflict and cooperation. London: Routledge and Kegan Paul.
- Stephan W.G., Stephan C.W. (2000). An Integrated Threat Theory of Prejudice. In S. Oskamp (Eds.), (pp. 225–246). Hillside, NJ: Lawrence Erlbaum.
- Stephan W.G., Boniecki K., Ybarra O., Bettencourt A., Ervin K., Jackson L., McNatt P., Renfro C. (2002). The role of threats in the Racial Attitudes of Blacks and Whites. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 28 (9), 1242–1254. doi: 10.1177/01461672022812009
- Steffens M.C., Reese G., Ehrke F., Jonas K.J. (2017). When does activating diversity alleviate, when does it increase intergroup bias? An ingroup projection perspective. *PLoS ONE*, 12 (6). doi: 10.1371/journal.pone.0178738
- Tajfel H., Turner J.C. (1986). The social identity theory of intergroup behavior. In S. Worchel, W. G. Austin (Eds.), *Psychology of intergroup relations*. (pp. 276–293), Chicago: Nelson Hall. doi: 10.4324/9780203505984-16
- Tatarko A. (2014). Socio-psychological capital of the individual in a multicultural society. Moscow: InstitutPsikhologii RAN.
- Tatarko A., Lepshokova Z., Dubrov D. (2018). <https://publications.hse.ru/view/219606581> \t “_blank. *Obshchestvennye Nauki I Sovremennost*, 4, 76–88. doi: 10.31857/S086904990000373-2
- Ward C. (1996). Acculturation. In D. Landis, R. Bhagat (Eds.), *Handbook of Intercultural training*. Thousand Oaks (pp. 124–147). CA: Sage.
- Yakovov E., Jurchik T., Solopieieva-Jurcikova I., Ryder A. (2019). Expectations and acculturation: Further unpacking of adjustment mechanisms within the Russian-Speaking community in Montreal. *International Journal of Intercultural Relations*, 68, 67–76. doi: 10.1016/j.ijintrel.2018.11.001
- Yamagishi T. (1998). Trust and Social Intelligence. *The evolutionary Game of Mind and Society*. Tokyo: Tokyo University Press, 107–171. doi: 10.1007/978-4-431-53936-0
- Zeigler-Hill. (2017). The roles of personality traits and perceived threat in the attitudes of Israelis toward peace with the Palestians. *Personality and Individuals Differences*, 116, 296–300. doi: 10.1016/j.paid.2017.05.007

Оригинальная статья

УДК 159.922.4, 316.62, 159.923.2
doi: 10.11621/npj.2021.0203

«Сохранение лица» — цель или средство? Социально-психологические характеристики концепции лица

Е.Д. Васильева, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ),
Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-7814-953X

Для контактов. E-mail: edvasilyeva@hse.ru

Актуальность тематики статьи. Понятие «лицо» появилось в научном дискурсе в середине прошлого столетия и с тех пор используется исследователями в сферах коммуникативистики, лингвистики и психологии. Такой диверсифицированный подход к изучению этого феномена приводит к целому ряду разногласий в понимании его основных характеристик и функций. Актуальность данного обзора заключается в систематическом анализе понятия «лицо», выделении его как компонента межкультурной компетентности и формулировке проблем дальнейшего исследования.

Цель. Анализ соотношения понятий «идентичность», «самопрезентация» и «лицо», выявление основных характеристик и особенностей процесса «сохранения лица» с социально-психологической точки зрения.

Описание хода исследования. В работе проводится обзор литературы с помощью метода сравнительного анализа с применением системного и субъективного подходов. Выявляются основные характеристики и функции понятия «лицо». Приводится краткий обзор индигенного подхода к понятию «лицо», сравнение его с такими понятиями как идентичность и самопрезентация, анализируется операционализация этого понятия в рамках Теории поддержания лица (Face negotiation theory), предложенной С. Тинг-Туми. Особое внимание уделяется рассмотрению этого понятия как компонента межкультурной коммуникации.

Результаты исследования. «Лицо» определяется как универсальный феномен индивидуального и реляционного уровней, который не может быть рассмотрен независимо от объекта и контекста коммуникации. Сформулированы новые направления изучения этого феномена.

Выводы. Для дальнейшего изучения феномена необходимо более детальное представление о факторах, влияющих на выбор стратегии «сохранения лица» на индивидуальном, ситуативном и культурном уровнях. Кроме того, концепция «лица» может быть рассмотрена как компонент межкультурной коммуникативной компетентности.

Ключевые слова: идентичность, самопрезентация, сохранение лица, межкультурная коммуникация, коммуникативная компетентность.

Для цитирования: Васильева Е.Д. «Сохранение лица» — цель или средство? Социально-психологические характеристики концепции лица // Национальный психологический журнал. 2021. № 2 (42). С. 26–35. doi: 10.11621/npj.2021.0203

Поступила 18 марта 2021 / Принята к публикации 25 мая 2021

“Saving face” — means or goal of communication? Socio-psychological characteristics of face concept

Ekaterina D. Vasilyeva, National Research University Higher School of Economics (HSE University) Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-7814-953X

Corresponding author. E-mail: edvasilyeva@hse.ru

Background. The concept of “face” appeared in scientific discourse in the middle of the last century and has since been used by researchers in the fields of communication studies, linguistics and psychology. Such a diversified approach to the study of this phenomenon leads to a number of disagreements in the understanding of its main characteristics and functions. The relevance of this review lies in the systematic analysis of face and facework, highlighting it as an independent subject of study and formulating problems for further research.

Objective. The purpose of this article is to analyze the relationship between the concepts of “identity”, “self-presentation” and “face”, as well as to identify the main characteristics and features of the process of saving face from the socio-psychological point of view.

Methods. Systemic and subjective approaches, comparative analysis method.

Results. “Face” is defined as a universal phenomenon of the individual and relational levels that cannot be considered independently of the object and context of communication. In addition, special attention is paid to the consideration of this concept as a component of intercultural communication. New research directions are outlined.

Conclusions. For further study of “face”, one needs a more detailed understanding of the factors influencing the face concerns and facework at the individual, situational and cultural levels. In addition, the concept of “face” can be viewed as a component of intercultural communicative competence.

Keywords: identity, self-presentation, face, facework, intercultural communication, communication competence. For citation: Vasilyeva, E.D. (2021). “Saving face” — means or goal of communication? Socio-psychological characteristics of the face.

For citation: Vasilyeva E.D. (2021). “Saving face” — means or goal of communication? Socio-psychological characteristics of face concept. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 2 (42), 26–35. doi: 10.11621/npj.2021.0203

Received March 18, 2021 / Accepted for publication May 25, 2021

Введение

Межличностное взаимодействие было и остается одной из самых широких и волнующих тем исследований в социальной психологии. Окружающая нас действительность постоянно задает новые условия и меняет характер этого взаимодействия. При этом, независимо от того, общаемся ли мы в реальном или виртуальном пространстве, мы всегда стремимся к созданию некоторого образа себя.

Презентация индивидом своей идентичности в процессе коммуникации в социально-психологической литературе часто рассматривается через понятие «лица», которое выступает в качестве механизма публичной самопрезентации. В литературе «лицо» одновременно связывается с понятием идентичности и самопрезентации, которые выполняют совершенно разные функции. Поэтому в данной работе проводится выявление основных характеристик и функций понятия «лицо».

Для реализации поставленной цели в статье приводится краткий обзор индигенного подхода к понятию «лицо», сравнение его с такими понятиями как идентичность и самопрезентация, а также анализируется операционализация этого понятия в рамках Теории поддержания лица (Face negotiation theory), предложенной С. Тинг-Туми (Ting-Toomey, 2004).

С культурологической точки зрения представление о «лице» берет свое начало в восточных культурах и являет собой один из элементов регулятивного механизма. В китайском языке в этот комплекс входят такие понятия, как «мяньцзы» — «лицо», «гуаньси» — «связи», «жэньцин» — «коммуникативные отношения» и «бао» — «воздаяние за услугу». Каждое из них представляет собой целый механизм регуляции социальных отношений и поведения каждого конкретного человека. Если на первых этапах исследований эти концепции воспринимались как индигенные элементы китайской психологии (Бондаренко, 2018), то на сегодняшний день кросс-культурные исследования показывают, что и «лицо», и «гуаньси» присутствуют практически во всех культурах (Лебедева, 2011). Поскольку в современной психологии предпринимаются попытки операционализировать эту концепцию (Ting-Toomey, 2004), для дальнейшего анализа — вы-

явления функций и особенностей концепции лица, на наш взгляд, следует сделать краткий исторический экскурс.

В китайских текстах концепция «лица» появилась еще в древности — в работе «Концепция лица у китайцев» IV в. до н.э. Х. Сяньцзинь пишет, что мянь «лицо, имидж» играет символическую роль в определении отношения человека (личности) и общества. С тех пор на лингвистическом уровне в зависимости от контекста использовались два понятия — «лянь» и «мянь», которые семантически различались только на севере Китая. В дальнейшем для избегания терминологической путаницы в литературе были приняты две формулировки: «социальное лицо» шэхуэйлянь-мянь и «моральное лицо» даодэляньмянь (Спешнев, 2014). Неудивительно, что за несколько тысячелетий существования понятие «лицо» обрело большое количество значений на уровне языка и народной этимологии, а также имело множество трактовок в теоретической литературе.

В настоящий момент в исследовательской литературе используется термин мяньцзы «лицо», которое имеет социально-психологическое значение. Л. Юйтан определяет его как «абстрактный и неуловимый и в то же время самый тонкий норматив, которым регулируется социальное общение китайцев» (Спешнев, 2014, С. 132). Н.А. Спешнев раскрывает это понятие как «количественную форму оценки окружающими публичных достижений индивида и признание его статуса либо авторитета, что не обязательно соотносится с его моральными качествами» (Спешнев, 2014, С. 133). Получается, что мяньцзы обладает человек, который имеет положение и авторитет в обществе. Формирование мяньцзы происходит через умение производить впечатление ради упрочнения своего имиджа.

Определение и характеристики понятия «лицо»

В западной науке авторы, разрабатывающие концепцию «лица», опираются на предложенное в 1955 году И. Гофманом понятие face-work — создание и поддержание имиджа, или «лица», «фасада», под которым подразумевается ряд средств, направленных

Васильева Екатерина Дмитриевна — аспирантка департамента психологии, стажер-исследователь Центра социокультурных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»
ORCID: 0000-0002-7814-953X

Ekaterina D. Vasilyeva — postgraduate student of the Department of Psychology, intern researcher at the Center for Sociocultural research, National Research University Higher School of Economics
ORCID: 0000-0002-7814-953X

на создание положительного впечатления о себе у других людей и корректировку неблагоприятного впечатления (Goffman, 1963). П. Браун и С. Левинсон (Brown, Levinson, 1978, P. 61) определяли «лицо» как «публичный образ себя». Р. Сколлон писал, что «лицо» — это «межличностная идентичность индивидумов в коммуникации» или просто «коммуникативная идентичность» (Scollon, 1995). С. Тинг-Туми определяет «лицо» как «образ человека, проецируемый в ситуацию отношений, или идентичность, определяемая совместно участниками коммуникации» (Лебедева, 2011, С. 166).

Анализируя определения, приведенные выше, мы можем сделать несколько обобщений. Во-первых, с помощью концепции «лица» происходит разделение между качествами человека, которыми он обладает и которые он предъявляет. Во-вторых, как следствие «лица» — это некоторое представление человека о себе, которое он демонстрирует в процессе общения. Таким образом, концепция «лица» неотделима от процесса взаимодействия и одновременно связана с понятием идентичности и самопрезентации. Далее мы подробнее рассмотрим соотношение этих понятий. В-третьих, набор этих характеристик определяется нормами, существующими в обществе. Другими словами, чтобы создать или скорректировать благоприятное впечатление о себе, человек ориентируется на нормы социального взаимодействия. В связи с этим, процесс «сохранения лица» может быть рассмотрен как один из элементов межкультурной коммуникации.

Для более четкого разделения идентичности и «лица» требуется ответить на несколько вопросов: насколько феномен «лица» ситуационно-специфичен или независим от контекста, является ли он феноменом индивидуального или реляционного уровня (то есть определяется ли характером отношений между сторонами взаимодействия)?

Разделение понятий идентичности и лица происходит по нескольким параметрам.

Во-первых, некоторые авторы проводят эту границу за счет социального компонента «лица» (Arundale, 2005; Imahori, Cupach, 2005, P. 196). С одной стороны, многие авторы подчеркивают важность социального взаимодействия для формирования идентичности (Андреева, 2012; Necht et al., 2005). С другой стороны, проводится граница между «лицом» и идентичностью. Так, Р.Б. Арундэйл пишет, что «лицо» и идентичность возникают и поддерживаются в коммуникации, однако, если «лицо» — это двусторонний феномен, то идентичность — феномен индивидуального, более широкого, уровня» (Arundale, 2005). Другими словами, они разделяют идентичность и «лицо» как феномены индивидуального и реляционного уровней соответственно. Поскольку «лицо» подразумевает намерение создать впечатление, заявить о некоторых своих качествах, которые в дальнейшем должны быть оценены другими, оно неотделимо от процесса социального взаимодействия.

Во-вторых, феномены «лица» и идентичности по-разному функционируют в плане валентности.

Х. Спенсер-Оути подчеркивает, что в процессе «поддержания лица» человек стремится к созданию позитивного впечатления. «Лицо» не связано с отрицательными атрибутами за исключением случаев, когда мы утверждаем, что не обладаем ими. В этом отношении существует четкое различие между «лицом» и идентичностью. Атрибуты личности человека включают отрицательные, нейтральные и положительные характеристики, в то время как атрибуты, связанные с «лицом», являются только положительными (Spencer-Oatey, 2007). При этом могут существовать различия в том, как мы оцениваем те или иные свои качества. Эта оценка может зависеть как от индивидуальных особенностей, так и от контекста. Например, в зависимости от контекста мы можем придавать разное значение тем или иным своим качествам. Приведем пример из делового контекста. Менеджер проекта при общении с клиентом хочет выглядеть уверенным в себе и компетентным, подчеркивая свои профессиональные качества. Однако в том же проекте при работе со своими подчиненными ему важно быть максимально искренним и открытым, выстраивая прозрачную коммуникацию и отношения внутри команды. Получается, что в рамках одного и того же проекта для достижения своей цели менеджер демонстрирует разные качества при общении с разными заинтересованными сторонами.

В-третьих, сохранение «лица» связано с эмоциями, которые человек испытывает в процессе коммуникации. Хотя мы оцениваем наши атрибуты идентичности положительно, отрицательно или нейтрально (возможно, по-разному в разных контекстах), мы не обязательно аффективно чувствительны к ним. Однако, если такая ситуация возникает, получается, что мы одновременно используем эти атрибуты для создания определенного впечатления, что пересекается с функцией «лица» (Spencer-Oatey, 2007). В то же время «поддержание лица» во взаимодействии может происходить как осознанно, так и бессознательно. То есть, когда собеседник оценивает нас в соответствии с нашими ожиданиями, процесс «сохранения лица» происходит в фоновом режиме. Однако, если его оценка отличается от ожидаемой в позитивном или негативном ключе, это может привлечь внимание, и человек становится более эмоционально чувствителен к такой оценке (Pontari, Schlenker, 2000). В процессе коммуникации именно эмоциональная реакция на оценку собеседником тех или иных атрибутов идентичности «активизирует» процесс «сохранения лица». В зависимости от того, испытывает ли человек позитивные или негативные эмоции, может возникнуть потребность в защите собственного «лица» или, наоборот, присоединении, создании «общего лица» (Ting-Toomey, 2004).

Таким образом, в процессе взаимодействия роль «лица», то есть угроза своему образу или возможность его развития, будет осознаваться индивидом только тогда, когда существует несоответствие между заявленным атрибутом (или отрицанием, в случае отрицательно оцененных признаков) и качеством, воспринимаемым как приписываемое другими. Те

атрибуты, которые являются аффективно чувствительными, динамически изменяются во взаимодействии и не всегда соответствуют социально санкционированным. Фактически возможно, что люди захотят оспорить один или несколько утвержденных атрибутов и продемонстрировать другие атрибуты, более важные для них в этом конкретном контексте.

При таком взгляде на феномен «лица» уместно порассуждать о том, насколько оно «подвижно». Другими словами, формируется ли «лицо» в конкретной ситуации общения или же индивид входит в ситуацию общения, уже имея представление о «лице», то есть о тех своих качествах, которые он хочет продемонстрировать, и о том впечатлении, которое хочет создать в глазах собеседника.

М. Сифиано формулирует свой взгляд на эту проблему следующим образом: «ни один индивид не вступает в коммуникацию без “лица”, предполагая адаптировать его в процессе» (Sifianou, 2011, P. 45). Это соответствует представлениям Х. Спенсер-Оути о том, что «индивиды, как правило, входят в коммуникацию с представлением о своем лице, подсвечивая те или иные качества в процессе оценки себя и своего визави» (Spencer-Oatey, 2007, P. 644).

Таким образом, можно говорить о том, что «лицо» одновременно является личностным и ситуативно обусловленным феноменом, с одной стороны, сформированным до начала коммуникации, с другой — изменяющимся в процессе взаимодействия в зависимости от ситуации.

Поскольку, в отличие от идентичности, «лицо» является феноменом реляционного уровня, формируется и может изменяться в процессе взаимодействия, содержательно его можно рассматривать как способ самопрезентации. Анализ зарубежных и отечественных теорий показывает, что, несмотря на очень разнообразные и зачастую противоречивые взгляды, можно выделить несколько общих свойств самопрезентации.

Во-первых, в самой основе процесса самопрезентации лежит направленность субъекта на себя (самоопределение) и направленность на другого (воздействие). То есть направленность на себя приобретает конкретное выражение во взаимодействии, которое находится под влиянием направленности на собеседника. Поскольку в основе этого процесса лежит социальная мотивация, ориентированность на социальные оценки и желание быть лучше (Goffman, 1963). В связи с этим выделяют три составляющих процесса самопрезентации: субъект самопрезентации, аудитория в качестве объекта самопрезентации и социальная ситуация, в процессе которой осуществляется взаимодействие субъекта и объекта (Пикулева, 2005).

Во-вторых, процесс самопрезентации неразрывно связан с теми действиями, которые человек предпринимает для поддержания или корректирования своего образа в общении. Так, К. Пелескис и соавторы выделяют три основных этапа:

1) выбор индивидом своего внешнего образа для предъявления окружающим в определенной ситуации;

2) выбор поведенческих стратегий самопрезентации, способствующих достижению целей в создании определенного впечатления;

3) управление процессом формирования впечатления и его рефлексия. По мнению автора, в процессе управления впечатлением используются различные тактики самопрезентации. Они способствуют достижению определенных социальных целей и материальных результатов, укреплению собственной самооценки и формированию идентичности (Peleckis, 2018).

Приведенные выше характеристики можно также отнести и к понятию «лицо», однако, как мы видели раньше, оно немного шире процесса самопрезентации. Процесс «сохранения лица» не ограничивается предъявлением определенных черт, которые помогают создать положительный образ в глазах собеседника. Стратегии «сохранения лица» также могут быть направлены на поддержание отношений за пределами конкретного коммуникативного акта. В связи с этим в современных исследованиях используются две категории: забота о лице (face-concern) и управление лицом (facework), то есть паттерны вербального и невербального поведения. Например, согласно Теории поддержания лица (Face-negotiation theory) С. Тинг-Туми, «лицо» — это обусловленное чувство интерактивной идентичности в конкретной ситуации, а управление лицом — это поведение при вербальной или невербальной коммуникации, которое помогает уберечь/сохранить собственное лицо, лицо другого или общее лицо (Oetzel et al., 2003; Oetzel Garcia, Ting-Toomey, 2008). Далее мы подробнее рассмотрим общие характеристики «лица» и стратегий «сохранения лица» как самостоятельных феноменов.

«Лицо» и стратегии «сохранения лица»

Поскольку «лицо» выступает в качестве механизма социальных отношений, оно играет важную роль в формировании коммуникативного поведения. Таким образом, феномен «лица» можно считать универсальным. Однако поскольку таким аспектам идентичности, как социальный статус, независимость, принадлежность к группе, компетентность, надежность придается различное значение, его содержание может варьироваться от культуры к культуре.

Мы определяем «лицо» не как представление человека о себе, а как то представление, которое человек хочет создать в глазах собеседника. Поэтому в отличие от других психологических характеристик личности оно не может существовать независимо от объекта и контекста взаимодействия. То есть, с одной стороны, на когнитивном уровне у человека существует некоторое представление о своей идентичности, но, с другой стороны, оно может изменяться в процессе социального взаимодействия.

В то же время, концепция «лица» как представления о себе, которое человек хочет создать в глазах собеседника, может быть актуализирована или находиться в фоновом режиме, но не может отсутствовать полностью. Б.Р. Шленкер и Б.А. Понтари

приводят красочную аналогию с антивирусной программой, работа которой не заметна до тех пор, пока в момент возникновения проблемы она не привлечет внимание пользователя (Pontari, Schlenker, 2000).

В такой ситуации общения, когда собеседник оценивает нас вразрез с нашими ожиданиями, мы становимся эмоционально чувствительны к этой оценке, и процесс управления «лицом» актуализируется, становится более осознанным.

Б.Р. Шленкер пишет о том, что стратегию «сохранения лица» обуславливают два параметра: ценности и ожидания (Pontari, Schlenker, 2000). Если мы обратимся к классификации ценностей по Ш. Шварцу, мы можем предположить решение сразу двух важных вопросов, связанных с концепцией «лица».

Во-первых, индивидуальные ценности формируют важность тех или иных качеств, которые мы стремимся предъявить в процессе самопрезентации. Оценочные суждения людей об их собственных качествах (особенно в отношении валентности) могут зависеть от структуры личностных ценностей. Таким образом, индивидуальные ценности могут повлиять на выбор стратегии сохранения «лица».

Во-вторых, индивидуальные ценности формируют важность самой стратегии «сохранения лица» для индивида. Среди исследователей шли дебаты по поводу дихотомии негативного и позитивного «лица», под которой понималась субъективная важность для индивида «сохранить лицо» в процессе взаимодействия. Под «негативным лицом» подразумевается желание человека иметь свободу действовать по своему усмотрению и не зависеть от мнения окружающих. «Положительное лицо» относится к желанию человека быть оцененным и одобренным окружающими с точки зрения своих личностных качеств, поведения, ценностей и так далее. Другими словами, «негативное лицо» представляет желание автономии, а «положительное лицо» представляет желание одобрения. Однако дихотомия «негативного» и «положительного лица» подвергалась критике за свой вестернизированный взгляд на проблему, так же как анализ стратегии «сохранения лица» через призму деления на коллективистские и индивидуалистские культуры (Matsumoto, 1988).

В связи с этим мы можем предположить, что ценностные ориентиры могут быть классифицированы на те, которые поддерживают выбор «негативных» или «положительных» стратегий «сохранения лица» (Spencer-Oatey, 2007).

Другой фактор, влияющий на «стратегию лица», заключается в ожиданиях, сформированных культурными или общественными нормами. Ситуация взаимодействия, в которой нарушены представления индивида о нормах, может быть воспринята как ситуация, угрожающая «лицу». В качестве примера приведем ситуацию взаимодействия российского бизнесмена с китайским партнером, использованную в качественном интервью (Васильева, 2020).

Как объясняет Х. Спенсер-Оути (Spencer-Oatey, 2005), многие поведенческие условности, ритуалы и нормы влияют на наши ожидания относительно

«правильного» поведения, так что невыполнение этих ожиданий может быть воспринято как «негативное событие», и результатом может стать «угроза лицу» и/или «потеря лица» (Spencer-Oatey, 2005). Особенно актуальна проблема «неоправданных ожиданий» в контексте взаимодействия с представителями другой культуры, не только национальной, но и этнической, а также организационной.

В современных психологических исследованиях используется модель, предложенная С. Тинг-Туми и Г. Оэтцель, которая складывается из двух компонентов: «лицо» и «управление лицом». В общении мы можем в большей или меньшей степени ориентироваться на один из трех основных способов «предъявления лица»: «сохранение собственного лица» (Self-face), «сохранение лица другого» (Other-face) и «сохранение общего лица» (Mutual-face). Первый тип нацелен на защиту собственного имиджа в процессе общения, второй — на поддержание того имиджа, который создает собеседник в процессе общения, а третий — отражает озабоченность репутацией обеих сторон и «имиджем» взаимоотношений (Spencer-Oatey, 2005).

Второй компонент — «управление лицом» подразумевает набор вербальных и невербальных средств, которые используются для достижения цели в коммуникации. Авторы выделяют 11 стилей поведения, которые объединены в 3 стратегии:

- 1) избегание — уступка, игнорирование, обращение к третьей стороне;
- 2) доминирование — агрессия, защита, экспрессивные эмоции;
- 3) сотрудничество — извинения, приватное обсуждение, спокойствие, решение проблемы, уважение (Oetzel, 2001).

Важно отметить, что осознанное «управление лицом» происходит в тех случаях, когда появляется некая угроза имиджу или отношениям, поэтому зачастую эти стратегии «управления лицом» рассматриваются именно в условиях конфликтного взаимодействия. Однако стоит различать классические стратегии поведения в конфликте и стратегии «управления лицом». В контексте американской исследовательской литературы, посвященной стилям конфликта, их зачастую рассматривают содержательно, с точки зрения решения проблемы конфликта, в то время как управление лицом — это не столько способ поведения в конфликте, сколько меры, предпринятые для «сохранения лица» (своего или собеседника) и поддержания отношений. То есть, мотивация выбора той или иной стратегии выходит за рамки непосредственного конфликта. Например, «сохранение общего лица» может быть выражено в уходе от конфликта с целью сохранения отношений.

Таким образом, если стратегии поведения в конфликте нацелены на выход из конфликтной ситуации, то стратегии управления лицом — на сохранение имиджа, поддержание я-концепции, выстраивание отношений. Такой ракурс позволяет говорить о том, что содержание конфликта в процессе управления лицом отходит на второй план.

Двухкомпонентная модель «лица», предложенная С. Тинг-Туми и Г. Оэтцель, позволяет не только проанализировать процесс создания и сохранения лица в пределах конкретной ситуации общения, но и дает представление о стратегиях поведения, используемых для поддержания отношений. То есть, позволяет понять, как та или иная стратегия самопрезентации связана с поведением в ситуации, «угрожающей лицу».

Стоит также отметить, что в предыдущих работах эта модель в основном использовалась в кросс-культурных исследованиях. Изучались различия в использовании стратегий «сохранения лица» у представителей разных культур в процессе взаимодействия со своими соотечественниками, то есть, изучался монокультурный контекст взаимодействия. Кроме того, в качестве параметров культуры использовались только измерения национальных культур, предложенные Г. Хофстеде (Baranova, 2010; Merkin, 2005; Oetzel et al., 2003; Oetzel, Garcia, Ting-Toomey, 2008).

Предыдущие исследования в этой области в большей степени направлены на выявление кросс-культурных различий в способах предъявления лица и стратегиях управления лицом в конфликтной ситуации. Однако, на данный момент существует ограниченное количество работ, посвященных исследованию «лица» и стратегий «управления лицом» в контексте взаимодействия с представителями разных культурных групп. В дальнейшем возможно сфокусироваться на вопросах, связанных с изменениями стратегии «сохранения лица» при взаимодействии с представителями ингруппы и аутгруппы. Например, изучить, влияет ли на выбор той или иной стратегии культурная дистанция между участниками коммуникации. Подобный ракурс имеет значительный практический потенциал в формировании навыков межкультурного общения.

«Лицо» как компонент межкультурной коммуникативной компетентности

Мы обсуждали выше, что «лицо» не является стабильной характеристикой, а формируется в процессе взаимодействия (Garber-Barron, Si, 2013). В процессе общения человек может корректировать свой образ в глазах собеседника при помощи коммуникативных стратегий. Выбор той или иной стратегии «сохранения лица» происходит в соответствии с нашими представлениями о том, какое именно поведение считается нормативным в определенной ситуации. Эти представления формируются в процессе социализации и обусловлены культурными ценностями и нормами. Соответственно, стратегии поддержания лица находятся под влиянием культуры.

Например, в Китае одним из способов «построения лица» является подчеркивание собственного статуса (Wang et al., 2016). Поэтому использование статусных символов, таких как дорогие аксессуары, будет служить «сохранению лица». Однако в определенной ситуации, когда окружающие могут интерпретиро-

вать это иным способом, для «сохранения лица» требуются дополнительные усилия. Зачастую в рамках одной культуры нам проще сформировать корректные ожидания, и выбор стратегии «сохранения лица» не вызывает затруднений. Но в ситуации общения с представителями других культурных групп, за счет различий в ценностях и культурных нормах, эти ожидания могут быть неправильными и вызывать непонимание и формировать неправильное впечатление о человеке в глазах окружающих.

Роль идентичности в процессе межкультурного взаимодействия подчеркивается разными исследователями. Однако, если рассмотреть подходы разных авторов к идентичности в межкультурной коммуникации, мы увидим, что характеристики, приписываемые в данном контексте идентичности, пересекаются с понятием «лица». Возникает вопрос, правомерно ли рассматривать умение «сохранить лицо» как один из навыков, необходимых для успешного общения с представителями других культур?

Широкое распространение получила теория С. Тинг-Туми, в которой межкультурная коммуникация определяется как процесс достижения «договоренности» об идентичности между вступающими во взаимодействие субъектами, а под компетентной коммуникацией понимается «оптимальное использование надлежащим и эффективным образом знаний, понимания и коммуникативных навыков в ходе управления спорными ситуациями, в центре которых находится идентичность» (Ting-Toomey, 2015, P. 73).

В теории управления идентичностью У. Капача и Т. Имахори идентичность рассматривается как предопределенный конкретным обществом образ жизни, на основе которого индивид приобретает опыт, влияющий на поведение и мотивирующий его поступки (Imahori, Cupach, 2005). Как и С. Тинг-Туми, авторы делают акцент на необходимости изменений идентичности в процессе межкультурного взаимодействия, полагая, что большинство людей мало знакомы с другими культурами и в межкультурном общении устанавливают «фасад», опираясь на стереотипы. Умение корректировать «фасад» является важным аспектом межкультурной компетентности.

В теории культурной идентичности М.Д. Колиер отстаивается идея о развитии общекультурной теории коммуникативной компетентности, которая представлена как взаимный путь постижения и признания вступающими во взаимодействие индивидами культурных идентичностей друг друга. Утверждается, что межкультурная компетентность индивида тем выше, чем больше соответствие между культурной идентичностью, приписываемой им другому человеку, и идентичностью, признаваемой этим человеком (Collier, 2015).

Хотя все три теории центральное место в успехе межкультурной коммуникации отводят идентичности как важному фактору, определяющему выбор поведения в межкультурном взаимодействии, в первых двух акцент ставится на необходимости взаимных изменений в идентичности вступающих в коммуникацию индивидов, а в теории М.Д. Колиер речь

идет скорее о взаимной сензитивности партнеров по общению к идентичности друг друга (Солдатова, Погорелов, 2018).

В приведенных выше теориях мы видим, что идентичность рассматривается как подвижный конструкт, который создается участниками в процессе взаимодействия. Учитывая то, что мы ранее выделили «подвижность» и «двустороннюю» направленность как характеристики «лица», можно сказать, что в данном случае концепция «лица» больше подходит в качестве компонента межкультурной компетентности.

Таким образом, компетентность в данном случае понимается как умение «сохранить собственное лицо» в процессе общения и «сохранить лицо» собеседника (Spencer-Oatey, 2005). Ряд кросс-культурных исследований, посвященных стратегиям «сохранения лица», показывают, что выбор той или иной стратегии может быть культурно обусловлен (Oetzel, Garcia, Ting Toomey, 2008). Например, Г. Оэтцель пишет о том, что коллективисты более склонны к «поддержанию общего лица» в коммуникации, в то время как представители более индивидуалистичных культур склонны к «сохранению собственного лица». Идентификация культурных различий и особенностей роли контекста в управлении «лицом» может быть полезным источником для развития межкультурной компетентности.

Заключение

Анализ концепции «лица» и сравнение ее с такими понятиями, как идентичность и самопрезентация позволяют нам составить более точное представление об этом феномене и сформулировать вопросы для дальнейшего исследования.

1. «Лицо» является универсальным конструктом, поскольку в процессе взаимодействия мы стремимся создать положительный образ себя, осознанно или нет.

2. Процесс создания этого публичного образа происходит в момент общения, иногда в ответ на поведение собеседника. «Лицо» — это феномен индивидуального и реляционного уровней, который не может быть рассмотрен независимо от объекта коммуникации. То есть, в дальнейших исследованиях необходимо учитывать такие характеристики, как статус, пол, возраст, характер взаимоотношений с объектом коммуникации.

3. Значительное влияние на выбор стратегии сохранения лица оказывает контекст взаимодействия.

Литература:

- Андреева Г.М. Презентации идентичности в контексте взаимодействия // Психологические исследования: электронный научный журнал. 2012. Т. 5. № 26. [Электронный ресурс] // URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n26/772-andreeva26.html#e3> (дата обращения: 14 марта 2021 г.).
- Бондаренко А.Ф. Этический персонализм: синтез кросс-культурного и индигенного в психологическом консультировании // Psychological Counseling and Psychotherapy. 2018. № 9. С. 6–15.
- Васильева Е.Д. Психологические трудности в процессе российско-китайской межкультурной коммуникации: опыт качественного исследования российской деловой среды // Организационная психология. 2020. Т. 10. № 3. С. 124–139. [Электронный ресурс] // URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (дата обращения: 14 марта 2021 г.).

С одной стороны, требуется дальнейший анализ роли лица в деловом взаимодействии, которое отличается большей степенью формальности. С другой стороны, если говорить об «управлении лицом» как составляющей межкультурной компетентности, то необходимо анализировать не только кросс-культурные различия, но и особенности стратегий «сохранения лица» в контексте межкультурного взаимодействия.

4. На данный момент опубликовано довольно ограниченное количество эмпирических данных, свидетельствующих о том, какие индивидуальные характеристики оказывают влияние на процесс «сохранения лица». Кроме индивидуальных ценностей, о роли которых мы писали выше, такими факторами также могут выступать, например, уровень толерантности к неопределенности или черты из большой пятерки.

5. «Сохранение лица» непосредственно связано с эмоциональной стороной. В модели «управления лицом» присутствуют поведенческие паттерны, которые включают эмоциональную реакцию на происходящее. Однако в дальнейшем требуется более точно определить роль эмоций в этом аффективно чувствительном процессе.

Таким образом, дальнейшие эмпирические исследования могут быть посвящены проверке гипотез об индивидуальных ценностях и толерантности к неопределенности как предикторах выбора стратегии «сохранения лица», а также рассматривать контекст взаимодействия и эмоции как модератор этой взаимосвязи.

Подводя итог, можно сказать, что тема «лица» и «управления лицом» на данном этапе только развивается и требует более системного подхода к ее анализу. Разработка данной темы поможет расширить инструментарий исследований межличностного взаимодействия в целом и межкультурного общения, в частности. С практической точки зрения, «управление лицом» может быть эффективным инструментом развития коммуникативных навыков и межкультурной компетентности.

Информация о грантах и благодарностях

Исследование осуществлено в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ.

Acknowledgments

The article was prepared within the framework of the HSE University Basic Research Programs.

- Лебедева Н. М. Этническая и кросс-культурная психология. М.: МАКС Пресс, 2011.
- Пикулева О.А. Самопрезентация личности в процессе социального взаимодействия // Вестник Санкт-Петербургского университета. Политология. Международные отношения. 2005. № 1. С. 85–91.
- Солдатова Е.Л., Погорелов Д.Н. Феномен виртуальной идентичности: современное состояние проблемы // Образование и наука. 2018. Т. 20. № 5. С. 105–120. doi: 10.17853/1994-5639-2018-5-105-124
- Спешнев Н.А. Китайцы. Особенности национальной психологии. СПб.: КАРО, 2014.
- Хребина С.В., Филимонова А.Н. Психологические подходы к исследованию проблемы личностной самопрезентации студентов-менеджеров // Международный научно-исследовательский журнал. 2018. № 1–3 (67). С. 116–119.
- Arundale R.B. (2005). Face as relational and interactional: alternative bases for research on face, facework, and politeness. *9th International Pragmatics Association Conference*, Riva del Garda, Italy, 10–15.
- Baranova E. (2010). Facework in organizational conflict: A cross-cultural study comparing Russians and Americans. *University of Kansas*.
- Brown P., Levinson S.C. (1978). Universals in language usage: Politeness phenomena. *Questions and politeness: Strategies in social interaction*. Cambridge University Press.
- Collier M.J. (2015). Intercultural communication competence: Continuing challenges and critical directions. *International Journal of Intercultural Relations*, 48, 9–11. doi: 10.1016/j.ijintrel.2015.03.003
- Garber-Barron M., Si M. (2013). Adaptive storytelling through user understanding. *Ninth Artificial Intelligence and Interactive Digital Entertainment Conference*.
- Goffman E. (1963). *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Hecht M.L. et al. (2005). The communication theory of identity. In Gudykunst W. B. (Eds.), *Theorizing about intercultural communication* (pp. 257–278). Sage.
- Imahori T.T., Cupach, W.R. (2005). Identity management theory. In Gudykunst W. B. (Eds.), *Theorizing about intercultural communication* (pp. 195–210). Sage.
- Matsumoto Y. (1988). Reexamination of the universality of face: Politeness phenomena in Japanese. *Journal of pragmatics*, 12 (4), 403–426. doi: 10.1016/0378-2166(88)90003-3
- Merkin R.S. (2006). Uncertainty avoidance and facework: A test of the Hofstede model. *International journal of Intercultural relations*, 30 (2), 213–228. doi: 10.1016/j.ijintrel.2005.08.001
- Oetzel J.G. (2001). Self-construals, communication processes, and group outcomes in homogeneous and heterogeneous groups. *Small group research*, 32 (1), 19–54. doi: 10.1177/104649640103200102
- Oetzel J. et al. (2003). Face and facework in conflicts with parents and siblings: A cross-cultural comparison of Germans, Japanese, Mexicans, and US Americans. *Journal of Family Communication*, 3 (2), 67–93. doi: 10.1207/S15327698JFC0302_01
- Oetzel J., Garcia A.J., Ting-Toomey S. (2008). An analysis of the relationships among face concerns and facework behaviors in perceived conflict situations. *International Journal of Conflict Management*, 19 (4), 382–403. doi: 10.1108/10444060810909310
- Peleckis K.E. (2018). Strategies of Self Presentation. *Advanced Science*, 128–129. Science and Education, Penza.
- Pontari B.A., Schlenker B.R. (2000). The influence of cognitive load on self-presentation: Can cognitive busyness help as well as harm social performance? *Journal of personality and social psychology*, 78 (6), 1092–1108. doi: 10.1037/0022-3514.78.6.1092
- Scollon R. (1995). Plagiarism and ideology: Identity in intercultural discourse. *Language in Society*, 24 (1), 1–28. doi: 10.1017/S0047404500018388
- Sifianou M. (2011). On the concept of face and politeness. *Politeness across cultures*, 42–58. Palgrave Macmillan, London. doi: 10.1057/9780230305939_3
- Spencer-Oatey H. (2005). Politeness, face and perceptions of rapport: unpacking their bases and interrelationships. *Journal of politeness research*, 1 (1), 95–119. doi: 10.1515/jplr.2005.1.1.95
- Spencer-Oatey H. (2007). Theories of identity and the analysis of face. *Journal of pragmatics*, 39 (4), 639–656. doi: 10.1016/j.pragma.2006.12.004
- Spencer-Oatey H. (2009). Face, identity and interactional goals. *Face, communication and social interaction*, 137–154.
- Ting-Toomey S. (2004). Translating conflict face-negotiation theory into practice. *Handbook of intercultural training*, 3, 217–248. doi: 10.4135/9781452231129.n9
- Ting-Toomey S. (2015). Identity negotiation theory. *The international encyclopedia of interpersonal communication*, 1–10. doi: 10.1002/9781118540190.wbeic129
- Wang X. et al. (2016). A moderated mediation model of sharing travel experience on social media: Motivations and face orientations in Chinese culture. *Journal of China Tourism Research*, 12 (1), 42–64. doi: 10.1080/19388160.2016.1151850

References:

- Andreeva G.M. (2012). Identity presentations in the context of interaction. *Studies in psychology: online scientific journal (Psikhologicheskie issledovaniya: elektronnyi nauchnyi zhurnal)*, 5 (26), 1–1. (In Russ.).
- Arundale R.B. (2005). Face as relational and interactional: alternative bases for research on face, facework, and politeness. *9th International Pragmatics Association Conference*, Riva del Garda, Italy, 10–15.
- Baranova E. (2010). Facework in organizational conflict: A cross-cultural study comparing Russians and Americans. *University of Kansas*.
- Bondarenko A.F. (2018). Ethical personalism: synthesis of cross-cultural and indigenous in psychological counselling. *Konsul'tativnaya psikhologiya i psikhoterapiya (Psychological Counselling and Psychotherapy)*, 9, 6–15. (In Russ.).
- Brown P., Levinson S.C. (1978). Universals in language usage: Politeness phenomena (Eds.), *Questions and politeness: Strategies in social interaction* (pp. 56–311). Cambridge University Press.

- Collier M.J. (2015). Intercultural communication competence: Continuing challenges and critical directions. *International Journal of Intercultural Relations*, 48, 9–11. doi: 10.1016/j.ijintrel.2015.03.003
- Garber-Barron M., Si M. (2013). Adaptive storytelling through user understanding. *Ninth Artificial Intelligence and Interactive Digital Entertainment Conference*, Boston, USA, 128–134.
- Goffman E. (1963). *Stigma: Notes on the management of spoiled identity*. Englewood Cliffs: Prentice-Hall.
- Hecht M.L. et al. (2005). The communication theory of identity. In Gudykunst W.B. (Eds.), *Theorizing about intercultural communication* (pp. 257–278). Sage.
- Imahori T.T., Cupach W.R. (2005). Identity management theory. In Gudykunst W.B. (Eds.), *Theorizing about intercultural communication* (pp. 195–210). Sage.
- Khrebina S.V., Filimonova A.N. (2018). Psychological approaches to the study of personal self-representation problem in students of management. *International research journal. (Mezhdunarodnyi nauchno-issledovatel'skii zhurnal)*, 1–3 (67), 116–119. (In Russ.).
- Lebedeva N.M. (2011). *Ethnic and cross-cultural psychology*. Moscow: MAKS Press. (In Russ.).
- Matsumoto Y. (1988). Reexamination of the universality of face: Politeness phenomena in Japanese. *Journal of pragmatics*, 12 (4), 403–426. doi: 10.1016/0378-2166(88)90003-3
- Merkin R.S. (2006). Uncertainty avoidance and facework: A test of the Hofstede model. *International journal of Intercultural relations*, 30 (2), 213–228. doi: 10.1016/j.ijintrel.2005.08.001
- Oetzel J. et al. (2003). Face and facework in conflicts with parents and siblings: A cross-cultural comparison of Germans, Japanese, Mexicans, and US Americans. *Journal of Family Communication*. 3 (2), 67–93. doi: 10.1207/S15327698JFC0302_01
- Oetzel J., Garcia A.J., Ting-Toomey S. (2008). An analysis of the relationships among face concerns and facework behaviors in perceived conflict situations. *International Journal of Conflict Management*, 19 (4), 382–403. doi: 10.1108/10444060810909310.
- Oetzel J.G. (2001). Self-construals, communication processes, and group outcomes in homogeneous and heterogeneous groups. *Small group research*, 32 (1), 19–54. doi: 10.1177/104649640103200102
- Peleckis K.Ė. (2018). Strategies of Self Presentation. *Advanced Science*. «Nauka i Prosveshchenie», Penza.
- Pikuleva O.A. (2005). Self-presentation of personality in the process of social interaction. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Politologiya. Mezhdunarodnye otnosheniya (Bulletin of Saint-Petersburg University. Political science. International relations)*, 1, 85–91. (In Russ.).
- Pontari B.A., Schlenker B.R. (2000). The influence of cognitive load on self-presentation: Can cognitive busyness help as well as harm social performance? *Journal of personality and social psychology*, 78 (6), 1092–1108. doi: 10.1037/0022-3514.78.6.1092
- Scollon R. (1995). Plagiarism and ideology: Identity in intercultural discourse. *Language in Society*, 24 (1), 1–28. doi: 10.1017/S0047404500018388
- Sifianou M. (2011). On the concept of face and politeness. *Politeness across cultures*, 42–58. Palgrave Macmillan, London. doi: 10.1057/9780230305939_3
- Soldatova E.L., Pogorelov, D.N. (2018). The phenomenon of virtual identity: actual state of problem. *Obrazovanie i nauka (Education and science)*, 20 (5), 105–120. doi: 10.17853/1994-5639-2018-5-105-124 (In Russ.).
- Spencer-Oatey H. (2005). Politeness, face and perceptions of rapport: unpacking their bases and interrelationships. *Journal of politeness research*, 1 (1), 95–119. doi: 10.1515/jplr.2005.1.1.95
- Spencer-Oatey H. (2007). Theories of identity and the analysis of face. *Journal of pragmatics*, 39 (4), 639–656. doi: 10.1016/j.pragma.2006.12.004
- Spencer-Oatey H. (2009). Face, identity and interactional goals. *Face, communication and social interaction*, 137–154.
- Speshnev N.A. (2014). The Chinese. Specific features of national psychology. Saint-Petersburg: KARO. (In Russ.).
- Ting-Toomey S. (2004). Translating conflict face-negotiation theory into practice. *Handbook of intercultural training*, 3, 217–248. doi: 10.4135/9781452231129.n9
- Ting-Toomey S. (2015). Identity negotiation theory. *The international encyclopedia of interpersonal communication*, 1–10. doi: 10.1002/9781118540190.wbeic129
- Vasil'eva E.D. (2020). Psychological difficulties in the process of Russian-Chinese intercultural communication: a qualitative study of Russian business milieu. *Organizatsionnaya psikhologiya (Organization psychology)*, 10 (3), 124–139. [Electronic resource]. URL: <http://orgpsyjournal.hse.ru> (In Russ.).
- Wang X. et al. (2016). A moderated mediation model of sharing travel experience on social media: Motivations and face orientations in Chinese culture. *Journal of China Tourism Research*, 12 (1), 42–64. doi: 10.1080/19388160.2016.1151850

Оригинальная статья

УДК 159.961.2, 159.93
doi: 10.11621/npj.2021.0204

Сравнение свободного описания и полуструктурированного интервью как методов изучения околосмертного опыта

О.В. Гордеева, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-6265-5665

Для контактов. E-mail: olagordeeva@mail.ru

Актуальность статьи. Без использования метода самоотчета невозможно изучение целого ряда психологических феноменов. При этом возможности и ограничения двух вариантов метода самоотчета: интервью о пережитом опыте и его свободного описания в психологии недостаточно изучены. Поэтому нашу работу мы посвятили изучению данного вопроса посредством сравнения результатов, полученных с помощью обоих вариантов метода ретроспективного самоотчета. Материалом этого исследования стал околосмертный опыт (ОСО) — переживаемое в момент близости к смерти измененное состояние сознания, предполагающее специфический паттерн психологических феноменов.

Цель работы — исследование различий в частоте упоминания отдельных характерных для ОСО феноменов в свободном описании этого опыта и при ответе на вопросы об этих феноменах в ходе интервью.

Описание хода исследования. Во время личной встречи респондент сначала рассказывал о своем ОСО в свободной форме, затем его спрашивали о наличии определенного феномена ОСО, опираясь на перечень элементов/компонентов ОСО (37 вопросов), выступавших одновременно и пунктами интервью, и независимыми параметрами последующего анализа полученных протоколов (45 протоколов). Для каждого феномена формировалась четырехклеточная таблица, в которой отдельно подсчитывались: 1) число случаев наличия феномена и в спонтанном рассказе, и при ответе на вопросы интервью; 2) число случаев, когда феномен не был спонтанно упомянут, но был обнаружен в ходе интервью; 3) число случаев, когда феномен присутствовал в спонтанном рассказе, но в интервью респондент отрицал его наличие; 4) число случаев, когда феномен не был спонтанно упомянут, и в интервью отрицалось его наличие. Для оценки значимости различий между данными, полученными при свободном описании и в интервью, мы использовали ϕ -коэффициент корреляции Гилфорда, вычисляя для каждого феномена критическое (для $p < 0,01$ и для $p < 0,05$) и эмпирическое значения ϕ -коэффициента.

Результаты исследования. Во-первых, обнаружен ряд феноменов, при выявлении которых отсутствуют значимые (для $p < 0,01$) различия между изучаемыми методами: ощущение мира и покоя, появление необычных слуховых ощущений, понимание человеком того, что он умер, внетелесный опыт (ВТО), темный туннель, восприятие окружающей действительности во время ВТО, видение яркого света, встреча с ним, встреча с другими, видения иной реальности, светящееся существо, ощущение единства, обзор жизни, граница или предел, решение о возвращении, возвращение. Однако со стопроцентной вероятностью респонденты спонтанно рассказывают только о видении иной реальности. Во-вторых, выявлены феномены, для которых существуют значимые ($p < 0,01$) различия между методами свободного описания и полуструктурированного интервью, это — невыразимость ОСО, его реалистичность, запоминаемость данного опыта, нежелание рассказывать о нем другим, его трансформирующее воздействие, появление нового отношения к смерти и жизни, исчезновение слуховых ощущений, трансцендентный характер опыта, изменения переживания времени. О них люди практически никогда не рассказывают самостоятельно или делают это редко.

Выводы. Ограничения метода свободного описания зависят от конкретного материала, для исследования которого применяется этот метод. При изучении частоты встречаемости феноменов ОСО необходимо дополнять метод свободного описания методом интервью, который помогает не только обнаружить само наличие феномена, но и уточнить его содержание и исключить случаи неверной интерпретации услышанного исследователем.

Ключевые слова: измененные состояния сознания, околосмертный опыт, галлюциноз, методы изучения, самоотчет, полуструктурированное интервью, свободное описание.

Для цитирования: Гордеева О.В. Сравнение свободного описания и полуструктурированного интервью как методов изучения околосмертного опыта // Национальный психологический журнал. 2021. № 2 (42). С. 36–50. doi: 10.11621/npj.2021.0204

Поступила 27 марта 2021 / Принята к публикации 31 мая 2021

Comparison of free description and semi-structured interview as methods of studying near-death experience

Olga V. Gordeeva, Lomonosov, Moscow State University Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-6265-5665

Corresponding author. E-mail: eolagordeeva@mail.ru

Relevance of the article. Without the use of the self-report method, it is impossible to study a number of psychological phenomena (for example, hallucinosis, the study of which allows us to understand the mechanisms of formation of perceptual, dream, mnestic, imaginative images). At the same time, the possibilities and limitations of two variants of the self-report method — an interview about the experience and its free description — are not sufficiently studied in psychology. Our work is devoted to the study of this issue by comparing the results obtained using both variants of the method of retrospective self-report. The material of this study was the near-death experience (NDE) — an altered state of consciousness experienced during a brush with death, including a specific pattern of psychological phenomena — elements of NDE or their components (including, in particular, hallucinosis), joined by the script of “journey to other world”.

The aim of our work was to study the differences in the frequency of mentioning certain NDE phenomena in the free description of this experience and when answering questions about these phenomena during interviews.

Description of the study. During the personal meeting, the Respondent first told about their NDE in a free form, then researcher asked him about the presence of a certain phenomenon in his NDE, based on a list of NDE elements/components (37 questions). This elements/components were both interview items and independent parameters for subsequent analysis of the received protocols (45 protocols). For each phenomenon, a four-cell table was formed, which separately counted: 1) the number of cases of the phenomenon both in the free description and in the responses to interview questions; 2) the number of cases when the phenomenon was not spontaneously mentioned, but was detected during the interview, 3) the number of cases when the phenomenon was present in the free description, but the Respondent denied its presence in the interview, 4) the number of cases when the phenomenon was not spontaneously mentioned, and its presence was denied in the interview). To assess the significance of the differences between the data obtained in the free description and in the interview, we used the Gilford ϕ -coefficient of correlation, calculating for each phenomenon the critical (for $p < 0.01$ and for $p < 0.05$) and empirical values of the ϕ -coefficient.

Research results. First, a number of phenomena have been found that do not show significant differences (for $p < 0.01$) between the methods of free description and semi-structured interview: a sense of peace and calm; the appearance of unusual auditory sensations, a person's understanding that he has died, an out-of-body experience (OBE), a dark tunnel, perception of the surrounding reality during OBE, seeing a bright light, meeting with it, meeting with others, visions of a different reality, a luminous being, a sense of unity, a review of life, a border or limit, a decision to return, a return. Second, the identified phenomena for which there are significant ($p < 0.01$) differences between the methods of free descriptions and semi-structured interview is — ineffability of NDE, its realness, its memorability, unwillingness to tell others about this experience, its transformative effects, the emergence of a new attitude to death and life after this experience, the disappearance of auditory sensations, transcendence, changes in experiences of time.

Summary. Thus, the limitations of the free description method depend on the specific material for which the method is used. When studying the frequency of occurrence of NDE phenomena, it is necessary to combine the method of free description with the interview method, which helps not only to detect the presence of the phenomenon itself, but also to clarify its content and to avoid cases of misinterpretation of what the researcher heard.

Keywords: altered states of consciousness, near-death experience, hallucinosis, study methods, self-report, semi-structured interview, free description.

For citation: Gordeeva O.V. (2021). Comparison of free description and semi-structured interview as methods of studying near-death experience, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 2 (42), 36–50. doi: 10.11621/npj.2021.0204

Received March 27, 2021 / Accepted for publication May 31, 2021

Введение

В психологии существует немало областей, при исследовании которых одним из основных или даже основным является метод самоотчета. К таким областям относятся феномены измененных состояний сознания. В данных состояниях часто возникает галлюциноз. Он имеет место не только в случае психической патологии, но и каждую ночь во время сна (именно на самоотчетах базируются исследования сновидений и факторов, определяющих их содержание), а также в измененных (для психики или организма) условиях существования (например, при сенсорной депривации или гипоксии). Конечно, метод самоотчета имеет целый ряд ограничений (респондент может забыть, игнорировать или исказить информацию, считая ее незначимой, нерелевантной или социально нежелательной), однако при изучении галлюциноза, а также эмоциональных и личностных реакций на «увиденное» больше всего информации дает именно рассказ самого человека о «воспринятом», нежели наблюдения за его поведением и речью в тот момент. Существуют разные варианты метода самоотчета. Основные из них — это свободное описание респондентом пережитого/переживаемого и интервью, в ходе которого респондент отвечает на фиксированные закрытые вопросы исследователя. Возможности и ограничения этих вариантов метода самоотчета в психологии продолжают оставаться недостаточно изученными. В нашей работе мы исследовали этот вопрос путем сопоставления результатов, полученных с помощью интервью и свободного описания респондентом пережитого опыта.

Данное исследование проведено на материале изучения околосмертного опыта (а near-death experience) как особого вида измененного состояния сознания, переживаемого в момент близости к смерти. Например, оно может возникнуть при остановке сердца, кровопотере, операционных осложнениях, анафилактическом шоке, суицидальных попытках, различных несчастных случаях, таких как падение с высоты, автомобильные аварии, удар электрического тока, утопление, душение. Иногда оно имеет место и при отсутствии каких-либо органических повреждений — существенным условием его появления выступает не наличие действительной угрозы для жизни, а

убежденность человека в своей скорой неизбежной смерти (Noyes, Kletti, 1976). Для околосмертного опыта (ОСО) характерно появление специфического паттерна психологических феноменов — элементов ОСО или их компонентов (включающих, в частности, галлюциноз), объединяемых сценарием «путешествия в иную реальность». Отдельные элементы ОСО впервые в научной литературе были описаны А. Хеймом в конце XIX в. Однако одним из первых (в 60-х годах XX века) их систематизировал Реймонд Моуди (Моуди, 1990), создав модель т.н. базового (позитивного) ОСО. За последние 40 лет созданная Моуди модель возможных переживаний умирающего была значительно пересмотрена и расширена (Noyes, Kletti, 1976; Greyson, Stevenson, 1980; Noyes, 1980; Greyson, 1983a, 1983b, 1997, 2003; Osis, Haraldsson, 1986; Greyson, Bush, 1992; Atwater 1992, 2013; Ринг, 1996, 1998; Van Lommel et al., 2001; Parnia, Fenwick, 2002; Schwaninger et al., 2002; Роолингз, 2003; Sartori, 2006; Zingrone, Alvarado, 2009; Van Lommel, 2010, 2011; Tassel-Matamua, 2013–2014; Klemenc-Ketis, 2013; Braghetta et al., 2013; Гордеева, 2018b). На основании этих и других исследований мы (см. Гордеева, Прибытков, 2014) составили следующий перечень элементов ОСО (порядок их перечисления отчасти отражает динамику развития данного состояния): 1) невыразимость опыта (трудность его описания); 2) ощущение мира и покоя в момент умирания; 3) необычные слуховые ощущения в начале умирания (часто имеют неприятный характер, описываясь как шум, жужжание, рев, стуки, свист, но возможны и приятные звуки: колокольчики, музыка и др.); 4) внетелесный опыт (ВТО). Обычно в этом элементе выделяют такие компоненты, как выход души из тела, быстрое движение вверх и видение душой своего физического тела из положения сверху — человек утверждает, что его душа, взлетев вверх, покинула тело и свободно перемещалась в пространстве. Нередко при этом сообщается о появлении другого «тела» и/или улучшении психического функционирования (интенсификации мышления, о проявлении паранормальных способностей и др.). 5) Способность к восприятию окружающей действительности во время ВТО (действительно возможно адекватное восприятие, но респонденты могут и ошибаться, воспроизводя происходившее во время их умирания); 6) понимание (осознание и принятие) человеком того, что он умер; 7) изменение

Ольга Владимировна Гордеева —

кандидат психологических наук, доцент кафедры общей психологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова

ORCID: 0000-0002-6265-5665

http://www.psy.msu.ru/people/gordeeva_ov.html

Olga V. Gordeeva —

PhD in Psychology, associate professor at the Department of General psychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

ORCID: 0000-0002-6265-5665

переживания времени (может проявляться в ощущениях исчезновения времени или искажении его течения — внешние события воспринимаются как происходящие в замедленном темпе, а мысли — в ускоренном); 8) темный туннель — движение после «выхода» из тела сквозь темное замкнутое пространство (туннель, пустоту, трубу, долину и др.) навстречу яркому свету; 9) встреча с этим ярким светом; 10) встреча с другими (среди которых выделяются как проводники и помощники, так и умершие ранее родные и друзья человека); 11) видения иной реальности, иных миров; 12) Светящееся существо — многими этот свет персонифицируется, воспринимается как некое существо, любящее и принимающее человека, которому оно мысленно задает вопрос: «Готов ли ты к смерти? Что ты сделал в своей жизни, что можешь показать мне?» 13) Обзор жизни (панорамная память) возникает в ответ на этот вопрос — перед мысленным взором человека подобно быстро прокручиваемому фильму проходят картины его жизни; 14) трансцендентный характер переживаний: подобный «закключительный» обзор помогает человеку включить свою жизнь во всеобщий мировой порядок и обрести смысл существования; 15) ощущение единства с миром, Богом, Вселенной; 16) граница или предел (может описываться как некое водное пространство, серый туман, дверь, ограда, просто линия и т.д.); 17) решение о возвращении. Нередко человек решает вернуться, несмотря на желание остаться в иной реальности, ради каких-то незавершенных дел, в других случаях это решение принимает за него кто-то другой; 18) возвращение; 19) трансформирующее воздействие ОСО. После переживания этого опыта у человека значимо перестраивается система мотивов и ценностей — усиливаются духовные потребности и интересы, повышается познавательная и альтруистическая мотивация. Пережившие утверждают, что у них возрастает терпимость и позитивное восприятие других людей, неверующие обращаются к идее бога, а верующие, чувствуя себя ближе к богу, перестают придавать значение обрядовой стороне религии. Возможно и улучшение психологического здоровья (Braghetta et al., 2013). Часто наблюдается появление новых интересов, увлечений, занятий, смена деятельности, изменение взглядов и отношения к разным аспектам действительности (к богу и религии, к смыслу жизни, здоровью, семье и друзьям, природе, материальным ценностям, браку и сексу, власти, личной известности, войне и убийству, образованию и науке, обществу, бизнесу и др.) (Greyson, Stevenson, 1980; Van Lommel et al., 2001). Пережившие ОСО начинают гораздо больше интересоваться предельными философскими вопросами, духовные и интеллектуальные интересы доминируют у них над материальными и телесными потребностями. У многих наблюдается повышение интереса к обучению, самопознанию и саморазвитию, желание постоянно приобретать знания (Моуди, 1990; Ринг 1996, 1998). Также возможны изменение Я-концепции (рост самопринятия) и ощущение наличия паранормальных способностей. В результате смены приоритетов у переживших ОСО

могут начаться трудности в отношениях с близкими людьми (Гордеева, 2018b), кроме того, у них может усиливаться стремление к одиночеству. 20) Новое отношение к жизни и смерти: возрастает понимание ценности физической жизни и здоровья, при этом исчезает страх смерти. 21) Реалистичность переживаемого: пережившие убеждены, что действительно побывали в ином мире. 22) Нежелание рассказывать о пережитом другим (из-за опасений, что окружающие воспримут этот рассказ как признак душевного расстройств) (Гордеева, 2018b). 23) Запоминаемость ОСО: этот опыт помнится впоследствии всю жизнь (Van Lommel et al., 2001). 24) Знак опыта: в психологии ОСО была показана достаточная распространенность негативного («беспокоящего») ОСО (Atwater, 1992; Greyson, Bush, 1992; Роулингз, 2003), который, совпадая с «классическим» (описанным Р. Моуди) позитивным ОСО по основным элементам, отличается от него либо содержанием видений (пугающие образы), либо выраженными негативными эмоциями, либо осмыслением увиденного (нейтральный ОСО может быть проинтерпретирован пережившим как незначимый или негативный, например, темная пустота как пребывание в аду) (Atwater, 1992; Morse, 1994).

Одно из основных направлений исследований ОСО в настоящее время — это изучение влияния на данный опыт таких факторов, как культура, национальность, религия, возраст, особенности ухода из жизни и пр. Об этом, например, исследования специфики ОСО в Индии (Pasricha, Stevenson, 1986); (Pasricha, 1993, 1995); (Blackmore, 1993a); (Blackmore, 1993b¹); (Kellehear et al., 1994²); (Гордеева, 2011); (Purkayastha, Mukherjee, 2012), в Узбекистане (Engmann, Turaeva, 2013³); (Бортникова, 2019⁴), в Таиланде (Murphy, 1999, 2010), в Израиле (Abramovitch, 1988⁵), в Австралии (Perera, Padmasekara, Belanti, 2005), в Китае (Feng, Liu, 1992), в Меланезии (Counts, 1983), в Японии (Hadfield, 1991); (Yamamura, 1998); (Ohkado, Greyson, 2014). Изучаются также особенности ОСО у детей (Morse, Conner, Tyler, 1985; Morse, 1994; Этуотер, 2009), у слепых (Ring, Cooper, 1997, 1999; Гордеева, 2018a), у змееносцев — членов религиозных общин, относящихся к протестантским деноминациям пятидесятников и харизматиков, практикующих т.н. змееносение (snake handling) (Hood, 2011), у злоупотребляющих кетамином при передозировке (Corazza, Schifano, 2010), у переживших суицид (Rosen, 1975; Greyson, 1981). При этом специфика ОСО у какой-либо группы определяется,

¹ Использован перевод Д.В. Бортниковой статьи Blackmore S.J. Near-Death Experiences in India: They Have Tunnels Too.

² Использован перевод Д.В. Бортниковой статьи Kellehear A., Stevenson I., Pasricha S., Cook E. The absence of tunnel sensations in near-death experiences from India.

³ Использован перевод Д.В. Бортниковой статьи Engmann V., Turaeva M. Near-Death Experiences in Central Asia.

⁴ Бортникова Д.В. Околосмертный опыт. Кросскультурное исследование на российской и узбекской выборке. Дипломная работа. Ташкент, 2019.

⁵ Использован перевод Д.В. Бортниковой статьи Abramovitch H. An Israeli account of a near-death experience: A case study of cultural dissonance.

в частности, по частоте встречаемости каждого из элементов ОСО (Feng, Liu, 1992⁶); (Blackmore, 1993b); (Morse, 1994); (Corazza, Schifano, 2010); (Гордеева, 2011); (Ohkado, Greyson, 2014⁷); (Филипочкина, 2019⁸). Частота встречаемости отдельных элементов ОСО еще раньше, в 1980-е годы, стала предметом самостоятельного изучения в западной психологии (Noyes, Kletti, 1976; Greyson, Stevenson, 1980; Van Lommel et al., 2001). Эти исследования дали отправные показатели (на западных выборках) — их результаты сравниваются с данными по определенным группам, выделенным на основании вышеуказанных факторов.

Околосмертный опыт крайне труден для изучения в плане методическом. Как уже говорилось, основным методом его исследования является самоотчет. Очевидно, что в сам момент умирания использование этого метода невозможно (и неэтично), поэтому отчет всегда делается спустя некоторое время. Сейчас используют два типа метода самоотчета:

1. Проспективный. ОСО начинает изучаться в самом процессе его возможного появления — с момента оказания медицинской помощи производится сбор объективных данных (показателей физиологических функций, рассказов участников событий о происшедшем, данных ЭЭГ, медицинских карт с указанием полученных респондентом препаратов). Самоотчеты получают, как только к человеку возвращается сознание, обычно через несколько дней после оживления (то есть период между переживанием ОСО и сбором самоотчета о нем весьма краток). Понятно, что такой вариант может быть применен лишь к пациентам реанимации.

2. Ретроспективный. Опрос респондентов проводится спустя достаточно длительное время (от нескольких месяцев до пятидесяти и более лет) с момента переживания ОСО. Несомненными ограничениями данного метода являются самоотбор респондентов и отсутствие объективных данных об этом случае, таких как сообщения очевидцев о происшедшем во время ОСО и записи в медицинских картах. Отметим, что традиционная критика ретроспективного метода за возможное забывание и искажение воспоминаний оказывается несостоятельной — лонгитюдные исследования Пима ван Ломмеля и его коллег показали, что с годами (повторное интервьюирование проводилось через 2 года и через 10 лет после первоначального, взятого сразу после оживления) данные воспоминания сохраняют свою устойчивость и неизменность (Van Lommel et al., 2001).

В последнее время стали активно использоваться (на животных, а также при проведении эвтаназии людей) нейрофизиологические методы, позволяющие диагностировать процессы, происходящие в моз-

ге уже после смерти (Гордеева, 2020). Но в подобных случаях (по понятным причинам) невозможен сбор самоотчетов и, соответственно, установление связи этих процессов с появлением ОСО. Поэтому самым доступным и распространенным остается ретроспективный тип этого метода. Особенности проведения ретроспективного метода мы и будем анализировать.

Другой методической проблемой становится поиск респондентов. Во-первых, ОСО у умирающих возникает достаточно редко (Van Lommel et al., 2001; Perera, Padmasekara, Belanti, 2005; Sartori, 2006). Во-вторых, иногда ОСО имеет негативный характер, поэтому человек не желает сообщать о наличии этого опыта (Atwater, 1992; Роолингз, 2003; Гордеева, 2018b). В-третьих, даже при позитивном ОСО наблюдается нежелание человека рассказывать о пережитом другим людям (Sabom, Kreutziger, 1977; Моуди, 1990, 2015; Hoffman, 1995; Manley, 1996; Ринг 1998). Это настолько распространено, что ряд авторов (Моуди, 1990, 2015; Greyson, Bush, 1992; Ринг, 1998; Этуотер, 2009; Ohkado, Greyson, 2014) выделяют это нежелание как самостоятельный элемент ОСО. Поэтому исследователю приходится достаточно долго собирать выборку переживших ОСО, которые согласны рассказать о своем опыте. Между тем, в интернет-пространстве встречаются рассказы тех, кто испытал ОСО и описал пережитое. Они представляют собой свободные описания пережившим своего опыта. Несомненным «плюсом» этого варианта метода самоотчета выступает то, что на такое описание не влияют (не направляют, не внушают определенное содержание) вопросы исследователя. Можем ли мы воспользоваться такими рассказами для изучения ОСО? И, шире, — можем ли мы при изучении ОСО ограничиться методом свободного описания? Если да, то это позволит нам расширить выборку (что особенно важно при изучении культурной специфики данного опыта, выяснении частоты встречаемости определенных элементов ОСО в различных возрастных, социальных, профессиональных и др. группах), уменьшить время проведения исследования (сократив время и усилия на поиск переживших, на организацию встречи, на саму личную беседу с ними и т.п.).

Но это возможно только в том случае, если частота упоминания отдельных феноменов ОСО в свободном описании этого опыта та же, что и в полуструктурированном интервью с закрытыми вопросами (когда мы спрашиваем респондента о наличии в его опыте определенного феномена ОСО). Для выяснения этого нами было проведено изучение различий в частоте упоминания феноменов ОСО при использовании данных двух методов.

Проведение исследования

Участники исследования. Всего было опрошено 38 человек (22 женщины, 16 мужчин). Было получено описание 45 случаев ОСО, поскольку 3 человека пережили этот опыт дважды, а 2 человека — трижды в жизни. Средний возраст респондентов — 38,8 лет (от

⁶ Использован перевод А.А. Хлебниковой статьи Feng Zhiying, Liu Jian-xun. Near-Death Experiences Among Survivors of the 1976 Tangshan Earthquake.

⁷ Использован перевод М.С. Филипочкиной статьи Ohkado M., Greyson B. A Comparative Analysis of Japanese and Western NDEs.

⁸ Филипочкина М.С. Специфика описаний околосмертного опыта представителями российской и западной культур. Дипломная работа. М., 2019.

18 до 83 лет), средний возраст переживания ОСО — 21,2 год (от 4 до 52 лет). В число случаев ОСО вошли 11 случаев детского опыта (возраст его переживания — до 16 лет включительно).

В проанализированных нами случаях ОСО был пережит в различных опасных для жизни ситуациях: болезнь (перитонит, остановка сердца, сложности с дыхательными путями в детстве, диабет), травмы/ранения (кровопотеря), осложнения во время операций или родов (остановка сердца или дыхания, передозировка анестетика, аллергическая реакция на препарат, кровопотеря), попытка суицида (отравление лекарствами), падение с высоты, ДТП, передозировка наркотика, взрыв, обморожение, утопление.

Процедура исследования

Мы изучали, различается ли частота упоминания характерных для ОСО феноменов при свободном описании и в ходе полуструктурированного интервью.

Сбор данных проводился в Москве и Ташкенте на базе факультетов психологии МГУ имени М.В. Ломоносова и его филиала в г. Ташкент нами, а также студентами Н.А. Назаровой, М.С. Филипчиной, Д.В. Бортниковой, А.А. Хлебниковой в рамках выполнения ими курсовых, дипломной и магистерских работ. Поиск респондентов осуществлялся через личные контакты, а также с помощью объявлений в научных журналах и социальных сетях (Vkontakte, Facebook, Instagram).

Сбор данных проходил при личной встрече (занимавшей от 30 мин до двух часов). Для сохранения конфиденциальности все имена наших респондентов были изменены. Все респонденты дали разрешение на использование их рассказов (или фрагментов из них) в качестве примера. Во время встречи респондент сначала рассказывал о своем ОСО в свободной форме, отвечая на просьбу: «Расскажите как можно более подробно о необычном опыте, пережитом в ситуации угрозы жизни». Затем проводилось полуструктурированное интервью, в ходе которого его прямо спрашивали о наличии во время ОСО определенного феномена. Перечень элементов ОСО и их отдельных компонентов (см. Критерии идентификации феноменов ОСО) задавал структуру этого интервью, определяя содержание задаваемых респонденту вопросов (всего 37 вопросов). Кроме этого, если какой-либо элемент/компонент был уже упомянут в свободном описании ОСО, мы задавали в интервью уточняющие вопросы, чтобы получить более подробное и точное описание феномена и исключить возможность ошибочной интерпретации услышанного при спонтанном отчете. Также собирались данные о возрасте респондента на данный момент, возрасте, когда был пережит ОСО, образовании, профессии, вероисповедании, а также о том, обладал ли респондент информацией об ОСО до или после пережитого. Вся беседа записывалась (с разрешения респондента) на диктофон, создавался протокол беседы, после чего проводилась обработка полученных протоколов.

Методики

В нашем исследовании использовались варианты ретроспективного метода сбора данных, то есть опрос респондентов проводился спустя достаточное количество времени с момента переживания этого опыта. Среднее время, прошедшее от переживания ОСО до момента беседы с респондентом, составляло 17,6 лет, этот временной диапазон варьировал от полугода до 52 лет. Свободным описанием опыта мы считали отчет респондента, полученный в ответ на нашу просьбу «максимально подробно описать пережитое в момент умирания». В этом случае он рассказывал то, что сам счел нужным сообщить.

В ходе полуструктурированного интервью для обнаружения каждого элемента/компонента ОСО или для подтверждения его наличия задавался отдельный закрытый (то есть предполагающий ответ «да» или «нет») вопрос, например: «Имел ли место во время Вашего необычного опыта т.н. жизненный обзор, когда словно вся жизнь проходит перед мысленным взором человека?» или «Было ли в этот момент ощущение, что это пространство замкнутое или оно как будто не имело границ?» (когда мы выясняли наличие такого компонента элемента «темный туннель» как замкнутость). Список феноменов (элементов и их компонентов), каждый из которых стал содержанием отдельного вопроса интервью (см. Критерии идентификации феноменов ОСО).

В ряде случаев нам потребовалось разделить элемент на компоненты. Например, внутри элемента «темный туннель» мы выделили компоненты: «видение темноты», «ощущение перемещения через некоторое пространство», «ощущение замкнутости этого пространства», «видение света вдаль», чтобы сделать объективной и надежной идентификацию элементов в полученных самоотчетах. Если в описании ОСО присутствовал не полностью весь элемент, а лишь отдельные его компоненты (например, респондент сообщает только об ощущении полета сквозь безграничное темное пространство, то есть в данном элементе «темный туннель» присутствуют лишь два его компонента: движение и темнота), то в таких случаях обработка данных проводилась по параметру, заданному не элементом, а его отдельным компонентом.

Критерии идентификации феноменов ОСО

Элементы ОСО (или их отдельные компоненты) одновременно выступали и пунктами интервью, и независимыми параметрами последующего анализа полученных протоколов отчетов. Приводим используемые нами пункты/параметры и критерии определения, имели ли место в конкретном описании соответствующие этим элементам/компонентам феномены или нет:

1. *Невыразимость*. Критерием наличия этого элемента служили любые упоминания о трудностях выражения пережитого в словах.

2. *Чувство покоя и умиротворения.* Наличие данного элемента отмечалось и когда респондент упоминал приятные эмоции, сопровождавшие чувства покоя и умиротворения, и когда он описывал свой опыт как эмоционально нейтральный, говоря о «полном отсутствии эмоций».

3. *Изменение переживания времени.* Наличие этого элемента фиксировалось, если респондент описывал субъективное ощущение замедления внешнего времени или его полное исчезновение, говоря, например, об «ощущении безвременья», при этом течение мыслей могло описываться респондентами как ускоренное.

4. *Изменение слуховых ощущений.* В отличие от западных исследователей ОСО, мы включали в эту группу не только феномены появления странных звуков: воя, жужжания, пения, белого шума, свиста и так далее, но и феномены субъективного затихания звуков, включая их полное исчезновение. Отдельный подсчет феноменов мы сделали по критериям западных авторов, то есть считали лишь количество случаев появления странных звуков, шумов (как неприятных, так и приятных).

5. *Внетелесный опыт (ВТО).* В нем нами были выделены следующие компоненты: утрата телесных ощущений, ощущение самого процесса отделения от тела, ощущение существования души отдельно от тела, ощущение движения (любого), полета, ощущение движения вверх, видение тела из положения сверху, ощущение обладания неким нефизическим телом.

6. *Восприятие окружающей действительности во время ВТО.* Критерием этого было сообщение о наличии во время ВТО ощущения видения пространства (например, комнаты, врачей, других людей) со стороны или слышания звуков извне.

7. *Понимание человеком того, что он умер.* Критерием наличия этого элемента мы считали не просто осознание человеком угрозы для жизни, а его убежденность в том, что его смерть уже произошла.

8. *Темный туннель.* Этот элемент включает такие компоненты, как ощущения: 1) темноты, 2) замкнутости окружающего пространства, 3) движения, 4) видения света в конце туннеля.

9. *Яркий свет.* Нами были выделены и отдельные компоненты видения света, связанного с туннелем (свет в его конце, вспышки света или огни по бокам), и ощущения света, полученные вне туннеля (светящееся существо, царство света, световые пятна, столбы, вихри, вспышки, сияние). Критерием присутствия этого элемента мы считали наличие описаний любых характеристик света — от визуальных (мягкое свечение, яркий свет, желтый свет и т.п.) до психологических (любящий, принимающий, всеведущий, мудрый, бесстрастный, коммуницирующий).

10. *Встреча с другими,* среди которых выделяются как проводники и помощники, так и умершие ранее родные и друзья человека. Критерием наличия этого элемента выступало описание присутствия кого-то рядом: умерших или ныне живущих близких, незнакомцев, фантастических или сказочных созданий, религиозных персонажей (например, ангела).

11. *Видение иной реальности.* Критерием его наличия выступало ощущение человеком нахождения в ином мире, который мог описываться им с разной степенью четкости — от некоего туманного пространства до ясных детализированных картин (например, некоего пейзажа или города).

12. *Светящееся существо.* Критерием наличия — персонификация света или ощущение присутствия какой-либо авторитетной фигуры с атрибутом свечения (света) или белизны, принимающей и любящей респондента и/или устанавливающей телепатическую связь с ним, сообщающая некую информацию.

13. *Обзор жизни.* Критерий наличия — актуализация любых быстро протекающих воспоминаний о своей жизни, даже если эта актуализация носила фрагментарный, не организованный во времени характер.

14. *Трансцендентный характер переживаний.* Критерий наличия — описания респондентом чувства, что он увидел свою жизнь со стороны, понял смысл своего существования или осознал свою некую миссию.

15. *Ощущение единства.* Критерий — наличие субъективного ощущения размывания границ между «Я» и окружающим миром, будь то другие люди, природа, Вселенная или Бог.

16. *Граница или предел.* Мы учитывали лишь ощущения наличия некой границы, рубежа или переживания приближения к ним, то есть критерием наличия этого элемента выступало описание видения некой границы, рубежа либо переживания приближения к ней, либо ощущения присутствия некой точки невозврата, при пересечении которой нет дороги обратно.

17. *Решение о возвращении.* В качестве критерия его наличия был выделен не только сам процесс принятия решения о возвращении, но и присутствие ощущения принятия решения, причем это решение мог принимать и сам респондент, и какой-то другой персонаж из его ОСО.

18. *Возвращение.* Критерием — наличие любых воспоминаний о моменте возвращения, кроме единственного воспоминания о скачке, быстроте или постепенности этого перехода и кроме описаний появления в ответ на уже произошедшее возвращение тех ощущений и эмоций, которые характерны для обычного состояния сознания: боли, сожаления, тяжести.

19. *Реалистичность переживаемого.* Критерий — высказывания респондента об ощущении реалистичности пережитого.

20. *Нежелание рассказывать об опыте другим.* Мы определяли его наличие при прямом подтверждении этого респондентом, а также в амбивалентных случаях, когда параллельно имело место желание рассказать (или даже сам рассказ о пережитом, например, близким), но ему сопутствовал страх быть непонятым или показаться психически нездоровым.

21. *Запоминаемость ОСО.* Критерий — утверждение респондента о том, что он хорошо запомнил этот опыт.

22. *Трансформирующее действие ОСО.* Критерий — наличие любых, в том числе и единичных из-

менений в жизни, если они связывались самим респондентом с пережитым ОСО.

23. *Новое отношение к смерти и жизни.* Критерий его наличия — любое высказывание об изменениях отношения к жизни или смерти, которые сам респондент связывал с пережитым ОСО.

Обработка протоколов

Обработка проводилась по каждому из перечисленных выше (см. Критерии идентификации феноменов ОСО) параметров (всего 37 параметров-элементов и их компонентов) отдельно. Она представляла собой установление наличия данного феномена по вышеуказанным критериям в каждом протоколе в свободном описании и в ходе интервью. Затем производился подсчет по всем протоколам количества данных феноменов, имевших место в свободных описаниях ОСО и обнаруженных в ходе интервью.

В обработку были включены те протоколы, в которых одновременно имели место и самостоятельный рассказ, и ответы на вопросы интервью (всего 45 протоколов).

Подсчет феноменов осуществлялся следующим образом: для формирования четырехклеточной таблицы для каждого элемента (или его компонента) считалось отдельно:

1) число случаев, когда описание феномена присутствовало и в спонтанном рассказе, и при ответе на вопросы интервью;

2) число случаев, когда феномен не был спонтанно упомянут, но «всплыл» в интервью;

3) число случаев, когда описание феномена присутствовало в спонтанном рассказе, но в ходе интервью респондент отрицал его наличие (когда либо мы неверно поняли или проинтерпретировали сказанное респондентом и признали у него наличие феномена, которого в действительности не было, либо в ходе интервью, когда мы озвучили респонденту определенный феномен, он, «увидев его со стороны», стал отрицать его наличие, поскольку по какой-то причине не смог принять эту часть своего опыта);

4) число случаев, когда феномен не был спонтанно упомянут, и в интервью респондент тоже отрицал его наличие (сюда же мы отнесли и случаи, когда при уточняющих вопросах респондент говорил об отсутствии соответствующих воспоминаний).

Из обработки исключались случаи, когда феномен самим респондентом не упоминался, а экспериментатор не спросил о его наличии в интервью. Также исключались случаи, когда респондент не давал никакого ответа на поставленный вопрос. Поэтому общее число анализируемых случаев для каждого феномена варьировалось от 20 до 44.

Статистическая обработка данных

Для оценки значимости различий между данными, полученными при свободном описании пере-

житого опыта, и данными интервью мы использовали ϕ -коэффициент корреляции Гилфорда. Для каждого феномена с учетом количества анализируемых случаев мы вычисляли критическое значение ϕ -коэффициента корреляции Гилфорда (для $p < 0,01$ и для $p < 0,05$), а на основании сформированной для этого феномена четырехклеточной таблицы — эмпирическое значение данного коэффициента. Значимость эмпирического ϕ -коэффициента корреляции Гилфорда определялась его сравнением с критическим значением данного коэффициента. Подсчеты осуществлялись вручную.

Показатели эмпирического ϕ -коэффициента, превышающие его критические значения, говорят об отсутствии для конкретного элемента/компонента значимых различий между данными, полученными методами свободного описания и полуструктурированного интервью. То есть, добавление к свободному описанию интервью с прямыми закрытыми вопросами (о наличии определенного феномена) значимо не увеличивает количество сообщений о конкретном феномене. При этом, чем выше показатели эмпирического ϕ -коэффициента, тем с большей вероятностью респондент сам (без специальных вопросов) расскажет о наличии в его ОСО данного феномена.

Показатели эмпирического ϕ -коэффициента корреляции Гилфорда, оказавшиеся ниже критических значений этого коэффициента, говорят о значимых различиях между методами свободного описания и интервью при изучении определенного феномена. То есть, при наличии этого феномена в субъективном опыте респондент самостоятельно о нем не сообщает, и для выявления этого феномена необходим вопрос о его наличии/отсутствии.

Результаты

Превышение показателей эмпирического ϕ -коэффициента корреляции Гилфорда его критических значений, говорящее об отсутствии значимых (для $p < 0,01$) различий между изучаемыми методами, было обнаружено для следующих феноменов: ощущение мира и покоя ($\phi = 0,59$); необычные слуховые ощущения ($\phi = 0,488$), понимание человеком того, что он умер ($\phi = 0,603$), встреча с ярким светом ($\phi = 0,777$), обзор жизни ($\phi = 0,715$), граница или предел ($\phi = 0,582$), решение о возвращении ($\phi = 0,721$), возвращение ($\phi = 0,616$), и таких компонентов внетелесного опыта (ВТО), как утрата телесных ощущений ($\phi = 0,529$), процесс выхода из тела, отделения от него ($\phi = 0,755$), ощущение существования души отдельно от тела ($\phi = 0,632$), ощущение движения, полета ($\phi = 0,719$), обладание неким нефизическим телом ($\phi = 0,577$), а также такого компонента/элемента «темный туннель», как ощущение движения ($\phi = 0,592$). Количество сообщений о данных феноменах значимо не увеличивается при добавлении интервью к свободному описанию пережитого опыта.

Кроме того, крайне высокие значения эмпирического ϕ -коэффициента Гилфорда (от 0,8 до 1) были

обнаружены для следующих элементов: восприятие окружающей действительности во время ВТО ($\varphi=0,902$), видения света, связанного с туннелем ($\varphi=0,834$), и света вне туннеля ($\varphi=0,809$), встреча с другими ($\varphi=0,921$), видения иной реальности ($\varphi=1$), светящееся существо ($\varphi=0,921$), ощущение единства ($\varphi=0,833$), а также для таких компонентов ВТО, как ощущение движения вверх ($\varphi=0,899$), видение тела из положения сверху ($\varphi=0,953$), видение происходящего из положения сверху ($\varphi=0,904$), и для таких компонентов элемента «темный туннель», как ощущение темноты ($\varphi=0,847$), замкнутости ($\varphi=0,8402$) и видение света в конце туннеля ($\varphi=0,81$). Это означает, что усилить воспоминания о данных феноменах с помощью закрытых вопросов интервью практически не получается. Если у человека в ОСО есть этот феномен, то он обычно сам рассказывает о нем, а если он сам не упоминает о нем, то и на вопрос о наличии этого феномена ответит отрицательно.

На границе значимости (эмпирическое значение φ -коэффициента выше критического значения при $p < 0,05$, но ниже при $p < 0,01$) находятся показатели таких элементов, как слуховые ощущения (включая феномены исчезновения звука) ($\varphi=0,383$), изменения переживания времени ($\varphi=0,355$), трансцендентный характер опыта ($\varphi=0,408$).

Для ряда феноменов значения эмпирического φ -коэффициента корреляции Гилфорда оказывались ниже критического, что свидетельствует о значимых ($p < 0,01$) различиях между методами свободного описания и полуструктурированного интервью. Это наблюдалось при изучении таких элементов ОСО, как невыразимость опыта ($\varphi=0,245$), реалистичность переживаемого ($\varphi=0,078$), нежелание рассказывать о пережитом другим ($\varphi=0,145$), запоминаемость опыта ($\varphi=0,075$), его трансформирующее воздействие ($\varphi=0,145$). Равным нулю оказался φ -коэффициент для элемента «новое отношение к смерти и жизни», это означает, что ни один из респондентов самостоятельно не рассказывал об этом феномене, но признавал его существование в интервью при наличии специального вопроса.

Обсуждение результатов

В большинстве известных нам работ, посвященных ОСО, проблема методов не ставилась, за исключением разработки опросников ОСО Б. Грейсоном (Greyson, 1983а, 2003) и К. Рингом (Ring, 1980), что допустимо лишь на начальных этапах исследования (например, при изучении феноменологии ОСО). Но на последующих этапах, когда изучается частота встречаемости конкретных феноменов ОСО, появляется необходимость контроля методов. Однако в известных нам исследованиях этого показателя (частоты встречаемости) не проводилось сравнение свободного описания ОСО и структурированного интервью как вариантов метода самоотчета. При этом авторы либо использовали оба варианта, как Ван Ломмель с соавторами (Van Lommel et al., 2001) и Нойес и Клетти (Noy-

es, Kletti, 1976), либо оба варианта применялись по возможности. В некоторых случаях использовалось только свободное описание опыта, как у Грейсона и Стивенсона (Greyson, Stevenson, 1980).

Мы обнаружили только одно исследование, в котором проводилось сопоставление результатов свободного описания ОСО и полученных в ходе интервью ответов на вопросы о наличии конкретных элементов. Под руководством Мелвина Морса, впоследствии осужденного за насилие — попытки утопления над приемной дочерью в целях изучения ОСО («В США состоялось...», 2020; «Известный доктор Мелвин...», 2020), было проведено ретроспективное изучение 22 случаев детского ОСО, используя сходные с нашими варианты методов и дизайн исследования (Morse, 1994): сначала — свободное описание (задавались вопросы с открытым концом, касающиеся воспоминаний ребенка о его госпитализации, например, «Что ты помнишь из того, что случилось с тобой, когда ты был в больнице?», «Что ты помнишь о времени, когда был без сознания или спал?»), потом задавались вопросы о наличии определенных феноменов ОСО, на которые надо было отвечать «да» или «нет» (примеры вопросов: «Тебе показалось, что ты вступил в контакт с мистическим существом или присутствием?», «Видел ли ты религиозных персонажей или духов умерших?»).

Морс сообщил, что при ответе на вопросы респонденты не сообщали ни о каких новых феноменах ОСО, то есть результаты свободного описания и интервью совпали во всех случаях, кроме одного. Причем в этом случае обнаружилось несовпадение только по одному параметру — респондент рассказал о появлении искажений восприятия реальности во время ВТО лишь в ходе интервью (Morse, 1994). Однако никаких конкретных данных в статье Морса не приводится — отсутствуют и критерии идентификации наличия феномена, и данные о количестве случаев каждого феномена в свободном описании и в интервью, и описание того, как проходил статистический анализ результатов (и проводился ли он вообще). Упоминается только сам факт проведения сравнения методов и делается вывод об отсутствии различий в их результатах, само же описание этого сопоставления отсутствует полностью. Поэтому невозможно объяснить столь выраженное расхождение выводов Морса с полученными нами результатами. Все эти моменты (цель, предмет и результаты) определяют новизну нашего исследования.

Мы обнаружили, что два варианта метода самоотчета: свободное описание и полуструктурированное интервью обладают разными возможностями в плане выявления наличия разных феноменов ОСО. То есть, об одних феноменах ОСО люди упоминают самостоятельно часто (а о видениях иной реальности — всегда), и в этих случаях достаточно свободного описания. А чтобы обнаружить наличие других феноменов, надо направленно задавать специальные вопросы. Какие же факторы влияют на показатель специфической для каждого феномена готовности самостоятельно сообщать о нем? Очевидно, сама

процедура обработки данных исключает влияние фактора частоты встречаемости элемента на данную готовность, поскольку обработка происходила по каждому элементу в отдельности.

Влияет ли на эту готовность социальная желательность (то есть стремление давать социально одобряемую информацию о своем опыте)? Нам идея о том, что человек больше стремится сообщать в спонтанном рассказе о «желательных» феноменах, представляется маловероятной. Сравним феномены, максимально удаленные друг от друга по степени готовности упоминать их в спонтанном рассказе — с одной стороны (минимальная степень готовности), это невыразимость опыта, чувство реалистичности переживаемого, нежелание рассказывать о пережитом другим, запоминаемость опыта, его трансформирующее воздействие и появление нового отношения к смерти и жизни, а с другой стороны (максимальная степень), это восприятие окружающей действительности во время ВТО, видение света, встреча с другими, видения иной реальности, светящееся существо, ощущение единства, ряд феноменов ВТО (ощущение движения вверх, видение тела и происходящего вокруг из положения сверху) и «туннельного опыта» (ощущения темноты, замкнутости и видение света в конце туннеля). Как мы видим, в первую группу феноменов входят, в частности, менее «драматичные» и «яркие», более «обычные» феномены, чем во вторую группу. Является ли информация о том, что Вы пережили галлюцинацию, более социально желательной, чем та, что Вы хорошо запоминаете события своей внутренней жизни? Конечно, нет (если отсутствует специальное намерение симулировать душевную болезнь).

Здесь возникает другое предположение — возможно, на готовность рассказывать о феноменах ОСО влияют представления респондентов об ожиданиях слушателей. Может быть, респондент считает, что рассказ о пережитом ОСО должен включать описание, прежде всего, «необычных», «интересных» феноменов, именно такого рассказа, с его точки зрения, и ждут слушатели, в частности, психологи. Действительно, такие характеристики ОСО, как «запоминаемость» опыта или трудности его вербализации, с точки зрения самого пережившего, меньше привлекают внимание и меньше удивляют, выглядят менее «интересными» и «драматичными», чем видения иных миров, встречи с умершими, телепатический контакт со сверхъестественным существом и т.п.

Интересно, что подобное стремление сообщать об «интересном» и «ярком» в ущерб «скучному», «обыденному» и «повседневному» было обнаружено Кэлвином Холлом (Hall) и Робертом Ван де Каслом (Van de Castle) при масштабных исследованиях (методом контент-анализа) сновидений. Они анализировали «домашние» отчеты о сновидениях 1000 человек: человек спал у себя дома, после пробуждения описывал увиденное во сне (его просили просто «записывать сновидения» — такая инструкция допускала самоотбор сновидений). Содержание сновидений в таких самоотчетах содержало очень большой процент «не-

обычности» и «фантастичности» (что согласовалось с существовавшим ранее в науке представлением о сновидениях). Также анализировали отчеты 650 человек, которых будили в фазе парадоксального сна в лаборатории и просили рассказать **все**, что им сейчас приснилось (то есть инструкция исключала избирательность в сообщениях). Анализ данного материала показал, что лишь небольшой процент содержит странные и фантастические элементы, которые обычно ассоциируются со сновидениями (см. Борбелли, 1989, с. 43). Результаты этого исследования дают возможность предположить, что респонденты — при наличии у них такой возможности — подбирают для рассказа психологу самые «интересные» сновидения. Однако вероятно и то, что такие сновидения лучше запоминаются.

Ориентацией на ожидания слушателей можно объяснить наличие среди феноменов, о которых редко рассказывают спонтанно, послеэффектов ОСО. Спонтанный рассказ дается в ответ на инструкцию: «Рассказать как можно подробнее о происшедшем в момент близости к смерти». В эту инструкцию не «заложен» вопрос о происшедшем после этого момента, особенно много времени спустя.

Влияние социальных ожиданий на содержание спонтанных рассказов об ОСО изучали Дж.К. Атапилли, Б. Грейсон и Я. Стивенсон (Athappilly, Greyson, Stevenson, 2006⁹). Они предположили, что огромная популярность книги Моуди и принятие его модели ОСО всеми — как научным сообществом, так и широкой публикой, повлияло на рассказы об ОСО. Поэтому до 1975 года (времени первой публикации книги Моуди «Life After Life») и после 1975 года содержание этих рассказов будет различным. Первыми это предположение попытались проверить Лонг и Лонг (Long, Long, 2003), сравнивая отчеты о случаях ОСО, пережитого до и после 1975 года. Их исследование не обнаружило практически никаких различий в содержании рассказов об ОСО, но эти отчеты были получены в 1998 году и позже, поэтому на них могла повлиять модель Моуди (см. Athappilly, Greyson, Stevenson, 2006). Атапилли и соавторы сравнили отчеты об ОСО, собранные в периоды с 1961 по 1974 год и с 1984 по 2002 год (по 24 отчета за каждый из периодов), в которых респонденты в свободной форме рассказывали о пережитом в момент близости к смерти, им не задавали направленные вопросы о наличии/отсутствии в опыте конкретных элементов ОСО. Результаты данного исследования показали, что между двумя группами отчетов ни по одному из элементов не было значимых ($p < 0,05$) различий по частоте встречаемости, исключение составил лишь туннельный опыт — сообщения о туннеле значимо чаще имели место в отчетах, данных после публикации книги Моуди. На основании этого авторы опровергли гипотезу о том, что «околосмертный опыт в значительной степени зависит

⁹ Использован перевод Д.В. Бортниковой статьи Athappilly G.K., Greyson B., Stevenson I. Do Prevailing Societal Models Influence Reports of Near-Death Experiences? A Comparison of Accounts Reported Before and After 1975.

от доминирующих культурных моделей». Этот вывод представляется нам весьма спорным, поскольку существующие в обществе представления об ОСО (т.н. «культурные модели») формируются под влиянием не только (и не столько) быстро меняющихся научных концепций, но и культуры в целом.

Недостатком метода интервью, предполагающего задавание прямых закрытых (на которые можно ответить «да» или «нет») вопросов, нередко признается внушающее воздействие таких вопросов. По этому возникает предложение — при изучении ОСО ограничиваться свободным рассказом о пережитом опыте. Приведем в защиту метода интервью два аргумента, опровергающих его критику. Во-первых, нами выделен целый ряд феноменов, для которых характерна повышенная готовность самостоятельно рассказывать о них. Соответственно, в этих случаях внушающее воздействие вопросов интервью себя не обнаруживает на значимом ($p < 0,01$) уровне.

Во-вторых, практически во всех случаях припоминания феномена в ответ на вопрос (когда в свободном описании упоминание этого феномена отсутствовало) респондент не просто соглашается, отвечая «да», а включал в ответ конкретные подробности своего переживания, наполнял свой рассказ «чувственной тканью». Конечно, возможно возражение, что здесь имеет место ложное воспоминание, порожденное внушающим воздействием интервью. На наш взгляд, данное мнение опровергается именно различием данных свободного описания и интервью. Так, В.В. Нуркова отмечает, что «если рассказ основан на реальном факте автобиографического опыта, это дополнительное содержание может быть извлечено путем применения специальных процедур. Вымысел же исчерпан самим рассказом, он уточняется и достраивается по законам рассказа, а не реминисценции эпизода» (Нуркова, 2000, с. 263). Такой процедурой в нашем случае и является полуструктурированное интервью, которое помогает «схватить» те феномены, ту часть опыта, которая ускользнула от внимания человека.

Интервью помогает не только выявить само наличие конкретного феномена, но и получить его точное и подробное описание. Так, обычно в ходе интервью на вопрос о наличии феномена мы получаем развернутый рассказ о его характеристиках. Тем более что свободный характер нашего диалога с респондентом позволяет, если ответ недостаточно полный, задать открытые вопросы и попросить подробнее рассказать об определенном аспекте пережитого опыта.

Кроме того, интервью помогает уточнить значение сказанного в ходе свободного описания, исключить неверное понимание услышанного интервьюером. Например, мы проинтерпретировали слово «приподнялся» в свободном рассказе одного респондента как описание ощущения движения вверх: «Помню вид со стороны головы... Я приподнялся над собственной головой где-то на метр. Я смотрел оттуда на врачей и свое тело». На самом же деле ощущения движения не было, имело место лишь изменение позиции, из которой респондент начал воспринимать, «видеть» прои-

ходящее и свое тело, о чем он сообщил в последующем интервью.

Проведение интервью стимулирует свободное припоминание. Мы задавали вопрос о наличии конкретного феномена, а респондент начинал развернуто отвечать на этот вопрос и в ходе этого ответа рассказывал о других феноменах, ранее не упомянутых или упомянутых вскользь, односложно. Это еще раз подтверждает необходимость проведения полуструктурированного интервью при изучении ОСО. Ему должно предшествовать свободное описание, позволяющее начать доверительный диалог с респондентом, позволив ему рассказать то, что ему самому хочется рассказать, быстро получить данные о наличии ряда феноменов.

Одновременное применение методов свободного описания и интервью позволяет «вынести за скобки» влияние на результаты данного исследования (как исследования именно методов изучения ОСО) других важнейших факторов (например, чтения или знакомства с историями об ОСО), поскольку такие факторы в равной степени влияли на результаты, полученные с помощью и первого, и второго методов. Разумеется, на сообщения об ОСО огромное формирующее влияние оказывают культурные и социальные факторы, но изучение данных влияний — это уже задача отдельного исследования.

Выводы

Феномены ОСО, связанные с порождением галлюцинаторных образов, представляют собой такую же продукцию работы механизмов здоровой психики, что и сновидения. Изучение такой «экзотической» области как порождение галлюцинаторных образов в ситуации близости к смерти позволяет приблизиться к решению такой важной общепсихологической проблемы как проблема механизмов формирования, порождения образов — образов восприятия, воображения, памяти и др. Наша работа, посвященная исследованию методов изучения феноменов ОСО, обнаруживает несоответствие результатов разных вариантов метода самоотчета: свободного описания и полуструктурированного интервью. Выяснилось, что респонденты спонтанно рассказывают не обо всем. При этом они охотно признают наличие феноменов, о которых умолчали, поэтому отсутствие свободного рассказа явно не связано с действием психологических защит или социальной желательности. Обычно респонденты самостоятельно рассказывают о таких феноменах ОСО, как восприятие окружающей действительности во время ВТО, видение света, встреча с другими, видение иной реальности, светящееся существо, ощущение единства, а также о таких компонентах ВТО, как ощущение движения вверх, видение из этого положения своего тела и происходящего вокруг, и о таких компонентах элемента «темный туннель», как ощущения темноты, замкнутости и видение света в конце туннеля. Однако со стопроцентной вероятностью человек спонтанно рассказывает толь-

ко о видении иной реальности. Есть целый ряд феноменов, о которых респонденты практически никогда не рассказывают сами (или делают это очень редко), это — невыразимость, реалистичность опыта, нежелание рассказывать о нем другим, запоминаемость опыта, его трансформирующее воздействие, новое отношение к смерти и жизни, необычные слуховые ощущения, изменения переживания времени, трансцендентный характер опыта.

Поэтому при изучении частоты встречаемости конкретных феноменов ОСО в некоторой выборке нельзя полагаться лишь на метод свободного описания, надо обязательно дополнять его методом интервью. Интервью помогает не только обнаружить само наличие элемента (или его компонента), но и раскрыть, уточнить его содержание, исключить случаи неверной интерпретации услышанного исследователем.

Наше исследование показывало существование у респондентов избирательности в свободном описании своих переживаний. Выявилось, что есть материал, о котором они не торопятся рассказывать, и материал, о котором они расскажут в первую очередь даже при отсутствии направляющих вопросов. Таким образом, при изучении ОСО нами была обнаружена зависимость вероятности упоминания феномена в свободном описании от содержания этого феномена, то есть зависимость ограничений метода свободного описания от материала, для исследования которого применяется этот метод. Исследование самоотчетных методов (и в области ОСО, и в других областях, где применение только таких методов и возможно) не только позволяет обнаружить ограничения этих методов, но и преодолеть их (в данном случае — их сочетанием).

Литература:

- Борбели А. Тайна сна. М.: Знание, 1989.
- В США состоялось первое заседание по делу известного доктора Мелвина Морса. [Электронный ресурс] // URL: https://www.itv.ru/news/2012-08-18/90194-v_ssha_sostoyalos_pervoe_zasedanie_po_delu_izvestnogo_doktora_melvina_morsa (дата обращения 03.02.2020).
- Гордеева О.В. Околосмертный опыт у представителей западной и индийской культур: сопоставительный анализ // *Вопросы психологии*. 2011. № 3. С. 121–131.
- Гордеева О.В. Исследования околосмертного опыта у слепых в зарубежной психологии. В сборнике: Психология состояния человека: актуальные теоретические и прикладные проблемы : материалы Третьей Международной научной конференции. Казань, 8–10 ноября 2018 г. / Под ред. Б.С. Алишев, А.О. Прохоров, А.В. Чернов. Казань : Изд-во Казан. ун-та, 2018. С. 149–152.
- Гордеева О.В. Психологическая помощь пациентам, пережившим околосмертный опыт (по материалам зарубежных исследований) // *Национальный психологический журнал*. 2018. № 2 (30). С. 75–91.
- Гордеева О.В. Результаты современных научных исследований околосмертного опыта: пора ли отказываться от материализма? // *Вопросы философии*. 2020. № 3. С.119–136.
- Гордеева О.В., Прибытков Е.В. Представления об околосмертных переживаниях в древнеиндийской эпической литературе (на материале «Махабхараты»): сопоставление с современным западным опытом // *Вопросы философии*. 2014. № 10. С. 143–154.
- Известный доктор Мелвин Морс проводил бесчеловечные эксперименты над собственной дочерью. 9 Августа, 2012. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.runyweb.com/articles/people/star-life/pediatrician-charged-with-endangering-his-children.html> (дата обращения 03.02.2020).
- Моуди Р. Жизнь после жизни. М.: Физкультура и спорт, 1990.
- Моуди Р. Размышления о жизни после жизни. [Электронный ресурс] // URL: http://neotampl.eu5.org/misli_o_smerti.html (дата обращения 15.08.2015).
- Нуркова В.В. Сверхъестественное продолжается: психология автобиографической памяти личности. М.: Изд-во УРАО, 2000.
- Ринг К. Околосмертный опыт. В сборнике: Пути за пределы «ЭГО». М.: Изд-во ТПИ, 1996. С. 222–230.
- Ринг К. Проект «Омега». Предсмертные переживания, контакты с НЛО и Мировой Разум. М. : Изд-во ТПИ, 1998.
- Роолингз М. За порогом смерти. СПб.: Кормчий, 2003.
- Этуотер Ф.М.Х. Дети и околосмертный опыт. М. : Стигмарион, 2009.
- Abramovitch H. (1988). An Israeli account of a near-death experience: A case study of cultural dissonance. *Journal of Near-Death Studies*, 6 (3), 175–184.
- Athappilly G.K., Greyson B., Stevenson I. (2006) Do Prevailing Societal Models Influence Reports of Near-Death Experiences? A Comparison of Accounts Reported Before and After 1975. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 194 (3), 218–222.
- Atwater P.M.H. (1992). Is There a Hell? Surprising Observations About the Near-Death Experience. *Journal of Near-Death Studies*, 10 (3), 149–160. [Electronic resource] // URL: <http://www.cinemind.com/atwater/hell.html> (accessed 15.09.2009).
- Atwater P.M.H. (2013). Aftereffects of Near-death States. *International Association for Near-Death Studies, Inc.* [Electronic resource] // URL: <http://www.iands.org> (accessed 20.06.2016).
- Blackmore S. (1993a). Dying to Live: Near-Death Experiences. London: Grafton.
- Blackmore S.J. (1993b). Near-Death Experiences in India: They Have Tunnels Too. *Journal of Near-Death Studies*, 11 (4), 205–217.
- Braghetta C.C., Santana G.P., Cordeiro Q., Rigonatti S.P., Lucchetti G. (2013). Impact of a near-death experience and religious conversion on the mental health of a criminal: case report and literature review. *Trends in Psychiatry and Psychotherapy*, 35 (1), 81–84.
- Corazza O., Schifano F. (2010). Ketamine Use: Near-Death States Reported in a Sample of 50 Misusers. *Substance Use & Misuse*, 45, 916–924.
- Counts D.E. (1983). Near-Death and Out-of-Body Experiences in a Melanesian Society. *Anabiosis*, 3 (1), 115–135. [Electronic resource] // URL: <http://anthropology.uwaterloo.ca/WNB/NearDeath.html> (accessed 16.10.2012).
- Engmann B., Turaeva M. (2013) Near-Death Experiences in Central Asia. *Advanced Studies in Medical Sciences*, 1 (1), 1–10.

- Feng Zhi-ying, Liu Jian-xun (1992). Near-Death Experiences Among Survivors of the 1976 Tangshan Earthquake. *Journal of Near-Death Studies*, 11 (1), 39–48.
- Greyson B. (1981). Near-death experiences and attempted suicide. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 11 (1), 10–16.
- Greyson B. (1983a). The near death experience scale: Construction, reliability, and validity. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 171 (6), 369–375.
- Greyson B. (1983b). The psychodynamics of Near-Death Experiences. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 171 (6), 376–381.
- Greyson B. (1997). The near-death experience as a focus of clinical attention. *The Journal of Nervous And Mental Disease*, 185 (5), 327–34.
- Greyson B. (2003). The Near-Death Experience Scale Construction, Reliability, and Validity. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 171 (6), 369–375.
- Greyson B., Bush N.E. (1992). Distressing Near-Death Experiences. *Psychiatry*, 55 (February), 95–110.
- Greyson B., Stevenson I. (1980). The phenomenology of near-death experiences. *American Journal of Psychiatry*, 137 (10), 1193–1196.
- Hadfield P. (1991). Japanese find death a depressing experience. *New Scientist*, 132 (1797), 11.
- Hoffman R.M. (1995). Disclosure habits after near-death experiences: influences, obstacles and listener selection. *Journal of Near-Death Studies*, 14, 29–48.
- Hood R.W., Williamson W. P. (2011). Near-Death Experience from Serpent Bites in Religious Settings. *Interdisciplinary Journal of Research on Religion*, 7 (Article 7), 1–11.
- Kellehear A., Stevenson I., Pasricha S., Cook E. (1994) The absence of tunnel sensations in near-death experiences from India. *Journal of Near-Death Studies*, 13 (2), 109–113.
- Klemenc-Ketis Z. (2013). Life Changes in Patients After Out-of-Hospital Cardiac Arrest: The Effect of Near-Death Experiences. *The International Journal of Behavioral Medicine*, 20, 7–12.
- Long J.P., Long J.A. (2003). A comparison of near-death experiences occurring before and after 1975: Results from an internet survey. *Journal of Near-Death Studies*, 22, 21–32.
- Manley L.K. (1996). Enchanted journeys: Near-death experiences and the emergency nurse. *Journal of Emergency Nursing*, 22 (4), 311–316.
- Morse M., Conner D., Tyler D. (1985). Near-death experiences in a pediatric population. Preliminary Report. *American journal of diseases of children*, 139 (6), 595–600.
- Morse M.L. (1994). Near Death Experiences and Death-Related Visions in Children: Implications for the Clinician. *Current Problems in Pediatric and Adolescent Health Care*, 24 (2), 55–83. [Electronic resource] // URL: <http://www.melvinmorse.com/e-cpp.htm> (accessed 14.12.2011).
- Murphy T. (2010). Eleven Thai Near-Death Experiences. [Electronic resource] // URL: <http://altered-states.net/barry/newsletter224/ndethail.htm> (accessed 11.09.2010).
- Murphy T. (1999). Near-Death Experiences in Thailand: Discussion of case histories. [Electronic resource] // URL: <http://www.shaktitechnology.com/thaindes.htm> (accessed 28.09.2009).
- Noyes R. (1980). Attitude Change Following Near-Death Experiences. *Psychiatry*, 43 (3), 234–242.
- Noyes R., Kletti R. (1976). Depersonalization in the Face of Life-Threatening Danger: A Description. *Psychiatry*, 39 (1), 19–27.
- Ohkado M., Greyson B. (2014). A Comparative Analysis of Japanese and Western NDEs. *Journal of Near-Death Studies*, 32 (4), 187–198.
- Osis K., Haraldsson E. (1986) *At the hour of death*. N.Y.: Hastings House.
- Parnia S., Fenwick E. (2002). Near death experiences in cardiac arrest: Visions of a dying brain or visions of a new science of consciousness. *Resuscitation*, 52 (1), 5–11.
- Pasricha S. (1993). A systematic survey of near-death experiences in South India. *Journal of Scientific Exploration*, 7 (2), 161–171.
- Pasricha S. (1995). Near-death experiences in South India. *Journal of Scientific Exploration*, 9 (1), 79–88.
- Pasricha S., Stevenson I. (1986). Near-death experiences in India. *Journal of Nervous and Mental Disease*, 174 (3), 165–170.
- Perera M., Padmasekara G., Belanti J. (2005). Prevalence of Near-Death Experiences in Australia. *Journal of Near-Death Studies*, 24 (2), 109–116.
- Purkayastha M., Mukherjee K.K. (2012). Three cases of near death experience: Is it physiology, physics or philosophy? *Annals of neuroscience*, 19 (3), 104–106.
- Ring K. (1980). *Life at Death: A Scientific Investigation of the Near-death Experience*. New York, NY: Coward, McCann, and Geoghegan.
- Ring K., Cooper S. (1997). Near-Death and Out-of-Body Experiences in the Blind: A Study of Apparent Eyeless Vision. *Journal of Near-Death Studies*, 16 (12), 101–147.
- Ring K., Cooper S. (1999). *Mindsight: Near-Death and Out-of-Body Experiences in the Blind*. Palo Alto, CA: William James Center for Consciousness Studies.
- Rosen D.H. (1975). Suicide survivors: A follow-up study of persons who survived jumping from the Golden Gate and San Francisco-Oakland Bay bridge. *Western Journal of Medicine*, 122 (3), 289–294.
- Sabom M.B., Kreutziger S. (1977) Near-death experience. *The New England Journal of Medicine*, 297 (19), 1071.
- Sartori P. (2006). A long-term prospective study to investigate the incidence and phenomenology of near-death experiences in a Welsh Intensive Therapy Unit. *Network Review*, 90, 23–25.
- Schwanninger J., Eisenberg P.R., Schechtman K.B., Weiss A.N. (2002) A prospective analysis of near death experiences in cardiac arrest patients. *Journal of Near-Death Studies*, 20 (4), 215–232.
- Tassel-Matamua N.A. (2013–2014). Near-death experiences and the psychology of death. *Omega*, 68 (3), 259–277.
- Van Lommel P., van Wees R., Meyers V., Elfferich I. (2001). Near-death experience in survivors of cardiac arrest: a prospective study in the Netherlands. *The Lancet*, 358 (9298), 2039–2045.

- Van Lommel P. (2010). *Consciousness Beyond Life. The Science of the Near-Death Experience*. N.Y.: Harper Collins.
- Van Lommel P. (2011). Near-death experiences: the experience of the self as real and not as an illusion. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1234, 19–28.
- Yamamura H. (1998). Implication of Near-Death Experience for the Elderly in Terminal Care. *Nippon Ronen Igakkai Zasshi (Japanese Journal of Geriatrics)*, 35 (2), 103–115.
- Zingrone N.L., Alvarado C.S. (2009). Pleasurable Western adult near-death experiences: features, circumstances, and incidence. In Holden J.M., Greyson B., James D. (Eds.), *The Handbook of Near-Death Experiences* (pp. 17–40). Santa Barbara, CA: Praeger Publishers.

References:

- Abramovitch H. (1988). An Israeli account of a near-death experience: A case study of cultural dissonance. *Journal of Near-Death Studies*, 6 (3), 175–184.
- Athappilly G.K., Greyson B., Stevenson I. (2006) Do Prevailing Societal Models Influence Reports of Near-Death Experiences? A Comparison of Accounts Reported Before and After 1975. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 194 (3), 218–222.
- Atwater P.M.H. (1992). Is There a Hell? Surprising Observations About the Near-Death Experience. *Journal of Near-Death Studies*, 10 (3), 149–160. (Electronic resource). URL: <http://www.cinemind.com/atwater/hell.html> (accessed 15.09.2009).
- Atwater P.M.H. (2009). Children and near-death experiences. Moscow: Stigmaton. (in Russ.).
- Atwater P.M.H. (2013). Aftereffects of Near-death States. *International Association for Near-Death Studies, Inc.* [Electronic resource]. URL: <http://www.iands.org> (accessed 20.06.2016).
- Blackmore S. (1993a). *Dying to Live: Near-Death Experiences*. London: Grafton.
- Blackmore S.J. (1993b). Near-Death Experiences in India: They Have Tunnels Too. *Journal of Near-Death Studies*, 11 (4), 205–217.
- Borbely A. (1989). *The secret of sleep*. Moscow: Znaniye. (in Russ.).
- Braghetta C.C., Santana G.P., Cordeiro Q., Rigonatti S.P., Lucchetti G. (2013) Impact of a near-death experience and religious conversion on the mental health of a criminal: case report and literature review. *Trends in Psychiatry and Psychotherapy*, 35 (1), 81–84.
- Corazza O., Schifano F. (2010) Ketamine Use: Near-Death States Reported in a Sample of 50 Misusers. *Substance Use & Misuse*, 45, 916–924.
- Counts D.E. (1983). Near-Death and Out-of-Body Experiences in a Melanesian Society. *Anabiosis*, 3 (1), 115–135. [Electronic resource]. URL: <http://anthropology.uwaterloo.ca/WNB/NearDeath.html> (accessed 16.10.2012).
- Engmann B., Turaeva M. (2013). Near-Death Experiences in Central Asia. *Advanced Studies in Medical Sciences*, 1 (1), 1–10.
- Feng Zhi-ying, Liu Jian-xun (1992). Near-Death Experiences Among Survivors of the 1976 Tangshan Earthquake. *Journal of Near-Death Studies*, 11 (1), 39–48.
- Gordeeva O.V. (2011). Near-death experience among representatives of Western and Indian cultures: a comparative analysis. *Questions of psychology (Voprosy psikhologii)*, 3, 121–131. (in Russ.).
- Gordeeva O.V. (2018). Studies of near-death experience of the blind in foreign psychology. In B.S. Alishev, A.O. Prokhorov, A.V. Chernov (Eds.), *Psychology of human states: actual theoretical and applied problems: materials of the Third International Scientific Conference*. Kazan, November 8–10, 2018 (pp. 149–152). Kazan: Izdatel'stvo Kazanskogo universiteta. (in Russ.).
- Gordeeva O.V. (2018). Psychological assistance to patients with near-death experience (based on foreign research). *Natsional'nyi psikhologicheskii zhurnal (National psychological journal)*, 2 (30), 75–91. (in Russ.).
- Gordeeva O.V. (2020). The results of modern scientific researches of near-death experience: Is it time to abandon materialism? *Questions of philosophy (Voprosy filosofii)*, 3, 119–136. (in Russ.).
- Gordeeva O.V., Pribytkov E.V. (2014). Representations of near-death experiences in ancient Indian epic literature (based on the material of the Mahabharata): comparison with the modern western experience. *Questions of philosophy (Voprosy filosofii)*, 10, 143–154. (in Russ.).
- Greyson B. (1981). Near-death experiences and attempted suicide. *Suicide and Life-Threatening Behavior*, 11 (1), 10–16.
- Greyson B. (1983a). The near death experience scale: Construction, reliability, and validity. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 171 (6), 369–375.
- Greyson B. (1983b). The psychodynamics of Near-Death Experiences. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 171 (6), 376–381.
- Greyson B. (1997). The near-death experience as a focus of clinical attention. *The Journal of Nervous And Mental Disease*, 185 (5), 327–34.
- Greyson B. (2003). The Near-Death Experience Scale Construction, Reliability, and Validity. *The Journal of Nervous and Mental Disease*, 171 (6), 369–375.
- Greyson B., Bush N.E. (1992). Distressing Near-Death Experiences. *Psychiatry*, 55 (February), 95–110.
- Greyson B., Stevenson I. (1980). The phenomenology of near-death experiences. *American Journal of Psychiatry*, 137 (10), 1193–1196.
- Hadfield P. (1991). Japanese find death a depressing experience. *New Scientist*, 132 (1797), 11.
- Hoffman R.M. (1995). Disclosure habits after near-death experiences: influences, obstacles and listener selection. *Journal of Near-Death Studies*, 14, 29–48.
- Hood R.W., Williamson W. P. (2011). Near-Death Experience from Serpent Bites in Religious Settings. *Interdisciplinary Journal of Research on Religion*, 7 (Article 7), 1–11.
- Kellehear A., Stevenson I., Pasricha S., Cook E. (1994). The absence of tunnel sensations in near-death experiences from India. *Journal of Near-Death Studies*, 13 (2), 109–113.
- Klemenc-Ketis Z. (2013). Life Changes in Patients After Out-of-Hospital Cardiac Arrest: The Effect of Near-Death Experiences. *The International Journal of Behavioral Medicine*, 20, 7–12.
- Long J.P., Long J.A. (2003). A comparison of near-death experiences occurring before and after 1975: Results from an internet survey. *Journal of Near-Death Studies*, 22, 21–32.

- Manley L.K. (1996). Enchanted journeys: Near-death experiences and the emergency nurse. *Journal of Emergency Nursing*, 22 (4), 311–316.
- Moody R. (1990). Life after life. Moscow: Fizkultura i sport. (in Russ.).
- Moody R. (2015). Reflections on life after life. [Electronic resource]. URL: http://neotempl.eu5.org/misli_o_smerti.html (accessed 15.08.2015) (in Russ.).
- Morse M., Conner D., Tyler D. (1985). Near-death experiences in a pediatric population. Preliminary Report. *American journal of diseases of children*, 139 (6), 595–600.
- Morse M.L. (1994). Near Death Experiences and Death-Related Visions in Children: Implications for the Clinician. *Current Problems in Pediatric and Adolescent Health Care*, 24 (2), 55–83. [Electronic resource]. URL: Electronic resource <http://www.melvinmorse.com/e-cpp.htm> (accessed 14.12.2011).
- Murphy T. (2010). Eleven Thai Near-Death Experiences. [Electronic resource] // URL: <http://altered-states.net/barry/newsletter224/ndethail.htm> (accessed 11.09.2010).
- Murphy T. (1999). Near-Death Experiences in Thailand: Discussion of case histories. [Electronic resource] // URL: <http://www.shaktitechnology.com/thaindes.htm> (accessed 28.09.2009).
- Noyes R. (1980). Attitude Change Following Near-Death Experiences. *Psychiatry*, 43 (3), 234–242.
- Noyes R., Kletti R. (1976). Depersonalization in the Face of Life-Threatening Danger: A Description. *Psychiatry*, 39 (1), 19–27.
- Nurkova V.V. (2000). The accomplished continues: the psychology of the autobiographical memory of the personality. Moscow: Izdatel'stvo URAO. (in Russ.).
- Ohkado M., Greyson B. (2014). A Comparative Analysis of Japanese and Western NDEs. *Journal of Near-Death Studies*, 32 (4), 187–198.
- Osis K., Haraldsson E. (1986). At the hour of death. N.Y.: Hastings House.
- Parnia S., Fenwick E. (2002). Near death experiences in cardiac arrest: Visions of a dying brain or visions of a new science of consciousness. *Resuscitation*, 52 (1), 5–11.
- Pasricha S. (1993). A systematic survey of near-death experiences in South India. *Journal of Scientific Exploration*, 7 (2), 161–171.
- Pasricha S. (1995). Near-death experiences in South India. *Journal of Scientific Exploration*, 9 (1), 79–88.
- Pasricha S., Stevenson I. (1986). Near-death experiences in India. *Journal of Nervous and Mental Disease*, 174 (3), 165–170.
- Perera M., Padmasekara G., Belanti J. (2005). Prevalence of Near-Death Experiences in Australia. *Journal of Near-Death Studies*, 24 (2), 109–116.
- Purkayastha M., Mukherjee K.K. (2012). Three cases of near death experience: Is it physiology, physics or philosophy? *Annals of neuroscience*, 19 (3), 104–106.
- Rawlings M. (2003). Beyond Death's Door. St. Petersburg: Kormchiy. (in Russ.).
- Ring K. (1980). Life at Death: A Scientific Investigation of the Near-death Experience. New York, NY: Coward, McCann, and Geoghegan.
- Ring K. (1996). Near-death experiences; In Ways beyond the Ego. Moscow: Izdatel'stvo TPI, 222–230. (in Russ.).
- Ring K. (1998). The Omega project. Near-death experiences, contacts with UFOs and the World Mind. Moscow: Izdatel'stvo TPI. (in Russ.).
- Ring K., Cooper S. (1997). Near-Death and Out-of-Body Experiences in the Blind: A Study of Apparent Eyeless Vision. *Journal of Near-Death Studies*, 16 (12), 101–147.
- Ring K., Cooper S. (1999). Mindsight: Near-Death and Out-of-Body Experiences in the Blind. Palo Alto, CA: William James Center for Consciousness Studies.
- Rosen D.H. (1975). Suicide survivors: A follow-up study of persons who survived jumping from the Golden Gate and San Francisco-Oakland Bay bridge. *Western Journal of Medicine*, 122 (3), 289–294.
- Saborn M.B., Kreutziger S. (1977). Near-death experience. *The New England Journal of Medicine*, 297 (19), 1071.
- Sartori P. (2006). A long-term prospective study to investigate the incidence and phenomenology of near-death experiences in a Welsh Intensive Therapy Unit. *Network Review*, 90, 23–25.
- Schwaninger J., Eisenberg P.R., Schechtman K.B., Weiss A.N. (2002) A prospective analysis of near death experiences in cardiac arrest patients. *Journal of Near-Death Studies*, 20 (4), 215–232.
- Tassel-Matamua N.A. (2013–2014). Near-death experiences and the psychology of death. *Omega*, 68 (3), 259–277.
- The famous Dr. Melvin Morse conducted inhumane experiments on his own daughter. August 9, 2012. [Electronic resource]. URL: <http://www.runyweb.com/articles/people/star-life/pediatrician-charged-with-endangering-his-children.html> (accessed 03.02.2020). (in Russ.).
- The first hearing on the case of the famous Dr. Melvin Morse was held in the United States (2012). [Electronic resource]. URL: https://www.itv.ru/news/2012-08-18/90194-v_ssha_sostoyalos_pervoe_zasedanie_po_delu_izvestnogo_doktora_melvina_morsa (accessed 03.02.2020) (in Russ.).
- Van Lommel P., van Wees R., Meyers V., Elfferich I. (2001) Near-death experience in survivors of cardiac arrest: a prospective study in the Netherlands. *The Lancet*, 358 (9298), 2039–2045.
- Van Lommel P. (2010). Consciousness Beyond Life. The Science of the Near-Death Experience. N.Y.: Harper Collins.
- Van Lommel P. (2011). Near-death experiences: the experience of the self as real and not as an illusion. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1234, 19–28.
- Yamamura H. (1998). Implication of Near-Death Experience for the Elderly in Terminal Care. *Nippon Ronen Igakkai Zasshi (Japanese Journal of Geriatrics)*, 35 (2), 103–115.
- Zingrone N.L., Alvarado C.S. (2009). Pleasurable Western adult near-death experiences: features, circumstances, and incidence. In Holden J.M., Greyson B., James D. (Eds.), *The Handbook of Near-Death Experiences* (pp. 17–40). Santa Barbara, CA: Praeger Publishers.

Оригинальная статья

УДК 159.952, 159.953, 159.972
doi:10.11621/npj.2021.0205

Нарушения планирования при шизофрении: потенциальная роль кратковременной памяти и внимания

А.А. Алексеев*, Московский государственный университет им. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-3690-8662

Г.Е. Рупчев, Московский государственный университет им. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-1948-6090

А.Ш. Тхостов, Московский государственный университет им. Ломоносова, Москва, Россия

ORCID: 0000-0001-9676-4096

*Для контактов. E-mail: alekseev.a.a@list.ru

Актуальность. Хотя нарушения планирования при шизофрении являются достаточно достоверно установленным фактом, механизмы этих нарушений остаются не до конца проясненными. Поскольку планирование не является простым и однозначным процессом, учитывая его комплексный характер, значительную роль в его нарушениях могут играть когнитивные процессы, связанные с планированием.

Цель. Сравнение связей между планированием, кратковременной памятью, вниманием и абстрактным мышлением у больных шизофренией и в норме.

Описание исследования. Обследовано 50 больных шизофренией (14, женщины; средний возраст: $34,92 \pm 8,54$ лет; продолжительность заболевания: $8,34 \pm 5,87$) и 50 здоровых испытуемых (14, женщины; средний возраст $32,42 \pm 7,26$ лет). Обследование включало: Tower of London Test (TOL-DX) для оценки планирования; тест Бентона (BVTR) для оценки кратковременной памяти; субтест «Сходство» (из WAIS) для оценки абстрактного мышления; таблицы Шульце для оценки внимания; Висконсинский Тест Сортировки Карточек для оценки когнитивной гибкости.

Результаты. Больные шизофренией показали значимое снижение по всем параметрам, что указывает на нарушения всех исследованных когнитивных функций. Выявлены специфические связи между планированием и другими когнитивными процессами у больных шизофренией в отличие от контрольной группы. У здоровых испытуемых эффективность планирования связана только с абстрактным мышлением, в то время как у больных шизофренией были выявлены связи между эффективностью планирования и всеми исследованными когнитивными процессами (кратковременной памятью, вниманием, переключаемостью между когнитивными установками).

Выводы. Обнаружены связи между сохранностью планирования при шизофрении и сохранностью других когнитивных процессов, при этом кратковременная память и внимание являются необходимыми, но недостаточными условиями эффективной реализации процесса планирования.

Ключевые слова: управляющие функции, планирование, шизофрения, кратковременная память, внимание, абстрактное мышление.

Для цитирования: Алексеев А.А., Рупчев Г.Е., Тхостов А.Ш. Нарушения планирования при шизофрении: потенциальная роль кратковременной памяти и внимания // Национальный психологический журнал. 2021. № 2 (42). С. 51–60. doi: 10.11621/npj.2021.0205

Поступила 16 июля 2021 / Принята к публикации 29 июля 2021

Planning disorders in patients with schizophrenia: potential role of short-term memory and attention

Andrey A. Alekseev*, Lomonosov Moscow State University (MSU University), Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-3690-8662

George E. Rupchev, Lomonosov Moscow State University (MSU University), Moscow, Russia; Mental Health Research Center RAMS, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0003-1948-6090

Alexander Sh. Tkhostov, Lomonosov Moscow State University (MSU University), Moscow, Russia

ORCID: 0000-0001-9676-4096

*Corresponding author. E-mail: alekseev.a.a@list.ru

Background. Although planning disorders in schizophrenia are a fairly reliably established fact, the mechanisms of these disorders remain not fully clarified. Given the complex nature of planning, the presence of its disturbances can be influenced by disturbances of other mental processes.

Objective. Comparison of the links between planning, short-term memory, attention and abstract thinking in patients with schizophrenia and in normal.

Design. 50 patients with schizophrenia (14 females, age 34.92 ± 8.54 ; illness duration 8.34 ± 5.87) and 50 healthy volunteers (14 females, age 32.42 ± 7.26) were examined. Assessment included: Tower of London-Test (TOL-DX) for planning assessment; Benton's test (BVTR) for short-term memory assessment; sub-test Similarity (from WAIS) for abstract thinking assessment; Schulte Tables for assessment of attention; Wisconsin Card Sorting Test to assess cognitive flexibility.

Results. Patients showed significantly worse results in all parameters, which indicates that patients have impairments in all assessed cognitive functions. The revealed relationships between planning and other cognitive processes in schizophrenic patients and healthy subjects were significantly different. In healthy subjects, the effectiveness of planning was found to be associated only with abstract thinking. At the same time, in patients with schizophrenia, associations were found between the effectiveness of planning and all the other cognitive processes (short-term memory, attention, set-shifting).

Conclusion. The preservation of planning in schizophrenia is associated with the preservation of other mental processes. Short-term memory and attention are necessary, but not sufficient conditions for the realization of the planning process.

Key words: executive function, planning, schizophrenia, short-term memory, attention, abstract thinking.

For citation: Alekseev A.A., Rupchev G.E., Tkhostov A.Sh. (2021). Planning disorders in patients with schizophrenia: potential role of short-term memory and attention, [Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal], 2 (42), 51–60. doi: 10.11621/npj.2020.0405

Received July 16, 2021 / Accepted for publication May 25, 2021

Введение

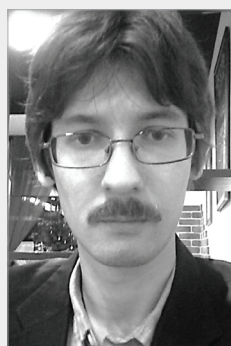
Проблема нарушений регуляции деятельности (или в иной терминологии — управляющих функций) традиционно привлекала и продолжает в настоящее время привлекать внимание исследователей. Такое положение вещей в значительной степени обусловлено особым местом, которое они занимают в общей структуре психических нарушений при шизофрении.

Многими авторами эти расстройства рассматриваются в качестве важнейших специфических особенностей когнитивного дефицита при данной форме психической патологии (Mihaljević-Peješ et al., 2019; Kaneko, 2018; Thai et al., 2018; Gold et al., 2018). Отмечается, что нарушения управляющих функций присутствуют у пациентов уже на ранних этапах заболевания (Zanelli et al., 2019; Ayesa-Arriola et al., 2018; Sheffield et al., 2018), а также превосходят аналогичные нарушения у пациентов с другими психическими расстройствами (Chen et al., 2018). Установлена связь

нарушения управляющих функций с особенностями клинической картины шизофрении, прежде всего с выраженностью негативных симптомов (Карякина и др., 2020; Khalil et al., 2020) и с такими важнейшими негативными изменениями, как снижение мотивации (Chang et al., 2019).

Практическое значение имеет выявление связей между нарушениями регуляции деятельности в целом, и планированием как компонентом повседневного функционирования пациентов (Palsetia et al., 2018; Berberian et al., 2019), уровнем занятости, степенью успешности в трудовой деятельности и др. (Lexén et al., 2016; Palsetia et al., 2018; Aubin et al., 2009). В некоторых исследованиях было показано, что сохранность управляющих функций соответствует меньшему суицидальному риску (Fernández-Sevillano et al., 2021) и лучшему осознанию пациентами своей болезни (инсайту) (Tiryaki et al., 2018).

Кроме того, дизрегуляторные нарушения при шизофрении имеют комплексный характер, затрагивая различные параметры управляющих функций: спо-

Андрей Андреевич Алексеев —
соискатель кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова

ORCID: 0000-0003-3690-8662

Andrey A. Alekseev —
postgraduate research fellow at the Department of Neuro- and Pathopsychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

ORCID: 0000-0003-3690-8662

Георгий Евгеньевич Рупчев —
кандидат психологических наук, старший научный сотрудник кафедры нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова

ORCID: 0000-0003-1948-6090

George E. Rupchev —
PhD in Psychology, senior researcher at the Department of Neuro- and Pathopsychology, Faculty of Psychology, Lomonosov Moscow State University

ORCID: 0000-0003-1948-6090

Александр Шамилевич Тхостов —
доктор психологических наук, профессор, заведующий кафедрой нейро- и патопсихологии факультета психологии МГУ имени М.В. Ломоносова

ORCID 0000-0001-9676-4096

<http://www.psy.msu.ru/people/thostov.html>

Aleksandr Sh. Tkhostov —
Doctor of Psychology, Professor, Head. Department of Neuro- and Pathopsychology, Faculty of Psychology Lomonosov Moscow State University

ORCID 0000-0001-9676-4096

способность к коррекции схемы действий (когнитивная гибкость / *cognitive flexibility*), способность к произвольному подавлению (торможение/*inhibition*) и само планирование (Carruthers et al., 2019; Thai et al., 2018; Baliga et al., 2020).

Хотя нарушения планирования при шизофрении были достоверно подтверждены в целом ряде исследований (Knapp et al., 2017; Siddiqui et al., 2019; Watson et al., 2017), вопрос об их механизмах продолжает оставаться дискуссионным. Отмечается, что ключевую роль в нарушениях планирования при шизофрении играет нарушение инициирования самого процесса планирования, тенденция больных шизофренией выстраивать план прямо по ходу выполнения заданий, а не на основе предварительного ориентировочного этапа деятельности (Алексеев и др., 2012; Watson et al., 2017). Качественный анализ деятельности больных шизофренией при решении ими задач планирования выявляет наличие специфических нарушений (утрата образа цели, ригидность и др.), которые трудно связать с единым механизмом (Алексеев и др., 2012).

Одна из трудностей изучения этой проблемы связана с комплексностью самого процесса планирования (Shallice, 1982; Brown et al., 2020). В общей системе регуляции деятельности планирование занимает особое положение. Именно построением плана завершается предварительный ориентировочный этап решения задачи, подразумевающий анализ проблемной ситуации, выявление в ней значимых условий, удержание образа цели (как «конечной точки» всего плана и критерия подбора действий), генерирование вариантов решения задачи, их предварительную проверку и отбор на предмет адекватности их достижению цели, способность удерживать внимание (Shallice, 1982; Brown et al., 2020).

Целью настоящего исследования стало изучение связей эффективности планирования с другими когнитивными процессами (кратковременная память, абстрагирование, устойчивость внимания, когнитивная гибкость) у больных шизофренией по сравнению с нормой.

Методы

Характеристика испытуемых

В экспериментальную группу вошло 50 больных шизофренией (36 мужчин, 14 женщин, параноидная форма с эпизодическим типом течения), находящихся в состоянии медикаментозной ремиссии. Возраст пациентов от 21 года до 50 лет (средний возраст $34,92 \pm 8,54$ лет). Все обследованные пациенты в качестве поддерживающего лечения принимали атипичные нейролептики в стабильной дозе. Средняя продолжительность заболевания — $8,34 \pm 5,87$ лет.

Исследование проводилось на базе ФГБНУ «Научный Центр Психического Здоровья» (лаборатория психофармакологии) и Городской клинической психиатрической больницы № 14 (4 санаторное отделение).

Контрольную группу составили условно здоровые испытуемые от 20 до 50 лет (50 человек: 36 мужчин, 14 женщин), не имевшие обращений за психиатрической помощью. Средний возраст $32,42 \pm 7,26$ года. Выборки были соотносимы по возрасту, полу и уровню образования ($p\text{-level} > 0,05$). Всеми испытуемыми обеих групп было дано информированное согласие на участие в эксперименте.

Методики исследования

Планирование. Для оценки процесса планирования в исследовании применялся TOL-DX, являющейся модификацией Tower of London Test (Culbertson, 1999; Shallice, 1982).

Процедура обработки результатов теста включала перевод сырых значений в стандартные баллы в соответствии с возрастными нормами. В рамках исследования использовались следующие показатели:

«Лишние ходы» — количество совершенных сверх необходимого ходов (высокому стандартному баллу соответствует *меньшее* количество лишних ходов). Отражает эффективность планирования.

«Верные решения» — количество оптимально (за минимум ходов) решенных заданий (высокому стандартному баллу соответствует *большее* количество оптимально решенных заданий). Также отражает эффективность планирования.

«Латентное время» — время, затраченное на обдумывание, до непосредственного выполнения (высокому стандартному баллу соответствует *большее* время).

«Время выполнения» — время, затраченное на непосредственное выполнение (высокому стандартному баллу соответствует *меньшее* время).

Когнитивная гибкость. Оценка когнитивной гибкости проводилась с помощью Висконсинского теста сортировки карточек (WCST) (Heaton et al., 1993). Основным показателем теста является частота персевераторных ошибок. Обработка результатов теста предполагает перевод «сырых» значений в T-баллы в соответствии с возрастом и уровнем образования испытуемого. При этом более высокому T-баллу соответствует *меньшее* число допущенных персевераторных ошибок.

Внимание. Для оценки характеристик внимания использовалась методика «Таблицы Шульте» (Рубинштейн, 2010). В настоящем исследовании применялось 5 таблиц, основным показателем выступало среднее время, затраченное на выполнение одной таблицы.

Кратковременная память. Объем зрительной кратковременной памяти оценивался с помощью теста Бентона (BVTR) (Sivan et al., 1992). Основным показателем методики является «Общий балл» — скорректированное в соответствии с возрастом количество верно воспроизведенных изображений.

Абстрактное мышление. Оценка абстрактного мышления проводилась посредством субтеста «Сходство» (из «Теста интеллекта Векслера» (WAIS)) (Филимоненко и др., 1993). Основным показателем субтеста — «Общий балл» (сумма баллов за каждое сравнение).

Таблица 1. Различия между группами по основным показателям примененных методик

	Больные шизофренией (M ± SD)	Здоровые испытуемые (M ± SD)	p-уровень
WCST «Персевераторные Ошибки» (Т-балл)	41,69 ± 13,54	48,62 ± 10,88	0,01044
Таблицы Шульте. Среднее время (сек)	48,30 ± 17,78	34,61 ± 7,63	0,00001
Сходство. «Общий балл»	16,92 ± 3,97	19,76 ± 2,85	0,00029
BVTR «Общий балл»	6,73 ± 1,78	7,60 ± 1,32	0,01104

Статистическая обработка данных

Статистическая обработка данных проводилась с помощью статистического пакета программ Statistica 10.0. Для определения достоверности различий между группами использовался непараметрический критерий Манна–Уитни (U). Для определения достоверности корреляций между применялся непараметрический критерий Спирмена, анализировались корреляции не ниже 0,3 и с уровнем значимости $p < 0,05$.

Результаты

Анализ различий между группами

Сравнение групп по выполнению TOL-DX выявило снижение эффективности планирования (пациенты решили оптимально меньшее количество заданий и допустили больше лишних ходов), а также продемонстрировали более низкую скорость выполнения заданий (рис. 1). Единственный показатель, по которому не было обнаружено различий — показатель «Латентного времени».

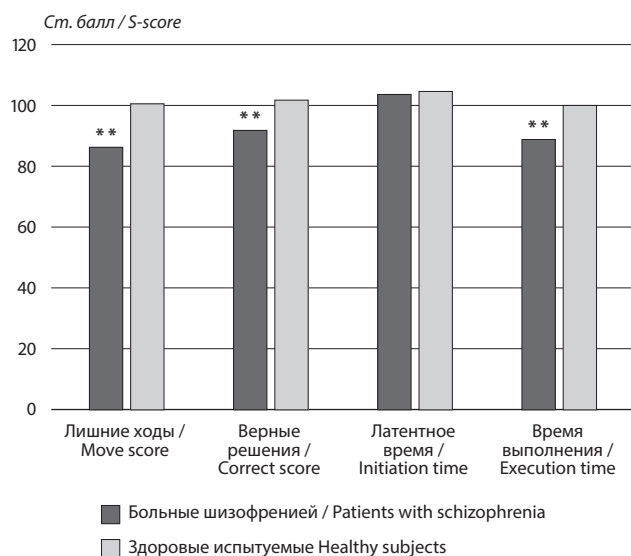
Таблица 2. Корреляции в группе здоровых испытуемых

	Сходство. «Общий балл»	WCST «Персевераторные ошибки» (Т-балл)	Таблицы Шульте. Ср. время (сек)	BVTR «Общий балл»
TOL-DX «Лишние ходы» (Ст. балл)	0,19648	0,13258	-0,23769	0,08188
TOL-DX «Верные решения» (Ст. балл)	0,39253*	0,10353	-0,20685	0,18649
TOL-DX «Латентное время» (Ст. балл)	0,43855**	-0,03730	0,00562	0,16036
TOL-DX «Время выполнения» (Ст. балл)	0,07011	0,02628	-0,32383*	0,15030

* — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$

Table 1. Differences between the groups in the main indices of the methods applied

	Patients with schizophrenia (M ± SD)	Healthy subjects (M ± SD)	p-level
WCST “Perseverative errors” (T-score)	41.69 ± 13.54	48.62 ± 10.88	0.01044
Schulte tables. Average time (sec)	48.30 ± 17.78	34.61 ± 7.63	0.00001
Similarities. “Total score”	16.92 ± 3.97	19.76 ± 2.85	0.00029
BVTR “Total score”	6.73 ± 1.78	7.60 ± 1.32	0.01104

Рис. 1. Различия между группами по показателям TOL-DX

* — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$

Figure 1. Differences in TOL-DX values between the groups

Table 2. Correlations in the healthy subjects group

	Similarities. “Total score”	WCST “Perseverative errors” (T-score)	Schulte tables. Average time (sec)	BVTR “Total score”
TOL-DX “Move score” (S-score)	0.19648	0.13258	-0.23769	0.08188
TOL-DX “Correct score” (S-score)	0.39253*	0.10353	-0.20685	0.18649
TOL-DX “Initiation time” (S-score)	0.43855**	-0.03730	0.00562	0.16036
TOL-DX “Execution time” (S-score)	0.07011	0.02628	-0.32383*	0.15030

* — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$

Таблица 3. Корреляции в группе больных шизофренией

	Сход- ство. «Общий балл»	WCST «Пер- севераторные ошибки» (Т-балл)	Таблицы Шульге. Ср. время (сек)	BVTR «Общий балл»
TOL-DX «Лишние ходы» (Ст. балл)	0,34406*	0,37743**	-0,30218*	0,39410**
TOL-DX «Верные решения» (Ст. балл)	0,26239	0,39302**	-0,26361	0,34457*
TOL-DX «Латентное время» (Ст. балл)	0,17762	-0,04693	0,13841	-0,14049
TOL-DX «Время выполнения» (Ст. балл)	0,12256	0,47722**	-0,57560**	0,37232**

* — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$

Анализ различий между группами выявил у больных шизофренией снижение кратковременной памяти, внимания, абстрактного мышления и когнитивной гибкости (табл. 1).

В группе здоровых испытуемых было выявлено очень небольшое количество статистически значимых, но невысоких корреляций (табл. 2). Малое количество значимых корреляций указывает на слабую зависимость исследованных когнитивных процессов в норме.

Эффективность планирования и объем времени, затраченного на обдумывание в TOL-DX, у здоровых испытуемых положительно коррелировали с продуктивностью абстрактного мышления. Также у здоровых испытуемых была обнаружена связь между скоростью выполнения TOL-DX и методики Шульге.

Существенно иная картина связей между когнитивными процессами была обнаружена у больных шизофренией (табл. 3). Отличия от здоровых испытуемых заключались, во-первых, уже в самом количестве выявленных значимых корреляций (9 против 3).

Во-вторых, сами обнаруженные связи у больных шизофренией заметно отличались от связей характерных для здоровых испытуемых.

Первое, что обращает на себя внимание, наличие связей эффективности планирования (прежде всего «Лишних ходов») у больных шизофренией со всеми другими исследованными когнитивными процессами: вниманием, кратковременной памятью и абстрактным мышлением. При этом время выполнения TOL-DX у больных шизофренией коррелировало не только с психомоторной скоростью (это наблюдалось и в группе нормы, хотя и в гораздо меньшей степени), но и с когнитивной гибкостью и кратковременной памятью. Вероятное объяснение этого результата состоит в том, что на время выполнения задания оказывает влияние не только психомоторная скорость, но продуктивность выполнения (наличие ошибок).

Table 3. Correlations in the schizophrenia patients group

	Simi- larities. «Total score»	WCST «Perseverative errors» (T-score)	Schulte tables. Average time (sec)	BVTR «Total score»
TOL-DX «Move score» (S-score)	0.34406*	0.37743**	-0.30218*	0.39410**
TOL-DX «Correct score» (S-score)	0.26239	0.39302**	-0.26361	0.34457*
TOL-DX «Initiation time» (S-score)	0.17762	-0.04693	0.13841	-0.14049
TOL-DX «Execution time» (S-score)	0.12256	0.47722**	-0.57560**	0.37232**

* — $p < 0,05$; ** — $p < 0,01$

Обсуждение

Проведенный анализ выявил существенное различие в картине связей планирования и других когнитивных процессов в норме и у больных шизофренией. Прежде всего, у больных шизофренией были обнаружены не выявляемые у здоровых испытуемых связи эффективности планирования с базовыми когнитивными функциями (с кратковременной памятью и вниманием).

Само наличие этих связей выглядит достаточно логичным. При планировании кратковременная память задействована в отборе альтернатив, удержании значимых условий задачи и самих планов. Равным образом поддержание любой целенаправленной активности требует устойчивости и переключаемости внимания.

Однако, значимые связи между этими параметрами были обнаружены только у пациентов. Можно полагать, что роль кратковременной памяти и внимания в обеспечении планирования обнаруживается лишь в случаях, когда эти функции оказываются нарушенными, при их сохранности она остается латентной. Так, в норме увеличение объема кратковременной памяти сверх достаточного не гарантирует и не повышает эффективности планирования. В отличие от здоровых испытуемых у обследованных пациентов было выявлено статистически значимое, хотя и негрубое снижение (в среднем по группе) показателей кратковременной памяти и внимания. В этом случае снижение объема кратковременной памяти ниже необходимого (для эффективного обеспечения планирования) и трудности удержания и переключения внимания начинают сказываться на продуктивности планирования.

Таким образом, кратковременная память и внимание выступают как необходимые, но недостаточные

условия эффективного планирования. Этот результат подкрепляет предположение, сделанное A.J. Watson с соавторами, отмечавшими, что склонность больных шизофренией не инициировать развернутую деятельность по построению плана решения задачи, а выстраивать план по ходу решения связана с нарушениями рабочей памяти (Watson et al., 2017).

Полученные результаты согласуются с данными ряда исследователей, отмечавших наличие положительных корреляций между продуктивностью выполнения больными шизофренией тестов, связанных с управляющими функциями и состоянием более тонких аспектов когнитивного функционирования, таких как скорость обработки информации, устойчивость внимания, объем запоминания (Dorofeikova et al., 2018; Trapp et al., 2017). Это ставит вопрос о том, в какой степени оценка пациентов по стандартным тестам на управляющие функции реально обусловлена нарушениями иных психических процессов.

Другой не характерной для здоровых испытуемых, но выявляемой у пациентов корреляцией оказалась связь между эффективностью планирования и когнитивной гибкостью. Ее наличие может объясняться тем, что формирование плана включает в себя отбор различных альтернатив решения задачи, требующий переключения между когнитивными схемами. Этот результат согласуется с данными, приводимыми N.P. Friedman и A. Miyake о роли переключаемости между когнитивными установками в реализации планирования (Friedman et al., 2017) и наблюдаемой у больных шизофренией при решении Tower-тестов большей ригидностью (Алексеев и др., 2012). Отсутствие же корреляций между этими параметрами в норме демонстрирует большую независимость различных аспектов управляющих функций.

Сходной в обеих группах оказалась связь эффективности планирования и абстрактного мышления. С одной стороны, наличие такой связи может объясняться тем, что процесс планирования, по крайней мере, на этапах анализа задачи, также требует выделения и перенесения во внутренний план существенных свойств проблемной ситуации.

С другой стороны, эта связь может быть объяснена необходимостью и для планирования, и для абстрактного мышления процесса торможения (inhibition). Планирование требует ингибции импульсивных действий с последующим переходом к развернутой ориентировке в проблемной ситуации. Эта же способность оказывается необходимой и для абстрактного мышления в виде подавления непосредственных конкретных впечатлений, дающего возможность перехода к более абстрактным признакам.

Именно второй вариант объяснения представляется более обоснованным, по крайней мере применительно к здоровым испытуемым, так как в этом случае положительные корреляции были обнаружены не только с эффективностью планирования, но и с временем, затраченным на обдумывание заданий на

планирование. Отсутствие такой корреляции у больных шизофренией может быть связано с двумя факторами. С одной стороны, на показатель «Латентного времени» TOL-DX могло оказывать влияние обнаруженное у больных шизофренией замедление скорости психических процессов. С другой стороны — обусловленностью нарушений абстрактного мышления у больных шизофренией нарушениями опоры на социальный опыт, а не только трудностями торможения конкретных ассоциаций.

В завершение можно также отметить то, что само количество статистически значимых корреляций в группе больных шизофренией существенно превосходило количество таких корреляций у здоровых испытуемых, что согласуется с отмечаемым рядом авторов соответствием между выраженностью нарушений управляющих функций при шизофрении и общей выраженностью когнитивного дефицита (Карякина и др., 2020).

Заключение

В рамках проведенного эмпирического исследования было выявлено существенное различие в картине связей планирования и других когнитивных процессов в норме и у больных шизофренией. Если в норме процесс планирования характеризуется определенной автономией, отсутствием явно выраженных связей его эффективности с другими когнитивными функциями (за исключением абстрактного мышления), то у больных шизофренией обнаруживается отчетливая зависимость планирования от сохранности целого ряда обеспечивающих его когнитивных процессов (не только абстрактного мышления, но и когнитивной гибкости, кратковременной памяти и внимания). В условиях наличия нарушений таких базовых компонентов когнитивной деятельности, как внимание и кратковременная память, наиболее отчетливо проявляется их значимая роль в инициации и динамике процесса планирования, что позволяет рассматривать кратковременную память и внимание как необходимые, но сами по себе недостаточные условия реализации планирования.

Полученные в проведенном исследовании данные подтверждают, как представление о системном, комплексном характере нарушений планирования при шизофрении, так и обсуждаемое в настоящее время положение о значимой роли в этих нарушениях трудностей удержания пациентами во внутреннем плане необходимой для решения задачи информации.

Благодарности

Исследование не получало финансовой поддержки.

Acknowledgments

The study did not receive financial support.

Литература:

- Алексеев А.А., Рупчев Г.Е., Катенко С.В. Нарушения планирования при шизофрении // Психологические исследования. 2012. Т. 5, № 23. С. 9–9. [Электронный ресурс] // URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n23/679-alekseev23.html> (дата обращения: 24.05.2021).
- Карякина М.В., Шмуклер А.Б. Кластерный анализ нейрокогнитивных нарушений при шизофрении и расстройствах шизофренического спектра // Обзорные психиатрии и медицинской психологии имени В.М. Бехтерева. 2020. №. 1. С. 45–51. doi:10.31363/2313-7053-2020-1-45-51
- Рубинштейн С.Я. Экспериментальные методики патопсихологии. М.: Изд-во института Психотерапии, 2010.
- Филимоненко Ю., Тимофеев В. Руководство к методике исследования интеллекта у взрослых Д. Векслера (WAIS). СПб.: ГП «Иматон», 1993.
- Aubin G., Stip E., Gélinas I., Rainville C., Chapparo C. (2009). Daily activities, cognition and community functioning in persons with schizophrenia. *Schizophrenia Research*, 107 (2–3), 313–318. doi:10.1016/j.schres.2008.08.002
- Ayasa-Arriola R., Setién-Suero E., Neergaard K.D., Belzunces A.A., Contreras F., van Haren N.E.M., Crespo-Facorro B. (2018). Premorbid IQ subgroups in first episode non affective psychosis patients: Long-term sex differences in function and neurocognition. *Schizophrenia Research*, 197, 370–377. doi:10.1016/j.schres.2017.12.006
- Baliga S.P., Kamath R.M., Kedare J.S. (2020). Subjective cognitive complaints and its relation to objective cognitive performance, clinical profile, clinical insight, and social functioning in patients of schizophrenia: A cross-sectional study. *Indian Journal of Psychiatry*, 62 (2), 178–185. doi:10.4103/psychiatry.IndianJPsychiatry_639_19
- Berberian A.A., Gadelha A., Dias N.M., Mecca T.P., Comfort W.E., Bressan R.A., Lacerda A.T. (2019). Component mechanisms of executive function in schizophrenia and their contribution to functional outcomes. *Brazilian journal of psychiatry*, 41 (1), 22–30. doi:10.1590/1516-4446-2018-0021
- Brown K.D., Schmitter-Edgecombe M. (2020). Effects of initial planning on task execution performance of older adults: A naturalistic assessment paradigm. *Journal of clinical and experimental neuropsychology*, 42 (1), 1–13. doi:10.1080/13803395.2019.1680610
- Carruthers S.P., Gurvich C.T., Meyer D., Bousman C., Everall I.P., Neill E., Pantelis C., Sumner P.J., Tan E.J., Thomas E.H.X., Van Rheenen T.E., Rossell S.L. (2019). Exploring Heterogeneity on the Wisconsin Card Sorting Test in Schizophrenia Spectrum Disorders: A Cluster Analytical Investigation. *Journal of the International Neuropsychological Society: JINS*, 25 (7), 750–760. doi:10.1017/S1355617719000420
- Chang W.C., Liu J.T.T., Hui C.L.M., Chan S.K.W., Lee E.H.M., Suen Y.N., Chen E.Y.H. (2019). Executive dysfunctions differentially predict amotivation in first-episode schizophrenia-spectrum disorder: a prospective 1-year follow-up study. *European archives of psychiatry and clinical neuroscience*, 269 (8), 887–896. doi:10.1007/s00406-018-0918-y
- Chen C.K., Lee C.Y., Lee Y., Hung C.F., Huang Y.C., Lee S.Y., Huang M.C., Chong M.Y., Chen Y.C., Wang L.J. (2018). Could schizoaffective disorder, schizophrenia and bipolar I disorder be distinguishable using cognitive profiles? *Psychiatry Research*, 266, 79–84. doi:10.1016/j.psychres.2018.05.062
- Culbertson W.C., Zillmer E.A. (1999). The Tower of London, Drexel University, research version: Examiner's manual. N.Y.: Multi-Health Systems.
- Dorofeikova M., Neznanov N., Petrova N. (2018). Cognitive deficit in patients with paranoid schizophrenia: Its clinical and laboratory correlates. *Psychiatry Research*, 262, 542–548. doi:10.1016/j.psychres.2017.09.041
- Fernández-Sevillano J., González-Pinto A., Rodríguez-Revuelta J., Alberich S., González-Blanco L., Zorrilla I., Velasco A., López M.P., Abad I., Sáiz P.A. (2021). Suicidal behaviour and cognition: A systematic review with special focus on prefrontal deficits. *Journal of Affective Disorders*, 1 (278), 488–496. doi:10.1016/j.jad.2020.09.044
- Friedman N.P., Miyake A. (2017). Unity and diversity of executive functions: Individual differences as a window on cognitive structure. *Cortex*, 86, 186–204. doi:10.1016/j.cortex.2016.04.023
- Gold J.M., Robinson B., Leonard C.J., Hahn B., Chen S., McMahon R.P., Luck S.J. (2018). Selective Attention, Working Memory, and Executive Function as Potential Independent Sources of Cognitive Dysfunction in Schizophrenia. *Schizophrenia Bulletin*, 17, 44 (6), 1227–1234. doi:10.1093/schbul/sbx155
- Heaton R.K., Chelune G.J., Talley J.L., Kay G., Curtiss G. (1993). Wisconsin Card Sorting Test manual: Revised and expanded. Odessa, FL: Psychological Assessment Resources.
- Kaneko K. (2018). Negative Symptoms and Cognitive Impairments in Schizophrenia: Two Key Symptoms Negatively Influencing Social Functioning. *Yonago acta medica*, 18, 61 (2), 91–102. doi:10.33160/yam.2018.06.001
- Khalil A.H., El-Meguid M.A., Bastawy M., Rabei S., Ali R., Elmoneam M.H.E.A. (2020). Correlating cognitive functions to symptom domains and insight in Egyptian patients with schizophrenia. *The International journal of social psychiatry*, 66 (3), 240–248. doi:10.1177/0020764019897697
- Knapp F., Viechtbauer W., Leonhart R., Nitschke K., Kaller C.P. (2017). Planning performance in schizophrenia patients: a meta-analysis of the influence of task difficulty and clinical and sociodemographic variables. *Psychological medicine*, 47 (11), 2002–2016. doi:10.1017/S0033291717000459
- Lexén A., Hofgren C., Stenmark R., Bejerholm U. (2016). Cognitive functioning and employment among people with schizophrenia in vocational rehabilitation. *Work*, 54 (3), 735–744. doi:10.3233/WOR-162318
- Mihaljević-Pešić A., Bajs Janović M., Šagud M., Živković M., Janović Š., Jevtović S. (2019). Cognitive deficit in schizophrenia: an overview. *Psychiatria Danubina*, 31 (Suppl 2), 139–142.
- Palsetia D., Chandrasekhar K., Reddy M.S., De Sousa A., Karia S. (2018). Executive function in patients with schizophrenia based on socio-occupational impairment: A cross-sectional study. *Industrial psychiatry journal*, 27 (2), 181–189. doi:10.4103/ipj.ipj_85_18
- Shallice T. (1982). Specific impairments of planning. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*, 298, 199–209.
- Sheffield J.M., Karcher N.R., Barch D.M. (2018). Cognitive Deficits in Psychotic Disorders: A Lifespan Perspective. *Neuropsychology review*, 28 (4), 509–533. doi:10.1007/s11065-018-9388-2

- Siddiqui I., Saperia S., Fervaha G., Da Silva S., Jeffay E., Zakzanis K.K., Agid O., Remington G., Foussias G. (2019). Goal-directed planning and action impairments in schizophrenia evaluated in a virtual environment. *Schizophrenia Research*, 206, 400–406. doi:10.1016/j.schres.2018.10.012
- Sivan A.B. (1992). Benton Visual Retention Test: Fifth Edition. San Antonio, TX: Psychological Corporation.
- Thai M.L., Andreassen A.K., Bliksted V. (2019). A meta-analysis of executive dysfunction in patients with schizophrenia: Different degree of impairment in the ecological subdomains of the Behavioural Assessment of the Dysexecutive Syndrome. *Psychiatry Research*, 272, 230–236. doi:10.1016/j.psychres.2018.12.088
- Tiryaki A., Karahan A., Arslan F.C. (2018). The Relationship of Insight with Psychopathology and Neuropsychological Functioning in Patients with Schizophrenia. *Turkish journal of psychiatry*, 29 (1), 22–30.
- Watson A.J., Joyce E.M., Fugard A.J.B., Leeson V.C., Barnes T.R.E., Huddy V. (2017). More haste less speed: A meta-analysis of thinking latencies during planning in people with psychosis. *Psychiatry Research*, 258, 576–582. doi:10.1016/j.psychres.2017.09.003
- Zanelli J., Mollon J., Sandin S. (2019). Cognitive change in schizophrenia and other psychoses in the decade following the first episode. *American Journal of Psychiatry*. 176 (10), 811–819. doi:10.1176/appi.ajp.2019.18091088

References:

- Alekseev A.A., Rupchev G.E., Katenko S.V. (2012). Impairments of planning in schizophrenia. *Psihologicheskie Issledovaniya (Psychological research)*, 5 (23), 9. Retrieved from: <http://psystudy.ru/index.php/num/2012v5n23/679-alekseev23.html> (review date: 24.05.2021). (in Russ.).
- Karyakina M.V., Shmukler A.B. (2020). Neurocognitive impairments in patients with schizophrenia and schizophrenia spectrum disorders: cluster analysis results. *Obozrenie psikiatrii i medicinskoj psihologii imeni V.M. Bekhtereva (Review of Psychiatry and Medical Psychology named after V.M. Bekhterev)*, 1, 45–51. (in Russ.). doi:10.31363/2313-7053-2020-1-45-51
- Rubinstein S.Ya. (2010). Experimental methods of pathopsychology. Moscow: Izd-vo instituta Psihoterapii. (in Russ.).
- Filimonenko Y., Timofeev V. (1993). Guide to the method of research of intelligence in adults D. Veksler (WAIS). Saint-Petersburg: GP "Imaton". (in Russ.).
- Aubin G., Stip E., Gélinas I., Rainville C., Chapparo C. (2009). Daily activities, cognition and community functioning in persons with schizophrenia. *Schizophrenia Research*, 107 (2–3), 313–318. doi:10.1016/j.schres.2008.08.002
- Ayasa-Arriola R., Setién-Suero E., Neergaard K.D., Belzunces A.A., Contreras F., van Haren N.E.M., Crespo-Facorro B. (2018). Premorbid IQ subgroups in first episode non affective psychosis patients: Long-term sex differences in function and neurocognition. *Schizophrenia Research*, 197, 370–377. doi:10.1016/j.schres.2017.12.006
- Baliga S.P., Kamath R.M., Kedare J.S. (2020). Subjective cognitive complaints and its relation to objective cognitive performance, clinical profile, clinical insight, and social functioning in patients of schizophrenia: A cross-sectional study. *Indian Journal of Psychiatry*, 62 (2), 178–185. doi:10.4103/psychiatry.IndianJPsychiatry_639_19
- Berberian A.A., Gadelha A., Dias N.M., Mecca T.P., Comfort W.E., Bressan R.A., Lacerda A.T. (2019). Component mechanisms of executive function in schizophrenia and their contribution to functional outcomes. *Brazilian journal of psychiatry*, 41 (1), 22–30. doi:10.1590/1516-4446-2018-0021
- Brown K.D., Schmitter-Edgecombe M. (2020). Effects of initial planning on task execution performance of older adults: A naturalistic assessment paradigm. *Journal of clinical and experimental neuropsychology*, 42 (1), 1–13. doi:10.1080/13803395.2019.1680610
- Carruthers S.P., Gurvich C.T., Meyer D., Bousman C., Everall I.P., Neill E., Pantelis C., Sumner P.J., Tan E.J., Thomas E.H.X., Van Rheenen T.E., Rossell S.L. (2019). Exploring Heterogeneity on the Wisconsin Card Sorting Test in Schizophrenia Spectrum Disorders: A Cluster Analytical Investigation. *Journal of the International Neuropsychological Society: JINS*, 25 (7), 750–760. doi:10.1017/S1355617719000420
- Chang W.C., Liu J.T.T., Hui C.L.M., Chan S.K.W., Lee E.H.M., Suen Y.N., Chen E.Y.H. (2019). Executive dysfunctions differentially predict amotivation in first-episode schizophrenia-spectrum disorder: a prospective 1-year follow-up study. *European archives of psychiatry and clinical neuroscience*, 269 (8), 887–896. doi:10.1007/s00406-018-0918-y
- Chen C.K., Lee C.Y., Lee Y., Hung C.F., Huang Y.C., Lee S.Y., Huang M.C., Chong M.Y., Chen Y.C., Wang L.J. (2018). Could schizoaffective disorder, schizophrenia and bipolar I disorder be distinguishable using cognitive profiles? *Psychiatry Research*, 266, 79–84. doi:10.1016/j.psychres.2018.05.062
- Culbertson W.C., Zillmer E.A. (1999). The Tower of London, Drexel University, research version: Examiner's manual. N.Y.: Multi-Health Systems.
- Dorofeikova M., Neznanov N., Petrova N. (2018). Cognitive deficit in patients with paranoid schizophrenia: Its clinical and laboratory correlates. *Psychiatry Research*, 262, 542–548. doi:10.1016/j.psychres.2017.09.041
- Fernández-Sevillano J., González-Pinto A., Rodríguez-Revuelta J., Alberich S., González-Blanco L., Zorrilla I., Velasco A., López M.P., Abad I., Sáiz P.A. (2021). Suicidal behaviour and cognition: A systematic review with special focus on prefrontal deficits. *Journal of Affective Disorders*, 1 (278), 488–496. doi:10.1016/j.jad.2020.09.044
- Friedman N.P., Miyake A. (2017). Unity and diversity of executive functions: Individual differences as a window on cognitive structure. *Cortex*, 86, 186–204. doi:10.1016/j.cortex.2016.04.023
- Gold J.M., Robinson B., Leonard C.J., Hahn B., Chen S., McMahon R.P., Luck S.J. (2018). Selective Attention, Working Memory, and Executive Function as Potential Independent Sources of Cognitive Dysfunction in Schizophrenia. *Schizophrenia Bulletin*, 17, 44 (6), 1227–1234. doi:10.1093/schbul/sbx155
- Heaton R.K., Chelune G.J., Talley J.L., Kay G., Curtiss G. (1993). Wisconsin Card Sorting Test manual: Revised and expanded. Odessa, FL: *Psychological Assessment Resources*.
- Kaneko K. (2018). Negative Symptoms and Cognitive Impairments in Schizophrenia: Two Key Symptoms Negatively Influencing Social Functioning. *Yonago acta medica*, 18, 61 (2), 91–102. doi:10.33160/yam.2018.06.001

- Khalil A.H., El-Meguid M.A., Bastawy M., Rabei S., Ali R., Elmoneam M.H.E.A. (2020). Correlating cognitive functions to symptom domains and insight in Egyptian patients with schizophrenia. *The International journal of social psychiatry*, 66 (3), 240–248. doi:10.1177/0020764019897697
- Knapp F., Viechtbauer W., Leonhart R., Nitschke K., Kaller C.P. (2017). Planning performance in schizophrenia patients: a meta-analysis of the influence of task difficulty and clinical and sociodemographic variables. *Psychological medicine*, 47 (11), 2002–2016. doi:10.1017/S0033291717000459
- Lexén A., Hofgren C., Stenmark R., Bejerholm U. (2016). Cognitive functioning and employment among people with schizophrenia in vocational rehabilitation. *Work*, 54 (3), 735–44. doi:10.3233/WOR-162318
- Mihaljević-Peleš A., Bajs Janović M., Šagud M., Živković M., Janović Š., Jevtović S. (2019). Cognitive deficit in schizophrenia: an overview. *Psychiatria Danubina*, 31 (Suppl 2), 139–142.
- Palsetia D., Chandrasekhar K., Reddy M.S., De Sousa A., Karia S. (2018). Executive function in patients with schizophrenia based on socio-occupational impairment: A cross-sectional study. *Industrial psychiatry journal*, 27 (2), 181–189. doi:10.4103/ipj.ipj_85_18
- Shallice T. (1982). Specific impairments of planning. *Philosophical Transactions of the Royal Society of London*, 298, 199–209.
- Sheffield J.M., Karcher N.R., Barch D.M. (2018). Cognitive Deficits in Psychotic Disorders: A Lifespan Perspective. *Neuropsychology review*, 28 (4), 509–533. doi:10.1007/s11065-018-9388-2
- Siddiqui I., Saperia S., Fervaha G., Da Silva S., Jeffay E., Zakzanis K.K., Agid O., Remington G., Foussias G. (2019). Goal-directed planning and action impairments in schizophrenia evaluated in a virtual environment. *Schizophrenia Research*, 206, 400–406. doi:10.1016/j.schres.2018.10.012
- Sivan A.B. (1992). Benton Visual Retention Test: Fifth Edition. *San Antonio, TX: Psychological Corporation.*
- Thai M.L., Andreassen A.K., Bliksted V. (2019). A meta-analysis of executive dysfunction in patients with schizophrenia: Different degree of impairment in the ecological subdomains of the Behavioural Assessment of the Dysexecutive Syndrome. *Psychiatry Research*, 272, 230–236. doi:10.1016/j.psychres.2018.12.088
- Tiryaki A., Karahan A., Arslan F.C. (2018). The Relationship of Insight with Psychopathology and Neuropsychological Functioning in Patients with Schizophrenia. *Turkish journal of psychiatry*, 29 (1), 22–30.
- Watson A.J., Joyce E.M., Fugard A.J.B., Leeson V.C., Barnes T.R.E., Huddy V. (2017). More haste less speed: A meta-analysis of thinking latencies during planning in people with psychosis. *Psychiatry Research*, 258, 576–582. doi:10.1016/j.psychres.2017.09.003
- Zanelli J., Mollon J., Sandin S. (2019). Cognitive change in schizophrenia and other psychoses in the decade following the first episode. *American Journal of Psychiatry*, 176 (10), 811–819. doi:10.1176/appi.ajp.2019.18091088

Оригинальная статья

УДК 159.922.4, 159.923.2
doi: 10.11621/npsyj.2021.0206

Инклюзивные и эксклюзивные идентичности и контакты: роль ценностей и статуса этнической группы

З.Х. Лепшокова, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики» (НИУ ВШЭ), Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-3387-8242

Для контактов. E-mail: taimiris@yandex.ru

Актуальность. Идентичности и контакты в исследованиях порой рассматриваются через призму заложенного в них конфликтогенного потенциала для межгрупповых отношений, приводящих к предубежденности и эксклюзии, особенно в обществах, имеющих этнические группы с разным статусом. При этом существуют определенные механизмы, которые могут потенциально смягчить эти вредные эффекты. К ним относятся инклюзивные идентичности и контакты, позволяющие объединить представителей разных групп. В связи с чем, важно выяснить мотивационные основы данных идентичностей и контактов.

Цель исследования: изучение роли индивидуальных ценностей и статуса этнической группы в оценке позитивности эксклюзивной и инклюзивной идентичностей, а также в выраженности эксклюзивных и инклюзивных контактов у представителей этнического большинства и меньшинства.

Проведение исследования. Исследование проводилось на выборке этнического меньшинства (русские, проживающие на Северном Кавказе) и на выборке этнического большинства (русские, проживающие в Москве). Общий объем выборки 499 респондентов. Для измерения индивидуальных ценностей использовался портретный ценностный опросник PVQ-R (Шварц и др., 2012). Позитивность этнической, гражданской, региональной идентичностей, межкультурные контакты, монокультурные контакты измерялись с помощью соответствующих методик из опросника проекта MIRIPS (Взаимные межкультурные отношения в поликультурных обществах) (Berry, 2017).

Результаты. В исследовании установлено, что (1) ценности «Сохранения» лежат в основе позитивности эксклюзивной этнической и инклюзивной гражданской идентичностей у представителей этнического большинства, (2) ценности «Открытости изменениям» лежат в основе выраженности эксклюзивных монокультурных дружеских контактов, (3) ценности «Самоутверждения» лежат в основе инклюзивных межкультурных контактов у представителей этнического меньшинства.

Выводы. В исследовании раскрыты мотивационные основы инклюзивных межкультурных контактов русского этнического меньшинства. Ими оказались ценности индивидуального фокуса, выражающиеся в достижении социального успеха и высокого статуса. Ценности социального фокуса, выражающиеся в сохранении традиций норм, оказались в основе позитивного отношения к эксклюзивной русской и инклюзивной российской идентичностям у представителей русского этнического большинства. Результаты исследования имеют широкий потенциал для дальнейшего теоретического интегрирования ценностей и идентичностей, и практического применения в сфере гармонизации межкультурных отношений.

Ключевые слова: ценности, эксклюзивная идентичность, инклюзивная идентичность, этническая идентичность, гражданская идентичность, региональная идентичность, контакты, русские, статус этнической группы, этническое меньшинство, этническое большинство.

Для цитирования: Лепшокова З.Х. Инклюзивные и эксклюзивные идентичности и контакты: роль ценностей и статуса этнической группы // Национальный психологический журнал. 2021. № 2 (42). С. 61–75. doi: 10.11621/npsyj.2021.0206

Поступила 1 марта 2021 / Принята к публикации 25 мая 2021

Inclusive and exclusive identities and contacts: the role of values and status of ethnic group

Zarina Kh. Lepshokova, National Research University Higher School of Economics (HSE University) Moscow, Russia
ORCID: 0000-0003-3387-8242

Для контактов. E-mail: taimiris@yandex.ru

Background. Identity and contacts are often studied from the perspective of inherent conflict potential for inter-group relations leading to prejudice and exclusion in societies which contain groups with different ethnic status. Nonetheless, there are certain identification and interaction mechanisms that can potentially mitigate or cancel these harmful effects. These comprise inclusive contacts and identities, in particular the positive inclusive identities, which allow to unite the representatives of different groups. It is important to find out what determines these identities and contacts. Schwartz's theory of individual values has great potential for explaining the personality determinants of identities positivity and the intensity of contacts.

Objective. The aim of the study was to examine the role of individual values and status of ethnic group in assessing the positivity of exclusive and inclusive identities, as well as in the intensity of exclusive and inclusive contacts among members of ethnic majority and minority groups.

Design. The study was conducted on a sample of an ethnic minority (Russians living in the North Caucasus) and on a sample of an ethnic majority (Russians living in Moscow). The total sample size is = 499 respondents. The individual values were measured using a portrait value questionnaire – PVQ-R (Schwartz et al., 2012); positivity of ethnic identity, positivity of civic identity, positivity of regional identity, intercultural contacts, monocultural contacts were measured using the appropriate methods from the questionnaire of the MIRIPS project (Mutual intercultural relations in plural societies) (Berry, 2017).

Results. The study found that (1) the values of Conservation underlie the positivity of exclusive ethnic and inclusive civic identities among members of the ethnic majority, (2) values of Openness to Change underlie exclusive monocultural contacts among ethnic minority and majority members, (3) values of Self-Enhancement underlie inclusive intercultural contacts among members of the ethnic minority.

Conclusion. The results of this study revealed the motivational foundations of exclusive monocultural and inclusive intercultural friendship, which were based on the values of personal focus among the Russian ethnic minority and majority members. At the same time, the values of social focus turned out to underlie the positivity of the exclusive ethnic Russian and inclusive civic Russian identity among the ethnic Russian majority members. The research results have a wide potential for further theoretical and practical application in the field of intercultural relations and their harmonization.

Key words: values, exclusive identity, inclusive identity, ethnic identity, civic identity, regional identity, contacts, Russians, status of ethnic group, ethnic minority, ethnic majority.

For citation: Lepshokova Z. Kh. (2021). Inclusive and exclusive identities and contacts: the role of values and status of ethnic group. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 2 (42), 61–75. doi: 10.11621/npj.2021.0206

Received March 1, 2021 / Accepted for publication May 25, 2021

Введение

Довольно часто идентичность в исследованиях рассматривается через призму заложенного в ней конфликтного потенциала для межгрупповых отношений. Социальные психологи отмечают врожденную тенденцию человека классифицировать себя и других как представителей отдельных групп, которые затем воспринимаются как борющиеся за власть, ресурсы и статус (Curtis, 2014). Внутригрупповой враждебность по своей природе не подразумевает враждебность по отношению к членам аут-группы (Brewer, 1999; Balliet, Wu, de Dreu, 2014). Однако исследователи отмечают высокую корреляцию между приверженностью к своей группе и предубежденностью по отношению к другой (Duckitt, Mphuthing, 1998; Huddy, 2001). И это происходит как при упрощенных и произвольных идентификационных маркерах (Brewer, 1996), так и в условиях неравного статуса, контакта (Allport, 1954; Pettigrew, 1998), большой социальной дистанции, конкуренции (Abbink, Harris, 2019), негативного опыта межкультурного взаимодействия (Meleady, Forder, 2019; Григорьев и др., 2018) или выраженного коллективного нарциссизма (Golec de Zavala, Lantos, 2020). В некоторых случаях эти предвзятые отношения создают основу для межгруппового конфликта, посредством увековечивания негативных стереотипов, клеветы на «других» и стремления отстранить членов аут-группы от получения тех же прав и привилегий, которых удостоиваются члены ин-группы (Curtis, 2014).

Тем не менее, есть определенные механизмы идентификации и взаимодействия, которые могут потенциально смягчить или свести на нет эти вредные эффекты. Яркий пример такого механизма идентификации содержит «Модель общей внутригрупповой идентичности» (Common Ingroup Identity Model — СИМ), которая утверждает, что идентификация членов отдельных групп с одной всеобъемлющей идентичностью может уменьшить предубежденность и улучшить межгрупповые установки (Gaertner et al., 2016). К механизмам взаимодействия можно отнести контакты, поскольку они тоже могут, как объединять членов одной группы с членами других групп, так и фокусировать человека лишь на членах своей группы (Simonsen, 2017). Согласно гипотезе контакта, контакт

между членами разных социальных групп способствует снижению предубежденности в их отношениях при соблюдении определенных условий (Allport, 1954). Мета-анализ показал жизнеспособность данной гипотезы (Pettigrew, Tropp, 2006; Berry, 2017). Относительно контакта с представителями ин-группы в исследованиях отмечается, что в поликультурном обществе они зачастую могут быть связаны с предпочтением стратегии сепарации в межкультурном взаимодействии (Лепшокова, 2017а).

Резюмируя вышесказанное, следует сказать, что идентификация с ин-группой и контакты с членами ин-группы могут вести к эксклюзии в межгрупповом взаимодействии (Verkuyten, Martinovic, 2012). Тогда как идентификация с более крупными группами и контакты с членами других групп ведут к инклюзии в межгрупповом взаимодействии, путем трансформации восприятия границ групп «Мы» и «Они» к более инклюзивному «Мы» (Gaertner et al., 2016). В связи с этим, в настоящем исследовании предлагается ввести понятия эксклюзивных и инклюзивных идентичностей и контактов, которые отражают функциональную сущность идентичностей и контактов представителей поликультурных обществ.

Под эксклюзивной идентичностью будет пониматься идентичность, заключающаяся в осознании человеком своей принадлежности к определенной ин-группе, то есть идентичности, отделяющая его от представителей других групп, своего рода дифференцирующая идентичность. По мнению М. Веркайтена и Б. Мартинович (Verkuyten, Martinovic 2012), яркими примерами эксклюзивной идентичности могут выступать этническая и религиозная идентичности этнических и религиозных меньшинств.

Под инклюзивной идентичностью предлагается понимать идентичность/надидентичность, заключающуюся в осознании человеком своей принадлежности к большой социальной общности, объединяющей представителей разных групп, то есть своего рода зонтичная всеобъемлющая идентичность. Примером инклюзивной идентичности может выступать национальная (гражданская) и региональная идентичности представителей поликультурных обществ (Curtis, 2014).

Особые функции эксклюзивности и инклюзивности: этническая, региональная, гражданская, религиозная и некоторые другие социальные идентичности

Зарина Хизировна Лепшокова —

кандидат психологических наук, доцент Департамента психологии, ведущий научный сотрудник Центра социокультурных исследований Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ORCID: 0000-0003-3387-8242

Zarina Kh. Lepshokova —

PhD in Psychology, associate professor at the Department of Psychology, leading researcher of Center for Sociocultural Research, National Research University Higher School of Economics

ORCID: 0000-0003-3387-8242

зачастую проявляют в условиях поликультурного общества, особенно в котором межкультурные контакты характеризуются высокой интенсивностью и продолжительностью. Безусловно, отнесение той или иной идентичности к эксклюзивной или инклюзивной зависит и от рассматриваемой культурной группы и ее статуса, например, статуса этнического/религиозного меньшинства или большинства, мигранты или принимающее население и т.д.

Под *эксклюзивными контактами* будут пониматься монокультурные контакты, то есть контакты с представителями своей культурной группы и под *инклюзивными контактами* будут пониматься межкультурные контакты с представителями других культурных групп.

Учитывая колоссальную роль инклюзивных и эксклюзивных идентичностей и контактов в межгрупповом взаимодействии, важно понимать мотивационные основы детерминанты данных идентичностей и контактов. Здесь особый интерес представляет исследование С. Рокас и ее коллег, в котором изучалась роль ценностей в раскрытии мотивационных функций в идентификации с нацией. В исследовании обнаружено, что увеличение значимости ценностей «Сохранения» повышает уровень национальной идентификации, в то время как увеличение значимости ценностей «Открытости к изменениям» понижает уровень национальной идентификации (Roccas, Schwartz, Amit, 2010).

Не меньший интерес представляет исследование Л. Сагив и Ш. Шварца (Sagiv, Schwartz, 1995) ценностей учителей и их готовности к аутгрупповым контактам. В данном исследовании установлено, что ценности «Универсализма» и «Самостоятельности» позитивно связаны с готовностью к аутгрупповым контактам, тогда как ценности «Традиции», «Безопасности» и «Конформизма» отрицательно связаны с готовностью к такого рода контактам.

Основываясь на результатах вышеприведенных исследований, мы в своей работе сосредоточились на теории индивидуальных ценностей Ш. Шварца. В данной теории ценности раскрываются как желаемые и надситуативные цели различной важности, которые служат руководящими принципами в жизни людей (Schwartz, 1992, 2006). Иными словами, каждая ценность определяет наши установки, отношения и руководит нашим поведением свойственным ей образом вне зависимости от ситуации. Ш. Шварц выделил 19 ценностей, образующих мотивационный круг (Schwartz et al., 2012) и относящихся к четырем блокам ценностей более высокого порядка: «Открытость к изменениям», «Сохранение», «Самоутверждение» и «Самопреодоление» (рис. 1). Ценности «Открытости к изменениям» несут в себе мотивы самостоятельности и независимости, как на когнитивном, так и на поведенческом уровне, а также открытости новому опыту, поиску новых ощущений, «вкуса жизни». Ценности «Сохранения», напротив, включают

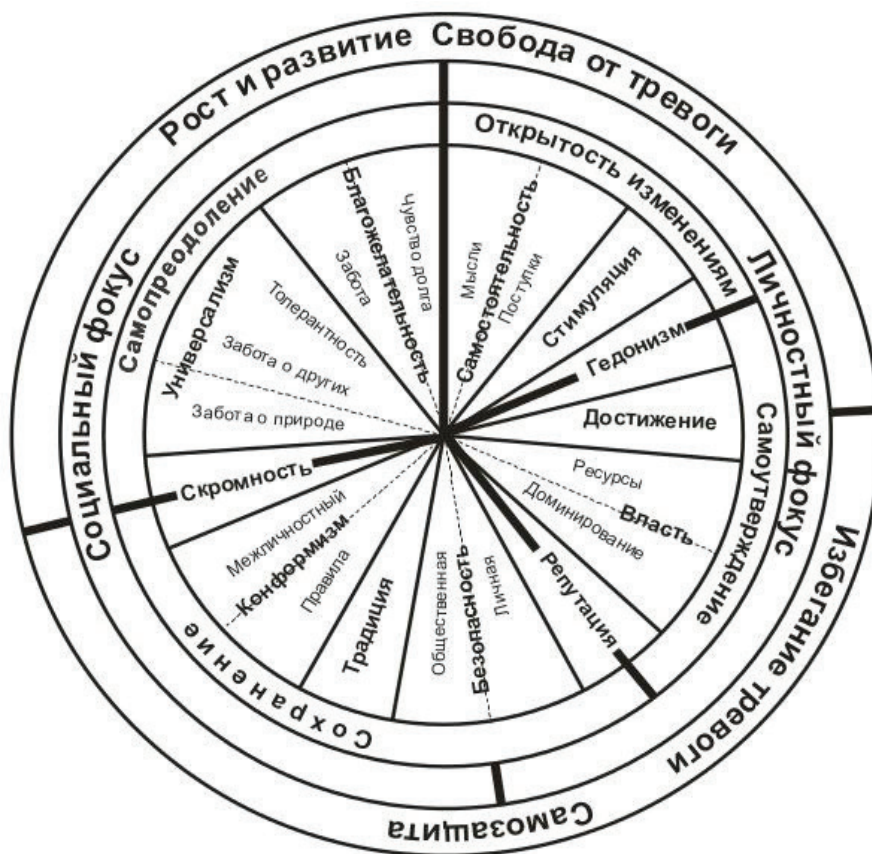

Рис. 1. Круговой мотивационный континуум 19 ценностей по Ш. Шварцу (Шварц и др., 2012)

в себя ориентацию на безопасность, поддержание норм и правил, конформность во взаимодействии с другими людьми. Ценности «Самоутверждения» связаны с желанием обладать ресурсами и высоким статусом, стремлением к социальному успеху, власти и богатству. Ценности «Самопреодоления» включают в себя заботу о других людях, стремление к равенству и благу, как близких людей, так и людей всего мира в целом. Противоречивые блоки ценностей более высокого порядка находятся в противоположных направлениях от центра и образуют две ценностные оси. Ось «Сохранения — Открытости изменениям» и ось «Самоутверждения — Самопреодоления» (Schwartz, 1992). Подразумевается, что, чем больше выражены ценности одного полюса, тем меньше выражены ценности противоположного полюса оси.

Итак, ценности являются стабильными, абстрактными конструктами высшего порядка. Поэтому они, вероятно, являются предикторами отношения к общностям, которые объединяют с представителями своей группы и представителями других групп. Иными словами, они могут выступать предикторами инклюзивных и эксклюзивных контактов и отношения к инклюзивным и эксклюзивным идентичностям. Под отношением к идентичностям здесь понимается валентность идентичности, которая может оцениваться как позитивная, нейтральная или негативная (Лебедева, 1997; Павленко, Таглин, 2004).

Инклюзивные и эксклюзивные идентичности и контакты обретают особую актуальность и специфику для представителей этнического меньшинства и большинства. Важная роль группового этнического статуса проявилась в исследовании Л. Григорян и Ш. Шварца ценностей и установок по отношению к культурному разнообразию в 25 регионах России (Grigoryan, Schwartz, [Электронный ресурс]). В исследовании четко прослеживается, что характер связи ценностей и установок может меняться в зависимости от статуса этнической группы, то есть, в зависимости от того, тестируется ли связь на выборке этнического большинства или этнического меньшинства. Авторы объясняют это тем, что этническое большинство и этническое меньшинство могут по-разному понимать культурное разнообразие. Например, этническое меньшинство понимает культурное разнообразие как включающее их собственную группу наряду с другими, тогда как этническое большинство понимает культурное разнообразие как что-то внешнее по отношению к своей группе (Grigoryan, Schwartz, [Электронный ресурс]). Кроме того, этническое большинство может воспринимать этнические меньшинства (иммигрантов) и их желание сохранять свою культуру как угрозу своей идентичности и статусу (Schalk-Soekar, van de Vijver, 2008; Grigoryev, van de Vijver, 2018). Поэтому можно предположить, что связь ценностей с позитивностью, эксклюзивной и инклюзивной идентичностей, а так-

Figure 1. Circular motivational continuum of 19 values according to (Schwartz et al., 2012)

же с эксклюзивными и инклюзивными контактами будет модерироваться статусом этнической группы (меньшинство/большинство).

Таким образом, цель настоящего исследования: изучение роли индивидуальных ценностей и статуса этнической группы, в оценке позитивности-негативности эксклюзивной и инклюзивной идентичностей, а также в выраженности эксклюзивных и инклюзивных контактов у представителей этнического большинства и меньшинства. В качестве этнического большинства выступили русские, проживающие в Москве, а в качестве этнического меньшинства — русские, проживающие на Северном Кавказе. Ниже приводится более подробное описание статуса русских в Москве и на Северном Кавказе.

Статус русских в Москве и на Северном Кавказе

Выбор Москвы и Северного Кавказа для проведения настоящего исследования обусловлен тем, что, несмотря на то, что в целом по стране русские представляют абсолютное этническое большинство, их количество в данных регионах существенно различается, что сказывается на их статусе как этнической группы в этих регионах. Так, в Москве русских более 85% населения, а в 7 национальных республиках Северного Кавказа численность русских варьируется от менее 1% до 63% населения в зависимости от республики, причем имеет место тенденция к нерегулируемому оттоку (Демографические и этнические проблемы [Электронный ресурс]).

Основными причинами своего отъезда русские называют невозможность в силу ряда причин конкурировать с титульными этносами в условиях новых рыночных отношений, низкий уровень представленности во властных структурах и престижных сферах занятости, отсутствие перспектив социального роста (Аккиева, 2013).

Сегодня в национальных республиках Северного Кавказа русские представляют этническое меньшинство (за исключением Республики Адыгея) в условиях наличия «титульных» этнических групп, обладающих расширенными правами в этих республиках. Национальные республики Северного Кавказа обладают значительной автономией, включая право иметь свою Конституцию и законодательную власть, а также свои официальные языки в дополнение к русскому. Титульные этнические группы здесь имеют более высокий политический статус, чем другие этнические группы данных республик, в том числе и русские.

Таким образом, неравенство группового этнического статуса, созданное «титульностью» и численностью русских в национальных республиках Северного Кавказа, дает нам уникальную возможность проанализировать эффекты меньшинства в сравнении с эффектами большинства.

Далее приводятся результаты исследований инклюзивных и эксклюзивных идентичностей и контактов, проведенных среди русского этнического большинства и меньшинства в контексте межкультурного взаимодействия.

Инклюзивные и эксклюзивные идентичности и контакты русских в Москве и на Северном Кавказе в контексте межкультурного взаимодействия

Единство страны образуется во многом благодаря чувству сопричастности со страной, порождаемому идентичностью, основанной на историко-культурных ценностях, которые разделяют граждане страны (Тишков, 2019). Для всех народов России такой идентичностью является гражданская российская, она выполняет роль инклюзивной идентичности. Так, например, позитивность данной идентичности у русского этнического большинства лежит в основе установок на интеграцию мигрантов (Лебедева, 2009) и этнических меньшинств (Лепшкова, 2012).

Для жителей регионов страны инклюзивными идентичностями, помимо гражданской, могут выступать региональные, локальные идентичности и другие. Например, на Северном Кавказе региональная кавказская идентичность обладает большим потенциалом объединения многочисленных народов Северного Кавказа. В исследовании З. Лепшковой и Н. Лебедевой (Lepshokova, Lebedeva, 2018) обнаружено, что у русских, как у представителей этнического меньшинства Кабардино-Балкарской республики региональная кавказская идентичность и гражданская российская идентичность позитивно связаны с предпочтением стратегии интеграции в межкультурном взаимодействии с титульным населением республики. Относительно межкультурных контактов русских в зависимости от статуса их этнической группы в том или ином регионе России можно сказать следующее. Например, русские, проживающие в Республике Дагестан, в статусе этнического меньшинства демонстрируют позитивную связь между их межкультурными контактами и предпочтением стратегии интеграции в межкультурном взаимодействии с другими народами Дагестана. Тогда как их монокультурные контакты позитивно связаны с предпочтением стратегии сепарации в межкультурном взаимодействии с народами Дагестана (Лепшкова, 2017а). Русские, проживающие в Москве, в статусе этнического большинства демонстрируют позитивную связь между их межкультурными контактами и предпочтением стратегии интеграции в межкультурном взаимодействии с мигрантами (Lebedeva, Tatarko, Berry, 2016).

Резюмируя вышесказанное можно сказать, что для русских эксклюзивными контактами выступают монокультурные контакты, тогда как эксклюзивной идентичностью выступает этническая русская идентичность. Инклюзивными контактами выступают межкультурные контакты с представителями других этнических групп.

Относительно инклюзивной идентичности важно отметить, что степень ее инклюзивности во многом определяется статусом этнической группы. Так, для русских как этнического меньшинства на Северном Кавказе роль инклюзивной идентичности играет региональная кавказская идентичность, объединяющая русских, проживающих на Северном Кавказе, с

его народами. При этом не стоит забывать, что русские представляют собой этническое большинство страны, поэтому роль инклюзивной идентичности для них также играет гражданская российская идентичность, которая объединяет их со всеми народами России. Поэтому в настоящем исследовании у русских, проживающих на Северном Кавказе, роль инклюзивной идентичности выполняет региональная кавказская идентичность, тогда как в Москве у русских как у этнического большинства роль инклюзивной идентичности выполняет гражданская российская идентичность.

В связи с вышесказанным в настоящем исследовании поднимаются следующие исследовательские вопросы:

1. Как связаны индивидуальные ценности с отношением к инклюзивным и эксклюзивным идентичностям у представителей этнического меньшинства и большинства?
2. Как связаны индивидуальные ценности с инклюзивными и эксклюзивными контактами у представителей этнического меньшинства и большинства?
3. Существуют ли универсальные и/или специфические для групп этнического меньшинства и большинства паттерны изучаемых связей?

Проведение исследования

Исследование проводилось на выборке этнического меньшинства (русские, проживающие на Северном Кавказе) и на выборке этнического большинства (русские, проживающие в Москве). Общий объем выборки — 499 респондентов от 15 до 60 лет, сред-

Таблица 1. Гендерные и возрастные характеристики выборки

Респонденты	N = 499	Пол		Возраст		
		Муж.	Жен.	Min.	Max.	Mean
Русские, проживающие на Северном Кавказе (этническое меньшинство)	295	134	161	15	59	34
Русские, проживающие в Москве (этническое большинство)	204	60	144	15	60	30

Примечание: N — объем выборки; Min. — минимальный возраст; Max. — максимальный возраст; Mean — среднее арифметическое значение.

Table 1. Gender and age characteristics of the sample group

Participants	N = 499	Gender		Age		
		Male	Female	Min.	Max.	Mean
Russians living in the North Caucasus (ethnic minority)	295	134	161	15	59	34
Russians living in Moscow (ethnic majority)	204	60	144	15	60	30

Note: N — sample size; Min. — minimum age; Max. — maximum age; Mean — arithmetic mean.

ний возраст 32 года. Для измерения индивидуальных ценностей использовался портретный ценностный опросник PVQ-R (Шварц и др., 2012). Позитивность этнической, гражданской, региональной идентичностей, межкультурные контакты, монокультурные контакты измерялись с помощью соответствующих методик из опросника проекта MIRIPS (Взаимные межкультурные отношения в поликультурных обществах) (Berry, 2017).

Процедура исследования

Социально-психологический опрос проводился очно в Центральном федеральном округе (г. Москва) и Северо-Кавказском федеральном округе (г. Нальчик). Участие в исследовании было анонимным, добровольным и безвозмездным.

Инструментарий. Опросник Шварца PVQ-R (Шварц и др., 2012) состоит из 57 утверждений. Каждой из 19 измеряемых ценностей соответствуют три утверждения. Респондентам предлагалось оценить каждое из них по 6-балльной шкале от 1 до 6, в зависимости от того, в какой степени описанный человек похож на него самого. Например, «Для него важно поддерживать традиционные ценности или верования» — для ценности традиция из блока ценностей «Сохранение»; «Для него важно быть богатым» — для ценности власть-ресурсы из блока ценностей «Самоутверждение». 19 ценностей обновленной теории Шварца объединяются в блоки ценностей более высокого уровня: «Открытость изменениям», «Сохранение», «Самоутверждение» и «Самопреодоление».

В настоящем исследовании использовались значения осей «Сохранение — Открытость изменениям» и «Самоутверждение — Самопреодоление». Они были рассчитаны с помощью соответствующей процедуры вычитания противоположных по мотивации блоков ценностей (см. напр., Grigoryan, Schwartz, 2020, Магун, Руднев, Шмидт, 2015).

Отношение к этнической (эксклюзивной), гражданской российской (инклюзивной) и региональной кавказской (инклюзивной) идентичностям измерялось с помощью шкал позитивности этнической, гражданской и региональной идентичностей, состоящих из 9 вопросов из опросника MIRIPS (Berry, 2017), переведенного и адаптированного на русский язык (Лебедева, Татарко, 2009). Пример вопроса отношения к своей этнической идентичности: «Я горжусь тем, что я русский»; пример вопроса отношения к своей гражданской идентичности: «Я горжусь тем, что я гражданин России»; пример вопроса отношения к региональной идентичности: «Я горжусь тем, что я кавказец» и др. Ответы заданы в форме 5-балльной шкалы Ликерта от 1 — абсолютно не согласен до 5 — абсолютно согласен.

Межкультурные дружеские контакты с представителями других наций измерялись с помощью следующих двух вопросов: «Сколько у Вас близких друзей другой национальности (какой)?» и «Как часто Вы встречаетесь с близкими друзьями другой национальности (какой)?».

Монокультурные дружеские контакты измерялись с помощью следующих двух вопросов: «Сколько у Вас близких друзей Вашей национальности?» и «Как часто Вы встречаетесь с близкими друзьями Вашей национальности?»

Ответы на вопросы о количестве друзей были заданы в форме 5-балльной шкалы: 1 — ни одного, 2 — только один, 3 — два-три, 4 — несколько, 5 — много.

Ответы на вопросы о частоте встреч с друзьями также были заданы в форме 5-балльной шкалы: 1 — никогда, 2 — редко, 3 — иногда, 4 — часто, 5 — каждый день.

Социально-демографические характеристики. Респондентов попросили указать их пол, возраст, национальность и уровень образования.

Математико-статистическая обработка данных. Для обработки данных использовался статистический пакет SPSS 22.0. Применялись следующие методы: для сравнения средних значений основных переменных исследования использовался t-критерий Стьюдента, для проверки связей использовался иерархический регрессионный анализ, для выявления модерационного эффекта использовался плагин PROCESS macro версии 3.0 для SPSS (Hayes, 2018).

Результаты исследования

В табл. 2 представлены межгрупповые различия по основным переменным исследования.

Данные представленные в табл. 2 свидетельствуют о том, что ценности «Открытости изменени-

Таблица 2. Межгрупповые различия по основным переменным исследования у русских с разным статусом этнической группы (N = 499)

Основные переменные исследования	Русские, проживающие на Северном Кавказе (этническое меньшинство)	Русские, проживающие в Москве (этническое большинство)	t
	M (SD)	M (SD)	
Открытость изменениям	4,22 (0,74)	4,33 (0,63)	-1,86
Самопреодоление	4,47 (0,65)	4,41 (0,59)	1,10
Сохранение	4,47 (0,66)	4,27 (0,71)	3,28**
Самоутверждение	4,01 (0,86)	3,79 (0,78)	3,07**
Позитивность эксклюзивной идентичности	4,19 (0,70)	4,19 (0,76)	-0,11
Позитивность инклюзивной идентичности	3,58 (1,09)	4,03 (0,94)	-4,78***
Эксклюзивные (монокультурные) контакты	4,07 (0,84)	3,81 (0,90)	3,39**
Инклюзивные (межкультурные) контакты	3,53 (1,13)	2,26 (1,23)	12,02***

Примечание: N — количество человек; M — среднее; SD — стандартное отклонение; t — статистика различий t-критерий Стьюдента. «**» — $p < 0.01$; «***» — $p < 0.001$.

ям» и «Самопреодоления», а также отношение к эксклюзивной (этнической русской) идентичности значимо не различаются в группах русского этнического меньшинства и большинства. Ценности «Сохранения» и «Самоутверждения» значимо больше выражены у группы этнического меньшинства (у русских, проживающих на Северном Кавказе), чем у группы этнического большинства (у русских, проживающих в Москве). У русских, проживающих в Москве, значимо позитивнее отношение к инклюзивной гражданской российской идентичности, чем у русских, проживающих на Северном Кавказе, к инклюзивной региональной кавказской идентичности. Монокультурных и межкультурных дружеских контактов значимо больше у русских, проживающих на Северном Кавказе, чем у русских, проживающих в Москве.

Далее рассмотрим результаты иерархического регрессионного анализа, чтобы оценить вклад ценностей и статуса этнической группы в оценку эксклюзивной и инклюзивной идентичностей (табл. 3).

В результате анализа выяснилось, что у русских, чем меньше уровень образования, тем позитивнее эксклюзивная и инклюзивная идентичности. Данный эффект характерен как для представителей этнического меньшинства, так и для представителей этнического большинства. Также выяснилось, что, чем больше выражены ценности «Сохранения», тем выше позитивность эксклюзивной идентичности и инклюзивной идентичности. При этом данные эффекты в большей степени характерны для русского этнического большинства (рис. 2, 3).

Table 2. Intergroup differences in the target variables of the study on a sample of Russians with different status of the ethnic group (N = 499)

Target variables	Russians living in the North Caucasus (ethnic minority)	Russians living in Moscow (ethnic majority)	t
	M (SD)	M (SD)	
Openness to Change	4.22 (0.74)	4.33 (0.63)	-1.86
Self-Transcendence	4.47 (0.65)	4.41 (0.59)	1.10
Conservation	4.47 (0.66)	4.27 (0.71)	3.28**
Self-Enhancement	4.01 (0.86)	3.79 (0.78)	3.07**
Positivity of exclusive identity	4.19 (0.70)	4.19 (0.76)	-0.11
Positivity of inclusive identity	3.58 (1.09)	4.03 (0.94)	-4.78***
Exclusive (monocultural) contacts	4.07 (0.84)	3.81 (0.90)	3.39**
inclusive (intercultural) contacts	3.53 (1.13)	2.26 (1.23)	12.02***

Note: N — number of people; M — mean; SD — standard deviation; t — difference statistics t-Student's criterion. «**» — $p < 0.01$; «***» — $p < 0.001$.

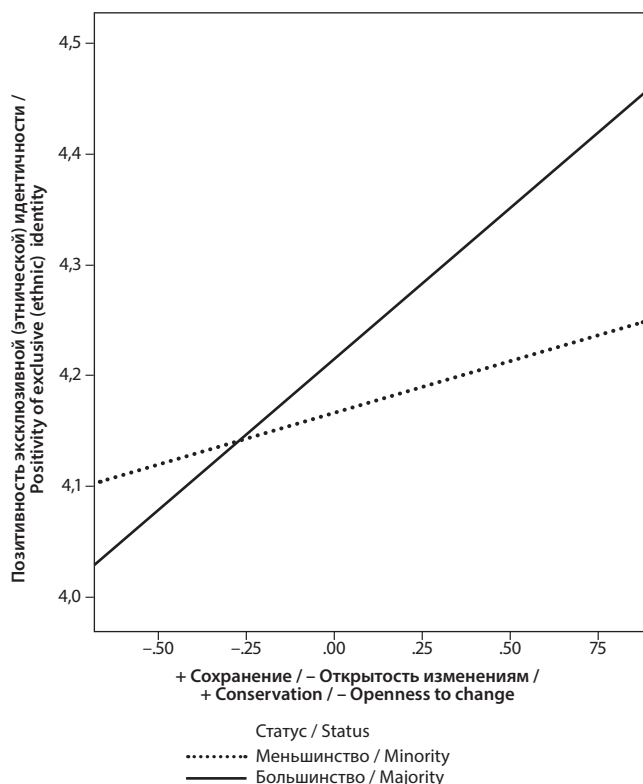

Рис. 2. Наклоны линии регрессии для позитивности эксклюзивной (этнической) идентичности

Figure 2. Slopes of the regression line for positivity of exclusive (ethnic) identity

Далее рассмотрим результаты иерархического регрессионного анализа, чтобы оценить вклад ценностей и статуса в выраженность эксклюзивных и инклюзивных контактов (табл. 4).

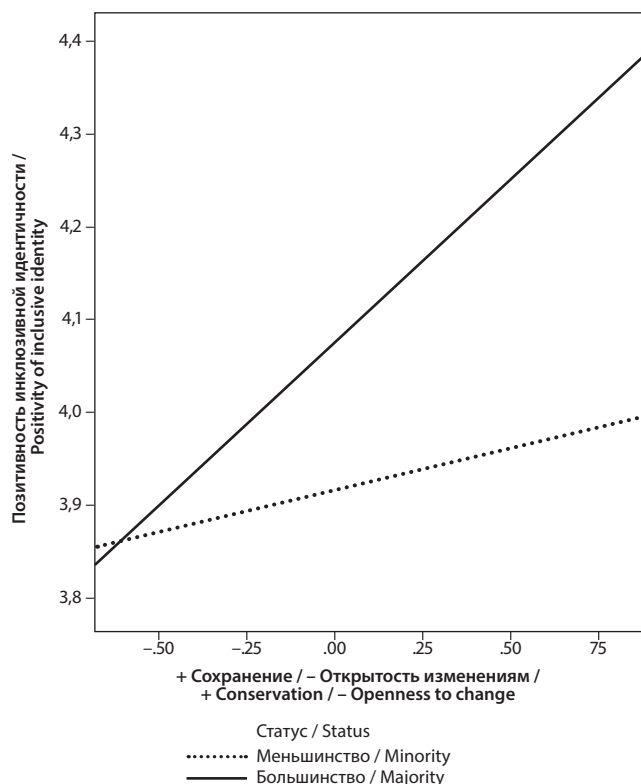

Рис. 3. Наклоны линии регрессии для позитивности инклюзивной идентичности

Figure 3. Slopes of the regression line for positivity of inclusive identity

В результате анализа выяснилось, что у русских, чем меньше выражены ценности «Сохранения» (или чем больше выражены ценности «Открытости изменениям»), тем больше выражены эксклюзивные

Таблица 3. Связь ценностей и статуса этнической группы с позитивностью эксклюзивной и инклюзивной идентичностей (N = 499)

Независимые переменные	Зависимые переменные					
	Позитивность эксклюзивной идентичности			Позитивность инклюзивной идентичности ^a		
	1 шаг	2 шаг	3 шаг	1 шаг	2 шаг	3 шаг
Возраст	0,22**	0,12	0,11	0,20**	0,10	0,09
Пол (0 = мужчины, 1 = женщины)	0,11	0,04	0,03	0,11	0,04	0,03
Образование	-0,13*	-0,15*	-0,15*	-0,11	-0,13*	-0,13*
Статус (0 = меньшинство, 1 = большинство)	0,02	0,06	0,05	0,07	0,11*	0,11*
Сохранение / Открытость изменениям		0,20***	0,16**		0,19***	0,14*
Самоутверждение / Самопреодоление		0,05	-0,06		-0,04	-0,05
Сохранение / Открытость изменениям*Статус			0,11*			0,14*
Самоутверждение / Самопреодоление*Статус			0,02			0,04
F change	2,70*	11,08***	2,44	2,59*	9,66***	3,32*
R ²	0,02	0,06	0,07	0,02	0,06	0,07
ΔR ²		0,04	0,01		0,04	0,01
F	2,70*	5,56***	4,81***	2,59*	5,01***	4,62***

Примечания: ^a — для русских, проживающих на Северном Кавказе, инклюзивной идентичностью выступала региональная кавказская идентичность; для русских, проживающих в Москве, инклюзивной идентичностью выступала гражданская российская идентичность. *p < 0,05; **p < 0,01; ***p < 0,001; в таблице представлены стандартизированные коэффициенты (β).

Table 3. The relationship of values and ethnic group status with the positivity of exclusive and inclusive identities (N = 499)

Independent variables	Dependent variables					
	Positivity of exclusive identity			Positivity of inclusive identity ^a		
	step 1	step 2	step 3	step 1	step 2	step 3
Age	0.22**	0.12	0.11	0.20**	0.10	0.09
Gender (0 = male, 1 = female)	0.11	0.04	0.03	0.11	0.04	0.03
Education	-0.13*	-0.15*	-0.15*	-0.11	-0.13*	-0.13*
Status (0 = minority, 1 = majority)	0.02	0.06	0.05	0.07	0.11*	0.11*
Conservation / Openness to Change		0.20***	0.16**		0.19***	0.14*
Self-Enhancement / Self-Transcendence		0.05	-0.06		-0.04	-0.05
Conservation / Openness to Change*Status			0.11*			0.14*
Self-Enhancement / Self-Transcendence*Status			0.02			0.04
<i>F change</i>	2.70*	11.08***	2.44	2.59*	9.66***	3.32*
<i>R</i> ²	0.02	0.06	0.07	0.02	0.06	0.07
ΔR^2		0.04	0.01		0.04	0.01
<i>F</i>	2.70*	5.56***	4.81***	2.59*	5.01***	4.62***

Note:^a — for the Russians who live in the North Caucasus the inclusive identity was the regional Caucasus identity; for the Russians who live in Moscow the inclusive identity was the civil Russian identity. * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$; the table shows standardized coefficients (β).

Таблица 4. Связь ценностей и статуса этнической группы с эксклюзивными и инклюзивными контактами (N = 499)

Независимые переменные	Зависимые переменные					
	Эксклюзивные контакты			Инклюзивные контакты		
	1 шаг	2 шаг	3 шаг	1 шаг	2 шаг	3 шаг
Возраст	-0,11	-0,05	-0,06	-0,07	-0,04	-0,06
Пол (1 = женщины, 0 = мужчин)	-0,07	-0,03	-0,03	-0,03	-0,01	-0,02
Образование	-0,11	-0,10	-0,09	0,02	0,03	0,03
Статус (1 – большинство, 0 – меньшинство)	-0,12*	-0,15**	-0,16**	-0,47***	-0,47***	-0,48***
Сохранение / Открытость изменениям		-0,14**	-0,17**		-0,05	-0,08
Самоутверждение / Самопреодоление		-0,02	-0,02		0,07	0,07
Сохранение / Открытость изменениям*Статус			0,05			0,07
Самоутверждение / Самопреодоление*Статус			-0,03			-0,14**
<i>F change</i>	6,41***	3,84*	1,25	36,38	2,59	10,13
<i>R</i> ²	0,05	0,06	0,07	0,22	0,23	0,26
ΔR^2		0,01	0,01		0,01	0,03
<i>F</i>	6,41***	5,60***	4,52***	36,38***	25,27***	22,17***

Примечания: * $p < 0,05$; ** $p < 0,01$; *** $p < 0,001$; в таблице представлены стандартизированные коэффициенты (β).

Table 4. The relationship of values and status of ethnic group with exclusive and inclusive contacts (N = 499)

Independent variables	Dependent variables					
	Exclusive contacts			Inclusive contacts		
	step 1	step 2	step 3	step 1	step 2	step 3
Age	-0.11	-0.05	-0.06	-0.07	-0.04	-0.06
Gender (0 = male, 1 = female)	-0.07	-0.03	-0.03	-0.03	-0.01	-0.02
Education	-0.11	-0.10	-0.09	0.02	0.03	0.03
Status (0 = minority, 1 = majority)	-0.12*	-0.15**	-0.16**	-0.47***	-0.47***	-0.48***
Conservation / Openness to Change		-0.14**	-0.17**		-0.05	-0.08
Self-Enhancement / Self-Transcendence		-0.02	-0.02		0.07	0.07
Conservation / Openness to Change*Status			0.05			0.07
Self-Enhancement / Self-Transcendence*Status			-0.03			-0.14**
<i>F change</i>	6.41***	3.84*	1.25	36.38	2.59	10.13
<i>R</i> ²	0.05	0.06	0.07	0.22	0.23	0.26
ΔR^2		0.01	0.01		0.01	0.03
<i>F</i>	6.41***	5.60***	4.52***	36.38***	25.27***	22.17***

Note: * $p < 0.05$; ** $p < 0.01$; *** $p < 0.001$; the table shows standardized coefficients (β).

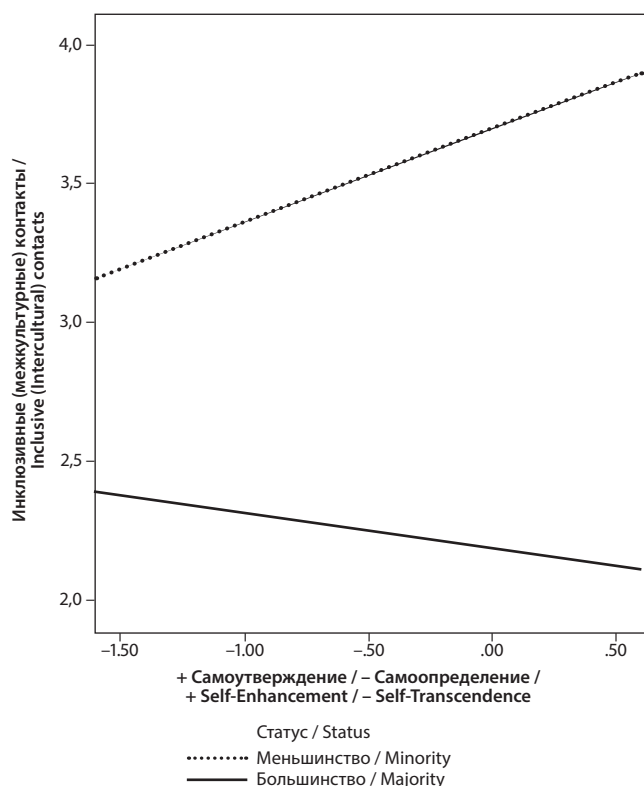

Рис. 4. Наклоны линии регрессии для инклюзивных контактов

Figure 4. Slopes of the regression line for inclusive contacts

контакты (табл. 4). У представителей этнического меньшинства, чем больше выражены ценности «Самоутверждения», тем больше выражены инклюзивные контакты. У представителей этнического большинства связь не значима (рис. 4).

Обсуждение

Напомним, что цель настоящего исследования состояла в изучении роли индивидуальных ценностей и статуса этнической группы в оценке позитивности-негативности эксклюзивной и инклюзивной идентичностей, а также в выраженности эксклюзивных и инклюзивных контактов.

Ценности, статус этнической группы и позитивность эксклюзивной и инклюзивной идентичностей

При анализе связи ценностей с позитивностью эксклюзивной и инклюзивной идентичностей у представителей этнического большинства и меньшинства обнаружено, что ценности «Сохранения», выражающиеся в поддержке норм, правил, традиций, стабильности, конформизме и безопасности, оказались важным предиктором позитивности этнической идентичности. Однако данный эффект проявился в большей степени у представителей этнического большинства, чем у представителей этнического меньшинства. Кроме того, ценности «Сохранения» оказались предиктором и позитивности гражданской

российской идентичности у представителей этнического большинства. Сходные результаты получены в исследовании С. Рокас и ее коллег (Roccas et al., 2010) в Израиле, в котором выявилось, что ценности «Сохранения» позитивно связаны с национальной идентификацией (идентификацией с государством Израиль) у представителей этнического большинства.

В целом полученные результаты свидетельствуют о том, что ценности «Сохранения» у русских связаны не только с позитивностью эксклюзивной этнической русской идентичности, но и с позитивностью инклюзивной гражданской российской идентичности. Здесь важно отметить, что для русских этническая русская и гражданская российская идентичности образуют крепкий сплав и зачастую обозначаются как единая этно-национальная идентичность (Лебедева и др., 2016). Кроме того, этносоциологи отмечают, что государственная российская идентичность у русских как у доминирующего большинства страны базируется на их этнической идентичности (Дробижева, 2002). Таким образом, этническая русская и гражданская российская идентичности значительно перекрывают друг друга. Вероятно, именно поэтому предикторами позитивного отношения к данным идентичностям у русского этнического большинства оказались одни и те же ценности, а именно ценности «Сохранения».

Обращает на себя внимание то, что ценности оказались не связанными с позитивностью эксклюзивной и инклюзивной идентичностей на выборке этнического меньшинства. Разумеется, отсутствие доказательства не является доказательством его отсутствия (Lakens, 2017). Поэтому этот вывод пока рано рассматривать как убедительное свидетельство отсутствия связи ценностей и позитивности инклюзивной и эксклюзивной идентичностей на выборках этнических меньшинств. Для окончательного вывода по этому вопросу может потребоваться больше групп из других социокультурных контекстов, которые обеспечат большую вариативность связей.

Ценности, статус этнической группы и эксклюзивные и инклюзивные контакты

При анализе связи ценностей с эксклюзивными контактами обнаружено, что, чем больше выражены ценности полюса «Самоутверждения» на оси ценностей «Самоутверждение — Самопреодоление», тем больше выражены инклюзивные (межкультурные) контакты у представителей этнического меньшинства. В предыдущих исследованиях уже отмечалось, что ценностную ось «Самоутверждение — Самопреодоление» можно интерпретировать как желаемый человеком характер отношений с другими людьми. В случае ценностей «Самоутверждения» — это действия, направленные на благополучие самого субъекта, включая использование других людей в своих интересах (Магун и др., 2015). Получается, что инклюзивные межкультурные контакты, по большей части с представителями титульных наций, которые являются обладателями более высокого статуса и основных ресурсов в национальных республиках Север-

ного Кавказа, в частности, в Кабардино-Балкарской Республике (Лепшокова, 2017б; Grigoryan, Schwartz, 2020), больше характерны для представителей русского этнического меньшинства, нацеленных на поиски ресурсов достижения высокого статуса, социального успеха и власти в республике.

Заключение

Ценности и идентичность являются важными движущими силами в жизни людей (Bardi et al., 2014). Индивидуальные ценности (Schwartz, 1992) и социальные идентичности (Tajfel, Turner, 1986) сосредоточены на различных, но связанных аспектах личности и имеют частично совпадающие моменты в отношении человеческой мотивации. Однако до сих пор практически не было попыток интегрировать эти важные движущие силы теоретически или эмпирически. Настоящее исследование частично восполнило данный пробел и показало важную роль ценностей в раскрытии мотивационной природы позитивного отношения к эксклюзивной и инклюзивной идентичностям, а также в выраженности эксклюзивных и инклюзивных контактов.

Изучение роли ценностей и статуса русских, проживающих в разных регионах России, позволило выявить специфические для групп этнического меньшинства и большинства паттерны связей ценностей с идентичностями и контактами, которые ведут к эксклюзивности и инклюзии в межгрупповом взаимодействии. Ценности социального фокуса стали предикторами позитивности социальных эксклюзивных и инклюзивных идентичностей лишь на выборке этнического большинства. Таким образом, стало очевидным, что гордость и позитивные чувства по отношению к своей этнической группе и стране более важны для русского этнического большинства, ценящего и поддерживающего традиции, групповые нормы, стабильность и безопасность.

Литература:

- Аккиева С.И. Русские в Кабардино-Балкарии: миграционные установки и этнокультурные потребности // "White Spots" of the Russian and World History. 2013. № 5–6. С. 9–20.
- Григорьев Д.С., Батхина А.А., Дубров Д.И. Ассимиляционизм, мультикультурализм, этнический дальтонизм и поликультурализм в российском контексте // Культурно-историческая психология. 2018. Т. 14. № 2. С. 53–65. doi: 10.17759/chp.2018140206
- Демографические и этнические проблемы Северного Кавказа и пути их решения [Электронный ресурс] // URL: <https://studylib.ru/doc/497069/demograficheskie-i-e-tnicheskie-problemy-severnogo>.
- Дробижева Л.М. Российская и этническая идентичность: противостояние или совместимость // Россия реформирующаяся. 2002. № 2. С. 213–244.
- Лебедева Н.М., Лепшокова З.Х., Галяпина В.Н. Культурно-психологические факторы межпоколенной трансмиссии ценностей у русских на Северном Кавказе // Вопросы психологии. 2016. № 5. С. 47–61.
- Лебедева Н.М. Взаимная аккультурация москвичей и инокультурных мигрантов: социально-психологический анализ // Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России / Под общ. ред. Н.М. Лебедева. М.: РУДН, 2009. С. 64–92.
- Лебедева Н.М. Социально-психологическая аккультурация этнических групп : дисс. ... докт. психол. наук. М., 1997.
- Лебедева Н.М., Тагарко А.Н. Стратегии межкультурного взаимодействия мигрантов и населения России. М.: РУДН, 2009.
- Лепшокова З.Х. (а) Роль межкультурных и монокультурных дружеских контактов во взаимодействии народов Дагестана // Межкультурные отношения на постсоветском пространстве / Под общ. ред. Н.М. Лебедева. М.: Менеджер, 2017. С. 276–298.

Ценности индивидуального фокуса «Открытости изменениям» стали предикторами дружеских контактов с представителями лишь своей национальности. Оказалось, что ценности, выражающиеся в самостоятельности и независимости, а также в открытости новому опыту, поиске новых ощущений, «вкуса жизни» лежат в основе дружбы между русскими, и это характерно как для русского этнического большинства, так и для меньшинства. Ценности индивидуального фокуса, выражающиеся в желании обладать ресурсами и высоким статусом, в стремлении к социальному успеху и власти лежат в основе дружеских отношений с представителями других национальностей лишь у представителей этнического меньшинства.

Резюмируя вышесказанное, можно отметить, что результаты исследования имеют широкий потенциал для дальнейшего теоретического и практического применения. Они расширяют теоретические представления об индивидуальных психологических предикторах отношения к общностям, которые объединяют с представителями своей группы и/или с представителями других групп. Более того, результаты данного исследования могут быть полезны при разработке социально-психологических программ и тренингов, направленных на гармонизацию межэтнических отношений в поликультурных обществах, в которых проживают группы с разным этническим статусом.

Информация о грантах и благодарностях

Работа выполнена при финансовой поддержке Российского научного фонда (проект №19-18-00169 «Влияние цифровизации на социальный капитал и ценности российского общества»).

Acknowledgments

This work was supported by the Russian Science Foundation (project №19-18-00169 "The impact of digitalization on social capital and values of Russian society").

- Лепшокова З.Х. (6) Межкультурные отношения кабардинцев, балкарцев и русских в Кабардино-Балкарской Республике // Межкультурные отношения на постсоветском пространстве / Под общ. ред. Н.М. Лебедева. М.: Менеджер, 2017. С. 156–186.
- Лепшокова З.Х. Стратегии адаптации мигрантов и их психологическое благополучие (на примере Москвы и Северного Кавказа). М. : Грифон, 2012. 192 с. doi: 10.1037/e503532013-001
- Магун В.С., Руднев М.Г., Шмидт П. Европейская ценностная типология и базовые ценности россиян // Вестник общественного мнения. Данные. Анализ. Дискуссии. 2015. Т. 121. № 3–4. С. 74–93.
- Павленко В.Н., Таглин С.А. Общая и прикладная этнопсихология : учеб. пособие. М. : КМК, 2005.
- Тишков В.А. Российская идентичность: внутренние и внешние вызовы // Вестник Российской академии наук. 2019. Т. 89. № 4. С. 408–412. doi: 10.1134/S1019331619020229
- Шварц Ш., Бутенко Т.П., Седова Д.С., Липатова А.С. Уточненная теория базовых индивидуальных ценностей: применение в России // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2012. Т. 9. № 2. С. 43–70.
- Abbinck K., Harris D. (2019). In-group favouritism and out-group discrimination in naturally occurring groups. *PLoS ONE*, 14 (9), [e0221616]. doi: 10.1371/journal.pone.0221616
- Allport G. (1954). *The Nature of Prejudice*. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Balliet D., Wu J., De Dreu C.K.W. (2014). Ingroup favoritism in cooperation: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 140 (6), 1556–1581. doi: <https://doi.org/10.1037/a0037737>
- Bardi A., Jaspal R., Polek E., Schwartz S.H. (2014). *Values and Identity Process Theory: theoretical integration and empirical interactions*. Cambridge University Press. doi: 10.1017/cbo9781139136983.013
- Berry J.W. (2017). Evaluation of the Hypotheses and Conclusions In W. Berry (Eds.), *Mutual intercultural relations* (pp. 353–374). Cambridge: Cambridge University Press.
- Brewer M.B. (1996). When contact is not enough: Social identity and intergroup cooperation. *International Journal of Intercultural Relations*, 20, 291–303. doi: 10.1016/0147-1767(96)00020-X
- Brewer M.B. (1999). The psychology of prejudice: Ingroup love or outgroup hate? *Journal of Social Issues*, 55, 429–444. doi: 10.1111/0022-4537.00126
- Curtis K.A. (2014). Inclusive versus exclusive: A cross-national comparison of the effects of subnational, national, and supranational identity. *European Union Politics*, 15 (4), 521–546 doi: 10.1177/1465116514528058
- Duckitt J., Mphuthing T. (1998). Group identification and intergroup attitudes: A longitudinal analysis in South Africa, *Journal of Personality and Social Psychology*, 74, 8–85. doi: 10.1037/0022-3514.74.1.80
- Gaertner S.L., Guerra R., Rebelo M., Dovidio J.F., Hehman E., Deegan M.P. (2016). The common ingroup identity model and the development of a functional perspective: A cross-national collaboration. In J. Vala, Waldzus S., M. Calheiros (Eds.), *The Social Developmental Construction of Violence and Intergroup Conflict* (pp. 105–120). Springer International Publishing, Switzerland. doi: 10.1007/978-3-319-42727-0_5
- Golec de Zavala A., Lantos D. (2020). Collective narcissism and its social consequences: The bad and the ugly. *Current Directions in Psychological Science*, 29 (3), 273–278. doi: 10.1177/0963721420917703
- Grigoryan L., Schwartz S.H. Values and attitudes towards cultural diversity: Exploring alternative moderators of the value-attitude link. *Group Processes Intergroup Relations*. [Electronic resource] // URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1368430220929077> (accessed 16.02.2021). doi: 10.1177/1368430220929077
- Grigoryev D., van de Vijver F. (2018). Acculturation expectation profiles of Russian majority group members and their intergroup attitudes. *International Journal of Intercultural Relations*, 64 (3), 90–99. doi: 10.1016/j.ijintrel.2018.03.001
- Hayes A.F. (2018). *Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis: A Regression-Based Approach*. New York, NY: Guilford Press.
- Huddy L. (2001). From social to political identity: A critical examination of social identity theory. *Political Psychology*, 22, 127–156. doi: 10.1111/0162-895X.00230
- Lakens D. (2017). Equivalence tests: A practical primer for t tests, correlations, and meta-analyses. *Social Psychological and Personality Science*, 8, 355–362. doi: 10.1177/1948550617697177
- Lebedeva N. Tatarko A. Berry J.W. (2016). Are intercultural contacts dangerous or profitable for person and society? Intercultural relations in Russia and Latvia. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9 (1), 41–56. doi: 10.11621/pir.2016.0103
- Lepshokova Z., Lebedeva N. (2018). The Role of Social Disidentification in Acculturation Preferences of Ethnic Majority and Minority Members in Kabardino-Balkar Republic. In N. Lebedeva, R. Dimitrova, J.W. Berry. (Eds.), *Changing Values and Identities in Post-Communist World* (pp. 313–331). Switzerland: Springer, Ch. 17. doi: 10.1007/978-3-319-72616-8_18
- McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J.M. (2001). Birds of a feather: Homophily in social networks. *Annual Review of Sociology*, 27, 415–444. doi: 10.2307/2678628
- Meleady R., Forder L. (2019). When contact goes wrong: Negative intergroup contact promotes generalized outgroup avoidance. *Group Processes & Intergroup Relations*, 22 (5), 688–707. doi: 10.1177/1368430218761568
- Pettigrew T.F. (1998). Intergroup contact theory. *Annual Review of Psychology*, 49, 65–85. doi: 10.1146/annurev.psych.49.1.65
- Pettigrew T.F., Tropp L.R. (2006). A meta-analytic test of intergroup contact theory. *Journal of Personality and Social Psychology*, 90, 751–783. doi: 10.1037/0022-3514.90.5.751
- Roccas S., Schwartz S.H., Amit A. (2010). Personal Value Priorities and National Identification. *Political Psychology*, 31 (3), 393–419. doi: 10.1111/j.1467-9221.2010.00763.x
- Sagiv L., Schwartz S.H. (1995). Value priorities and readiness for out-group social contact. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69 (3), 437–448. doi: 10.1037/0022-3514.69.3.437
- Schalk-Soekar S.R.G., van de Vijver F.J.R. (2008). The concept of multiculturalism: A study among Dutch majority members. *Journal of Applied Social Psychology*, 38, 2152–2178. doi: 10.1111/j.1559-1816.2008.00385.x

- Schwartz S.H. (2006). A theory of cultural value orientations: Explication and applications. *Comparative Sociology*, 5, 137–182. doi: 10.1163/156913306778667357
- Schwartz S.H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In M.P. Zanna (Eds.), *Advances in experimental social psychology*, 25. (pp. 1–65). Academic Press, New York, NY. doi: 10.1016/S0065-2601(08)60281-6
- Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Ramos A., Verkasalo M., Lönnqvist J.E., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M. (2012). Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 103, 663–688. doi: 10.1037/a0029393
- Simonsen K.B. (2017). Inclusive or Exclusive? How Contact with Host Nationals May Change Immigrants' Boundary Perceptions and Foster Identity Compatibility. *International Migration Review*. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/imre.12356> (date of retrieval 16.02.2021). doi: <https://doi.org/10.1111/imre.12356>
- Tajfel H., Turner J.C. (1986). The social identity theory of intergroup behaviour. In S. Worchel, W. G. Austin (Eds.), *Psychology of Intergroup Relations* (pp. 7–24). Chicago, IL: Nelson-Hall.
- Verkuyten M., Martinovic B. (2012). Social Identity Complexity and Immigrants' Attitude Toward the Host Nation: The Intersection of Ethnic and Religious Group Identification. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 38 (9), 1165–1177. doi: 10.1177/0146167212446164

References:

- Abblink K., Harris D. (2019). In-group favouritism and out-group discrimination in naturally occurring groups. *PLoS ONE*, 14 (9), [e0221616]. doi: 10.1371/journal.pone.0221616
- Akkieva S.I. (2013). The Russians living in the Kabardian-Balkar Republic: migration attitudes and ethno-cultural needs. "Belye pyatna" v rossijskoi i mirovoi istorii ("White Spots" of the Russian and World History), 3 (5–6), 9–20. (In Russ.)
- Allport G. (1954). *The Nature of Prejudice*. Reading, MA: Addison-Wesley.
- Balliet D., Wu J., De Dreu C.K.W. (2014). Ingroup favoritism in cooperation: A meta-analysis. *Psychological Bulletin*, 140 (6), 1556–1581. doi: <https://doi.org/10.1037/a0037737>
- Bardi A., Jaspal R., Polek E., Schwartz S.H. (2014). *Values and Identity Process Theory: theoretical integration and empirical interactions*. Cambridge University Press. doi: 10.1017/cbo9781139136983.013
- Berry J.W. (2017). Evaluation of the Hypotheses and Conclusions In J. W. Berry. In *Mutual intercultural relations* (pp. 353–374). Cambridge: Cambridge University Press.
- Brewer M.B. (1996). When contact is not enough: Social identity and intergroup cooperation. *International Journal of Intercultural Relations*, 20, 291–303. doi: 10.1016/0147-1767(96)00020-X
- Brewer M.B. (1999). The psychology of prejudice: Ingroup love or outgroup hate? *Journal of Social Issues*, 55, 429–444. doi: 10.1111/0022-4537.00126
- Curtis K.A. (2014). Inclusive versus exclusive: A cross-national comparison of the effects of subnational, national, and supranational identity. *European Union Politics*, 15 (4), 521–546 doi: 10.1177/1465116514528058
- Demographic and ethnical problems of the North Caucasus and ways of solving them [Electronic resource]. URL: <https://studylib.ru/doc/497069/demograficheskie-i-etnicheskie-problemy-severnogo> (In Russ.).
- Drobizheva L.M. (2002). Russian and ethnic identity: conflict or compatibility. *Rossiya reformiruyushchayasya (Russia in the course of reforms)*, 2, 213–244. (In Russ.).
- Duckitt J., Mphuthing T. (1998). Group identification and intergroup attitudes: A longitudinal analysis in South Africa, *Journal of Personality and Social Psychology*, 74, 8–85. doi: 10.1037/0022-3514.74.1.80
- Gaertner S.L., Guerra R., Rebelo M., Dovidio J.F., Hehman E., Deegan M.P. (2016). The common ingroup identity model and the development of a functional perspective: A cross-national collaboration. In J. Vala, Waldzus, S., M. Calheiros (Eds.), *The Social Developmental Construction of Violence and Intergroup Conflict* (pp. 105–120). Springer International Publishing, Switzerland. doi: 10.1007/978-3-319-42727-0_5
- Golec de Zavala A., Lantos D. (2020). Collective narcissism and its social consequences: The bad and the ugly. *Current Directions in Psychological Science*, 29 (3), 273–278. doi: 10.1177/0963721420917703
- Grigor'ev D.S., Batkhina A.A., Dubrov D.I. (2018). Assimilationism, multiculturalism, ethnical color blindness and policulturalism in the Russian context. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya (Cultural-historical psychology)*, 14 (2), 53–65. doi: 10.17759/chp.2018140206 (In Russ.).
- Grigoryan L., Schwartz S.H. Values and attitudes towards cultural diversity: Exploring alternative moderators of the value-attitude link. *Group Processes & Intergroup Relations*. [Electronic resource]. URL: <https://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/1368430220929077> (date of retrieval:16.02.2021). doi: 10.1177/1368430220929077
- Grigoryev D., van de Vijver F. (2018). Acculturation expectation profiles of Russian majority group members and their intergroup attitudes. *International Journal of Intercultural Relations*, 64 (3), 90–99. doi: 10.1016/j.ijintrel.2018.03.001
- Hayes A.F. (2018). *Introduction to Mediation, Moderation, and Conditional Process Analysis: A Regression-Based Approach*. New York, NY: Guilford Press.
- Huddy L. (2001). From social to political identity: A critical examination of social identity theory. *Political Psychology*, 22, 127–156. doi: 10.1111/0162-895X.00230
- Lakens D. (2017). Equivalence tests: A practical primer for t tests, correlations, and meta-analyses. *Social Psychological and Personality Science*, 8, 355–362. doi: 10.1177/1948550617697177
- Lebedeva N., Tatarko A., Berry J.W. (2016). Are intercultural contacts dangerous or profitable for person and society? Intercultural relations in Russia and Latvia. *Psychology in Russia: State of the Art*, 9 (1), 41–56. doi: 10.11621/pir.2016.0103

- Lebedeva N.M. (1997). Sotsial'no-psikhologicheskaya akkul'turatsiya etnicheskikh grupp: diss. ... doct. psikhol. nauk. (Social-psychological acculturation of ethnic groups). Doctoral dissertation (Psychology). Moscow. (In Russ.).
- Lebedeva N.M. (2009). Mutual acculturation of people living in Moscow and migrants with a different cultural background: social-psychological analysis. (Eds.), In N.M. Lebedeva *Strategies of intercultural contacts between migrants and Russian population* (pp. 64–92). Moscow: RUDN. (In Russ.).
- Lebedeva N.M., Lepshokova Z.Kh., Galyapina V.N. (2016). Cultural-psychological factors of intergenerational value transmission in the Russians living in the North Caucasus. *Voprosy psikhologii (Issues of psychology)*, 5, 47–61. (In Russ.)
- Lebedeva N.M., Tatarko A.N. (2009). *Strategies of intercultural contacts between migrants and Russian population*. Moscow: RUDN.
- Lepshokova Z.Kh. (2012). Strategies of migrants' adaptation and their psychological well-being (the example of Moscow and North Caucasus). Moscow: Grifon. doi: 10.1037/e503532013-001 (In Russ.).
- Lepshokova Z.Kh. (2017a). The role of intercultural and monocultural friendship in the interaction between peoples of Dagestan. In N.M. Lebedeva (Eds.), *Intercultural relations in post-Soviet regions* (pp. 276–298). Moscow: Menedzher. (In Russ.).
- Lepshokova Z.Kh. (2017b). Inter cultural relations between the Kabardians, the Balkars and the Russians living in the Kabardian-Balkar Republic. (Eds.), In N.M. Lebedeva. *Intercultural relations in post-Soviet regions* (pp. 156–186). Moscow: Menedzher. (In Russ.).
- Lepshokova Z., Lebedeva N. (2018). The Role of Social Disidentification in Acculturation Preferences of Ethnic Majority and Minority Members in Kabardino-Balkar Republic, in: *Changing Values and Identities in Post-Communist World*. (Eds.). In N. Lebedeva, R. Dimitrova, J.W. Berry. (pp. 313–331). Switzerland : Springer,. Ch. 17,..doi: 10.1007/978-3-319-72616-8_18
- Magun V.S., Rudnev M.G., Shmidt P. (2015). European value typology and the Russians' basic values. *Vestnik obshchestvennogo mneniya. Damnye. Analiz. Diskussii (Bulletin of public opinion. Data. Analysis. Discussion)*, 121 (3–4), 74–93. (In Russ.).
- McPherson M., Smith-Lovin L., Cook J.M. (2001). Birds of a feather: Homophily in social networks. *Annual Review of Sociology*, 27, 415–444. doi: 10.2307/2678628
- Meleady R., Forder L. (2019). When contact goes wrong: Negative intergroup contact promotes generalized outgroup avoidance. *Group Processes & Intergroup Relations*, 22 (5), 688–707. doi: 10.1177/1368430218761568
- Pavlenko V.N., Taglin S.A. (2005). General and applied ethnopsychology: study guide. Moscow: KMK. (In Russ.).
- Pettigrew T.F. (1998). Intergroup contact theory. *Annual Review of Psychology*, 49, 65–85. doi: 10.1146/annurev.psych.49.1.65
- Pettigrew T.F., Tropp L.R. (2006). A meta-analytic test of intergroup contact theory. *Journal of Personality and Social Psychology*, 90, 751–783. doi: 10.1037/0022-3514.90.5.751
- Roccas S., Schwartz S.H., Amit A. (2010). Personal Value Priorities and National Identification. *Political Psychology*, 31 (3), 393–419. doi: 10.1111/j.1467-9221.2010.00763.x
- Sagiv L., Schwartz S.H. (1995). Value priorities and readiness for out-group social contact. *Journal of Personality and Social Psychology*, 69 (3), 437–448. doi: 10.1037/0022-3514.69.3.437
- Schalk-Soekar S.R.G., van de Vijver F.J.R. (2008). The concept of multiculturalism: A study among Dutch majority members. *Journal of Applied Social Psychology*, 38, 2152–2178. doi: 10.1111/j.1559-1816.2008.00385.x
- Schwartz S.H. (1992). Universals in the content and structure of values: Theoretical advances and empirical tests in 20 countries. In M.P. Zanna (Eds.), *Advances in experimental social psychology*, 25 (pp. 1–65). Academic Press, New York, NY, doi: 10.1016/S0065-2601(08)60281-6
- Schwartz S.H. (2006). A theory of cultural value orientations: Explication and applications. *Comparative Sociology*, 5, 137–182. doi: 10.1163/156913306778667357
- Schwartz S.H., Cieciuch J., Vecchione M., Davidov E., Fischer R., Beierlein C., Ramos A., Verkasalo M., Lönnqvist J.E., Demirutku K., Dirilen-Gumus O., Konty M. (2012). Refining the theory of basic individual values. *Journal of Personality and Social Psychology*, 103, 663–688. doi: 10.1037/a0029393
- Shvarts Sh., Butenko T.P., Sedova, D.S. Lipatova A.S. (2012). Verified theory of basic individual values: application in Russia. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki (Psychology. Journal of Higher School of Economics)*, 9 (2), 43–70. (In Russ.)
- Simonsen K.B. (2017). Inclusive or Exclusive? How Contact with Host Nationals May Change Immigrants' Boundary Perceptions and Foster Identity Compatibility. *International Migration Review*. URL: <https://onlinelibrary.wiley.com/doi/abs/10.1111/imre.12356> (accessed 16.02.2021). doi: <https://doi.org/10.1111/imre.12356>
- Tajfel H., Turner J.C. (1986). The social identity theory of intergroup behaviour. In S. Worchel, W.G. Austin. *Psychology of Intergroup Relations*. Chicago, IL: Nelson-Hall.
- Tishkov V.A. (2019). Russian identity: internal and external challenges. *Vestnik Rossiiskoi akademii nauk (Bulletin of the Russian Academy of Sciences)*, 89 (4), 408–412. doi: 10.1134/S1019331619020229 (In Russ.).
- Verkuyten M., Martinovic B. (2012). Social Identity Complexity and Immigrants' Attitude Toward the Host Nation: The Intersection of Ethnic and Religious Group Identification. *Personality and Social Psychology Bulletin*, 38 (9), 1165–1177. doi: 10.1177/0146167212446164

Оригинальная статья

УДК 159.922, 159.922.73, 159.9.072
doi: 10.11621/npj.2021.0207

Роль факторов семейного воспитания в формировании интернет-зависимого поведения у подростков

А.Е. Канашов*, Санкт-Петербургский государственный университет, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-7797-1599

А.В. Трусова, Санкт-Петербургский государственный университет, Национальный медицинский исследовательский центр психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева, Санкт-Петербург, Россия
ORCID: 0000-0002-0921-4203

*Для контактов. E-mail: anton.oliver15@gmail.com

Актуальность тематики исследования. Широкое распространение Интернета за последние несколько десятилетий влечет за собой новые проблемы и вызовы. Излишняя поглощенность онлайн-активностью в ущерб личностному и социальному функционированию может приводить к развитию интернет-аддикции (ИА) — относительно нового феномена, варианта нехимической зависимости. Особенно высокий аддиктивный риск в этом отношении отмечается в популяции подростков и молодежи. Характеристики внутрисемейных отношений могут быть как протективным фактором, так и фактором, повышающим уязвимость к формированию интернет-зависимого поведения у подростков.

Цель исследования. Проанализировать особенности восприятия взаимоотношений с родителями у подростков с разным уровнем выраженности интернет-зависимого поведения.

Описание хода исследования. В исследование было включено 1119 участников — пользователей Интернета — 565 девушек и 554 юношей в возрасте от 15 до 18 лет, обучающихся в общеобразовательных учреждениях г. Копейска, Челябинской области.

Результаты исследования. Разделение по итоговому баллу шкалы интернет-аддикции Чена (CIAS) позволило разбить выборку на 3 подгруппы: минимальный (группа 1), умеренный (группа 2) и высокий риск/наличие ИА (группа 3). В сфере восприятия подростками отношений с родителями (шкала «Подростки о родителях», ПоР/ADOR) отмечаются значимые различия: участники с умеренным риском ИА чаще сообщали о враждебности ($p < 0,001$) и непоследовательности ($p < 0,001$) со стороны отца, также характеризовали свою мать как директивную ($p = 0,001$), враждебно настроенную ($p < 0,001$), непоследовательную ($p < 0,001$) и критикующую ($p = 0,010$). Наиболее благополучная группа минимального риска ИА отметила эмоционально близкие отношения с отцом ($p = 0,024$) и матерью ($p = 0,005$), по сравнению с этими участниками подростки с умеренным и высоким риском ИА отличались более высокими показателями непоследовательности ($p < 0,001$) и враждебности ($p = 0,018$) со стороны матери. По результатам корреляционного анализа были выделены следующие существенные взаимосвязи между выраженностью интернет-зависимого поведения и отношения со стороны родителей: «Враждебность» (отец), «Непоследовательность» (отец), «Фактор близости» (отец), «Директивность» (мать), «Враждебность» (мать), «Непоследовательность» (мать), «Фактор близости» (мать), «Фактор критики» (мать). При применении пошаговой линейной регрессии в модели остался только один фактор, вносящий наибольший вклад в развитие интернет-зависимого поведения — «Непоследовательность (со стороны матери)» ($p < 0,001$).

Заключение. Полученные в исследовании данные показывают наличие связи между семейными взаимоотношениями и признаками интернет-зависимого поведения у подростков. Наиболее важными факторами отношения со стороны родителей, связанными с риском ИА у подростков, оказались факторы непоследовательности и враждебности обоих родителей при более значительной роли взаимоотношений с матерью. Полученные данные могут быть использованы при проведении профилактических программ среди школьников и подростков, а также психологического просвещения родителей.

Ключевые слова: интернет-аддикция, подростки, факторы аддиктивного риска, семья, воспитание.

Для цитирования: Канашов А.Е., Трусова А.В. Роль факторов семейного воспитания в формировании интернет-зависимого поведения у подростков // Национальный психологический журнал. 2021. № 2 (42). С. 76–87. doi: 10.11621/npj.2021.0207

Поступила 27 мая 2021 / Принята к публикации 22 июня 2021

The role of family relationships in Internet addiction in adolescents

Anton E. Kanashov*, St. Petersburg State University, St. Petersburg, Russia

ORCID: 0000-0002-7797-1599

Anna V. Trusova, St. Petersburg State University, V.M. Bekhterev National Research Medical Center for Psychiatry and Neurology, St. Petersburg, Russia

ORCID: 0000-0002-0921-4203

*Corresponding author. E-mail: anton.oliver15@gmail.com

Background. The significant expansion of the Internet over the past few decades has led to new public problems. A broad discussion of the development factors of Internet addiction helps to popularize the idea of the existence of an addictive risk, in particular in the adolescent's population. The interpersonal characteristics of adolescents and family members can increase vulnerability to Internet addiction.

Objective. To analyze the characteristics of the family relations of adolescents in groups with different levels of Internet addiction.

Design. The study included 1,119 Internet users – 565 girls and 554 boys between 15 and 18 years of age studying in secondary school in Kopeysk, Chelyabinsk region.

Results. The split of the CIAS scale by final score allowed the sample to be divided into 3 subgroups: minimum, moderate and high risk/availability of IA (Internet addiction). There are significant differences in the way adolescents perceive the pedagogical practices of parents: participants with moderate risk of IA more often reported hostility ($p < 0.001$) and inconsistency ($p < 0.001$) on the part of the father, also characterized their mother as directive ($p = 0.001$), hostile ($p < 0.001$), inconsistent ($p < 0.001$) and critical ($p = 0.010$). The minimum risk group noted a more emotional relationship with the father ($p = 0.024$) and the mother ($p = 0.005$). In comparisons 1 and 3 the results repeated the inter-group differences of the first two groups, but with the exception of criticism, which was not significant. Groups 2 and 3 were distinguished by inconsistency ($p < 0.001$) and hostility ($p = 0.018$) on the part of the mother. Similar results were obtained in the construction of the correlation model. Through step-by-step regression analysis, factors that contribute most to the development of Internet addiction were determined – “Inconsistency (mother)” ($p < 0.001$).

Conclusion. The data show that there are some differences in the way in which parents perceive the pedagogical system in adolescents, with varying levels of Internet addiction.

Keywords: Internet addiction, adolescents, addictive risk factors, family, education.

For citation: Kanashov A.E., Trusova A.V. (2021) The role of family relationships in Internet addiction in adolescents. [Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal], 2 (42), 76–87. doi: 10.11621/npj.2021.0207

Received May 27, 2021 / Accepted for publication: June 22, 2021

Введение

Возрастающее число пользователей глобальной сети Интернет отражает современную реальность — совершенно очевидна необходимость использования Интернета как для рабочей и учебной деятельности, так и для досуговой. Сегодня пользователей Интернета во всем мире насчитывается порядка 4,8 миллиарда человек (<http://www.internetlivestats.com/>; 29.01.2021). При этом у исследователей и практиков в области психического и физического здоровья нарастает озабоченность как количеством времени, которое пользователи уделяют онлайн-активности, так и распространением дезадаптивных поведенческих паттернов, приводящих к формированию интернет-аддикции (ИА).

Понятие интернет-аддикции было введено американским психиатром А. Голдбергом и рассматривалось как «снижение социальной и профессиональной деятельности из-за использования интернета», «фантазии и мечты об интернете». Другой крупный исследователь Кимберли Янг полагает, что зависимость от Интернета — «это широкий термин, обозначающий большое количество проблем поведения и контроля над влечениями» (Егоров, 2018). На сегодняшний день для описания этого феномена наряду с термином интернет-аддикция используются и другие — такие, как нетаголизм, виртуальная аддикция, интернет-поведенческая зависимость, интернет-зависимое поведение, избыточное/патологическое использование интернета, интернетомания и др. (Егоров, Солдаткин, 2020).

Важным аспектом в изучении интернет-зависимого поведения является определение места данного феномена в структуре современного психологиче-

ского знания. В конце прошлого века М. Гриффитс (Griffiths, 1999) выдвинул идею о том, что люди, использующие Интернет чрезмерно много, не являются интернет-аддиктами как таковыми, но с помощью него они поддерживают и удовлетворяют другие зависимости. В отличие от М. Гриффитса, Дж. Кэнделл (Kandell, 1998) выделил интернет-аддикцию как отдельную патологическую зависимость, не связывая её с определенными формами деятельности в Сети. В то же время, как считает М. Гриффитс, если зависимость от Интернета существует действительно, то она затрагивает лишь малый процент пользователей.

Расширяя представление об интернет-аддикции, Р. Дэвис (Davis, 2001) предложил когнитивно-поведенческую схему патологического использования Интернета. Им было охарактеризовано и выделено две основные формы: специфическое патологическое использование Интернета (Specific Pathological Internet Use) и генерализованное патологическое использование Интернета (Generalized Pathological Internet Use). Первая форма основана на реализации специфических форм деятельности в Интернете, таких, как общение, онлайн гемблинг, аукционы и т.д. Вторая форма предполагает неспецифическое использование Интернета, то есть проведение в Сети большого количества времени без осознаваемой цели.

Егоров А.Ю. (Егоров, 2007), соглашаясь с К. Янг и Р. Дэвисом о сложности и неоднозначности структуры интернет-аддикции и поддерживая точку зрения М. Гриффитса, считает, что интернет-зависимое поведение представляет собой сборную группу различных поведенческих зависимостей, где компьютер и Интернет являются лишь средством их реализации, а не объектом. Так, Егоровым было выделено 7 типов интернет-аддикций.

Антон Евгеньевич Канашов —

аспирант факультета психологии Санкт-Петербургского государственного университета, медицинский психолог детского поликлинического отделения № 64 Городской поликлиники № 109

ORCID: 0000-0002-7797-1599

Anton Y. Kanashov —

postgraduate student of the Faculty of Psychology, Saint-Petersburg State University, medical psychologist at Children's polyclinic department №64 of Municipal polyclinic №109

ORCID: 0000-0002-7797-1599

Анна Владимировна Трусова —

кандидат психологических наук, доцент кафедры медицинской психологии и психофизиологии Санкт-Петербургского государственного университета, старший научный сотрудник стационарного отделения лечения больных с аддиктивной патологией, Национального психиатрического исследовательского центра психиатрии и неврологии имени В.М. Бехтерева

ORCID: 0000-0002-0921-4203

Anna V. Trusova —

PhD in Psychology, associate professor at the Department of Medical psychology and Psychophysiology, Saint-Petersburg State University, senior researcher at the Clinic of Addictive pathologies, V.M. Bekhterev National Research Centre of psychiatry and neurology

ORCID: 0000-0002-0921-4203

Несмотря на то, что существует достаточное количество данных о фактах патологического использования Интернета, Д. Морэйхан-Мартин (Гриффитс М., 2009) отмечает, что тема наличия интернет-аддикции противоречива. Существующие на сегодняшний день измерительные инструменты и критерии носят неоднозначный характер. Такая методическая и методологическая диффузность не позволяет ясно оценивать реальную картину, а отсутствие стандартизированных критериев не даёт специалистам из разных стран адекватно сравнивать полученные результаты. Она подчеркивает, что остается большое количество вопросов по определению нозологической принадлежности интернет-аддикции.

Исследовательские данные, охватывающие большое количество стран, показывают, что во всем мире подростки являются наиболее уязвимой группой для развития интернет-аддикции (Nakayama et al., 2017). Современные дети и подростки, растущие в эпоху цифровых технологий, знакомы с Интернетом с самого раннего возраста. Количество часов, проводимых подростками онлайн, неуклонно увеличивается (OECD, 2018). Из-за незрелости мозговых механизмов эмоциональной и поведенческой регуляции, а также в силу специфической пластичности нейроразвития подростков, ИА представляет особую опасность для их психического здоровья и, по всей видимости, может иметь негативные последствия в дальнейшей жизни (Cerniglia et al., 2016).

Подростковый и юношеский возраст всегда находятся в фокусе внимания ученых и специалистов-практиков в области психического здоровья, в том числе психологов. Известно, что возраст начала потребления психоактивных веществ (ПАВ) снизился (Shaw, Black, 2008), а это, в свою очередь, увеличивает риск формирования зависимости и рискованного поведения в последующем, более взрослом возрасте (Odgers et al., 2008; Jordan, Andersen, 2017). Подобную параллель можно провести с использованием Интернета, так как доступ к электронным устройствам может привести к эскалации риска зависимого поведения (Moon et al., 2005). Есть данные о том, что люди, избыточно увлеченные веб-серфингом, демонстрируют такие же психологические эффекты, что и те, кто увлечен азартными играми (Reed et al., 2017). В.Л. Малыгин с соавт. (2018) отмечает, что подростки с интернет-аддикцией и подростки с зависимостью от каннабиоидов имеют определенное сходство по ряду характерологических черт (Малыгин и др., 2018).

Многие зарубежные актуальные исследования показывают, что взаимоотношения подростков с родителями являются одним из определяющих факторов развития ИА (Schneider et al., 2017; Chung et al., 2019). В недавнем исследовании Chung с соавт. было показано, что семейные и социальные факторы в эффективной профилактике ИА имеют не меньшее значение, чем индивидуально-психологические факторы (Chung et al., 2019). Младшие подростки имеют более высокий риск развития ИА, чем подростки старшего возраста, и семейный фактор определяет высокий риск развития ИА наравне с принадлежностью к

мужскому полу и высоким уровнем депрессии (Chen et al., 2020).

Отечественные исследования также подтверждают роль семейных отношений в развитии ИА, но являются относительно немногочисленными (Смирнова, 2013; Богомолова, Бузина, 2018).

Цель исследования — проанализировать особенности восприятия взаимоотношений с родителями у подростков с разным уровнем выраженности интернет-зависимого поведения.

Материалы и методы исследования

Исследование было проведено на базе общеобразовательных учреждений Челябинской области, город Копейск. В исследование включались подростки, достигшие 15 лет и давшие свое добровольное согласие на участие в исследовании. Исследование проводилось в тесном сотрудничестве и при содействии Управления образования администрации Копейского городского округа, г. Копейск, Россия.

Для оценки проявлений интернет-зависимого поведения использовалась шкала интернет-зависимости Чена (Chen Internet Addiction Scale, CIAS) в адаптации В.Л. Малыгина с соавт. (Малыгин и др., 2011). Шкала CIAS включает в себя 5 субшкал: 1) шкала компульсивных симптомов; 2) шкала симптомов отмены; 3) шкала толерантности; 4) шкала внутриличностных проблем и проблем, связанных со здоровьем; 5) шкала управления временем. Помимо общего показателя шкалы CIAS и показателей этих субшкал, подсчитываются вспомогательные интегральные показатели, отражающие ключевые симптомы интернет-зависимости и ее негативные последствия.

Для оценки особенностей восприятия подростками системы воспитательной практики родителей использовалась методика «Подростки о родителях» Э. Матейчек и П. Ржичан (Adolescent o Rodičoch, ADOR) в адаптации Л.И. Вассермана, И.А. Горьковой, Е.Е. Ромицыной (Вассерман и др., 2000).

Математико-статистический анализ данных проводился с помощью Statistical Package for the Social Sciences v.26.0 (IBM SPSS). Переменные, имеющие непрерывный характер распределения, описывались средним и стандартным отклонением $M(\sigma)$, дискретные переменные и упорядоченные данные — медианой, 1–3 квартилями $Me [Q1;Q3]$. Межгрупповое сравнение шкальных оценок осуществлялось при помощи двустороннего двухвыборочного U-критерия Манна–Уитни. Корреляционный анализ данных реализовывался при помощи критерия Спирмена. Использовался пошаговый линейный регрессионный анализ. Нулевые гипотезы отклонялись при $p < 0,05$.

Характеристика выборки

В исследование было включено 1119 участников-пользователей Интернета — 565 девушек (50,5%) и 554 юношей (49,5%). Средний возраст участников

исследования составил 15,9 (0,9) года ($M(\sigma)$). Распределение участников по школьным классам градируется следующим образом: приняли участие в исследовании обучающиеся восьмых классов — 6 человек (0,5%), девярых классов — 592 человека (52,9%), десятых классов — 265 человек (23,7%), одиннадцатых классов — 256 человек (22,9%).

Разделение по итоговому баллу шкалы CIAS позволило разбить выборку на 3 подгруппы — с минимальным уровнем риска интернет-зависимости, умеренным уровнем риска интернет-зависимости, наличие интернет-зависимого поведения. Специальной математической процедуры расчета cut-off критерия не проводилась, основанием разделения внутри общей группы респондентов являлись показатели нормативных интервалов шкалы CIAS авторов русскоязычной адаптации (Малыгин и др., 2011): диапазон 27–42 балла — отсутствие интернет-зависимого поведения; 43–64 балла — склонность к возникновению интернет-зависимого поведения/доаддиктивный этап; 65 баллов и выше — наличие интернет-зависимого поведения.

Таблица 1. Сравнение особенностей оценки отношения со стороны родителей у подростков с минимальным и умеренным риском ИА

Показатель (методика ADOR)	Минимальный риск ИА (N = 349)	Умеренный риск ИА (N = 654)	Статистика различий
	Me [Q1; Q3]	Me [Q1; Q3]	
Позитивный интерес (отец)	12,3 [9,0; 16,0]	12,3 [9,0; 17,0]	U = 112895,0, p = 0,778
Директивность (отец)	8,5 [5,0; 10,0]	8,5 [6,0; 11,0]	U = 106775,5, p = 0,091
Враждебность (отец)	5,0 [2,0; 7,0]	6,1 [3,0; 9,0]	U = 96870,5, p < 0,001***
Автономность (отец)	10,9 [9,0; 13,0]	10,9 [10,0; 13,0]	U = 113497,0, p = 0,886
Непоследовательность (отец)	8,0 [4,0; 9,0]	8,1 [6,0; 11,0]	U = 90052,5, p < 0,001***
Фактор близости (отец)	6,2 [3,0; 13,0]	6,2 [1,7; 12,0]	U = 104299,0, p = 0,024*
Фактор критики (отец)	-2,5 [-6,0; 0,0]	-2,5 [-6,0; 1,0]	U = 106839,5, p = 0,075
Позитивный интерес (мать)	14,0 [11,0; 18,0]	13,7 [10,0; 18,0]	U = 106369,5, p = 0,075
Директивность (мать)	10,0 [6,0; 12,0]	10,2 [8,0; 13,0]	U = 99019,0, p = 0,001***
Враждебность (мать)	5,0 [2,0; 8,0]	6,0 [3,0; 9,2]	U = 97940, p < 0,001***
Автономность (мать)	11,0 [9,0; 13,0]	11,0 [9,0; 13,0]	U = 111901,5, p = 0,610
Непоследовательность (мать)	7,0 [5,0; 10,0]	8,4 [6,0; 11,0]	U = 95637,0, p < 0,001***
Фактор близости (мать)	9,0 [2,5; 15,0]	7,1 [0,7; 14,0]	U = 101748,5, p = 0,005**
Фактор критики (мать)	-0,7 [-5,0; 1,0]	-0,7 [-4,0; 2,0]	U = 102877,0, p = 0,010**

Примечание: Me [Q1; Q3] — медиана, 1–3 квартиль; *** p ≤ 0,001, **p ≤ 0,01, *p ≤ 0,05, двусторонний двухвыборочный U-критерий Манна–Уитни.

Первую группу составили 349 (31,2%) участников — 154 девушки (44,1%) и 195 юношей (55,9%), средний возраст равен 16,1 (0,9) года ($M(\sigma)$). Вторую группу — 654 (58,4%) участников (344 девушки (52,6%) и 310 юношей (47,4%)), средний возраст испытуемых 15,9 (0,9)). Третья группа включает 116 (10,4%) человек (67 девушек (57,8%) и 49 юношей (42,2%) соответственно), средний возраст участников этой группы составил 16,04 (0,80).

Результаты исследования

В сфере восприятия подростками отношения со стороны родителей отмечаются значимые различия в группах с минимальным и умеренным риском развита ИА (табл. 1).

Участники с умеренным риском ИА чаще сообщали о враждебности (p < 0,001) и непоследовательности (p < 0,001) со стороны отца, также характеризовали свою мать как директивную (p = 0,001), враждебно настроенную (p < 0,001), непоследовательную (p < 0,001)

Table 1. Comparison of the evaluation of the parental attitudes in adolescents with minimum and moderate levels of Internet addictive behavior

Variable (ADOR)	Minrisk IA (N = 349)	Modrisk IA (N = 654)	Statistical differences
	Me [Q1; Q3]	Me [Q1; Q3]	
POZ (father)	12.3 [9.0; 16.0]	12.3 [9.0; 17.0]	U = 112895.0, p = 0.778
DIR (father)	8.5 [5.0; 10.0]	8.5 [6.0; 11.0]	U = 106775.5, p = 0.091
HOS (father)	5.0 [2.0; 7.0]	6.1 [3.0; 9.0]	U = 96870.5, p < 0.001***
AUT (father)	10.9 [9.0; 13.0]	10.9 [10.0; 13.0]	U = 113497.0, p = 0.886
NED (father)	8.0 [4.0; 9.0]	8.1 [6.0; 11.0]	U = 90052.5, p < 0.001***
POZ/HOS (father)	6.2 [3.0; 13.0]	6.2 [1.7; 12.0]	U = 104299.0, p = 0.024*
DIR/AUT (father)	-2.5 [-6.0; 0.0]	-2.5 [-6.0; 1.0]	U = 106839.5, p = 0.075
POZ (mother)	14.0 [11.0; 18.0]	13.7 [10.0; 18.0]	U = 106369.5, p = 0.075
DIR (mother)	10.0 [6.0; 12.0]	10.2 [8.0; 13.0]	U = 99019.0, p = 0.001***
HOS (mother)	5.0 [2.0; 8.0]	6.0 [3.0; 9.2]	U = 97940, p < 0.001***
AUT (mother)	11.0 [9.0; 13.0]	11.0 [9.0; 13.0]	U = 111901.5, p = 0.610
NED (mother)	7.0 [5.0; 10.0]	8.4 [6.0; 11.0]	U = 95637.0, p < 0.001***
POZ/HOS (mother)	9.0 [2.5; 15.0]	7.1 [0.7; 14.0]	U = 101748.5, p = 0.005**
DIR/AUT (mother)	-0.7 [-5.0; 1.0]	-0.7 [-4.0; 2.0]	U = 102877.0, p = 0.010**

Note: Me [Q1; Q3] — median, 1–3 quartile; *** p ≤ 0,001, **p ≤ 0,01, *p ≤ 0,05, Mann–Whitney U-criterion.

Таблица 2. Сравнение особенностей оценки отношения со стороны родителей у подростков с минимальным и высоким риском ИА

Показатель (методика ADOR)	Минимальный риск ИА (N = 349)	Высокий риск / наличие ИА (N = 116)	Статистика различий
	Me [Q1; Q3]	Me [Q1; Q3]	
Позитивный интерес (отец)	12,3 [9,0; 16,0]	12,3 [9,0; 16,0]	U = 19931,5, p = 0,804
Директивность (отец)	8,5 [5,0; 10,0]	8,5 [7,0; 12,0]	U = 18190,0, p = 0,100
Враждебность (отец)	5,0 [2,0; 7,0]	6,1 [3,2; 10,0]	U = 15987,0, p = 0,001***
Автономность (отец)	10,9 [9,0; 13,0]	10,9 [10,0; 13,0]	U = 15987,0, p = 0,929
Непоследовательность (отец)	8,0 [4,0; 9,0]	8,1 [7,0; 10,7]	U = 15025,0, p < 0,001***
Фактор близости (отец)	6,2 [3,0; 13,0]	6,2 [1,0; 11,0]	U = 17508,5, p = 0,029*
Фактор критики (отец)	-2,5 [-6,0; 0,0]	-2,5 [-4,7; 1,7]	U = 17962,5, p = 0,068
Позитивный интерес (мать)	14,0 [11,0; 18,0]	14,0 [10,0; 17,0]	U = 19612,0, p = 0,614
Директивность (мать)	10,0 [6,0; 12,0]	10,2 [8,0; 14,0]	U = 16478,5, p = 0,003**
Враждебность (мать)	5,0 [2,0; 8,0]	7,5 [3,0; 11,0]	U = 14913,5, p < 0,001***
Автономность (мать)	11,0 [9,0; 13,0]	11,0 [9,0; 13,0]	U = 20072,5, p = 0,892
Непоследовательность (мать)	7,0 [5,0; 10,0]	10,0 [8,0; 13,0]	U = 13318,5, p < 0,001***
Фактор близости (мать)	9,0 [2,5; 15,0]	6,0 [0,0; 13,0]	U = 16677,5, p = 0,004**
Фактор критики (мать)	-0,7 [-5,0; 1,0]	-0,7 [-4,0; 2,0]	U = 17934,0, p = 0,065

Примечание: Me [Q1; Q3] — медиана, 1–3 квартиль; *** p ≤ 0,001, **p ≤ 0,01, *p ≤ 0,05, двусторонний двухвыборочный U-критерий Манна–Уитни.

и критикующую (p = 0,010). Группа минимального риска отметила более эмоционально близкие отношения с отцом (p = 0,024) и матерью (p = 0,005).

В табл. 2 представлены межгрупповые различия подростков с минимальным и высоким риском ИА.

При межгрупповом анализе данных групп минимального и высокого риска/наличия ИА структура различий фактически полностью повторяет результаты сравнения подростков с минимальным и умеренным риском развития ИА. Однако в данном случае отсутствуют значимые результаты по параметру «Фактор критики» (мать).

В табл. 3 представлены межгрупповые различия подростков с минимальным и высоким риском ИА.

Участники с высоким риском/наличием ИА характеризуют отношение со стороны матери как более враждебное (p = 0,018) и непоследовательное (p < 0,001).

Результаты сравнительного анализа связей интернет-зависимого поведения с факторами личностных характеристик отображены в табл. 4.

Table 2. Comparison of the evaluation of the parental attitudes in adolescents with minimum and high levels of Internet addictive behavior

Variable (ADOR)	MinriskIA (N = 654)	Max riskIA (N = 116)	Statistical differences
	Me [Q1; Q3]	Me [Q1; Q3]	
POZ (father)	12.3 [9.0; 16.0]	12.3 [9.0; 16.0]	U = 19931.5, p = 0.804
DIR (father)	8.5 [5.0; 10.0]	8.5 [7.0; 12.0]	U = 18190.0, p = 0.100
HOS (father)	5.0 [2.0; 7.0]	6.1 [3.2; 10.0]	U = 15987.0, p = 0.001***
AUT (father)	10.9 [9.0; 13.0]	10.9 [10.0; 13.0]	U = 15987.0, p = 0.929
NED (father)	8.0 [4.0; 9.0]	8.1 [7.0; 10.7]	U = 15025.0, p < 0.001***
POZ/HOS (father)	6.2 [3.0; 13.0]	6.2 [1.0; 11.0]	U = 17508.5, p = 0.029*
DIR/AUT (father)	-2.5 [-6.0; 0.0]	-2.5 [-4.7; 1.7]	U = 17962.5, p = 0.068
POZ (mother)	14.0 [11.0; 18.0]	14.0 [10.0; 17.0]	U = 19612.0, p = 0.614
DIR (mother)	10.0 [6.0; 12.0]	10.2 [8.0; 14.0]	U = 16478.5, p = 0.003**
HOS (mother)	5.0 [2.0; 8.0]	7.5 [3.0; 11.0]	U = 14913.5, p < 0.001***
AUT (mother)	11.0 [9.0; 13.0]	11.0 [9.0; 13.0]	U = 20072.5, p = 0.892
NED (mother)	7.0 [5.0; 10.0]	10.0 [8.0; 13.0]	U = 13318.5, p < 0.001***
POZ/HOS (mother)	9.0 [2.5; 15.0]	6.0 [0.0; 13.0]	U = 16677.5, p = 0.004**
DIR/AUT (mother)	-0.7 [-5.0; 1.0]	-0.7 [-4.0; 2.0]	U = 17934.0, p = 0.065

Note: Me [Q1; Q3] — median, 1–3 quartile; *** p ≤ 0,001, **p ≤ 0.01, *p ≤ 0.05, Mann–Whitney U-criterion.

В особенностях восприятия подростками отношения со стороны родителей были исследованы связи с интернет-зависимым поведением. Чем более выражены признаки интернет-зависимого поведения, тем больше подростки склонны воспринимать отношение отца: враждебным (r = 0,123, p < 0,001), непоследовательным (r = 0,162, p < 0,001) и неблизким (r = -0,084, p < 0,001). В восприятии отношения со стороны матери значимы для более выраженного риска ИА: директивность (r = 0,136, p < 0,001), враждебность (r = 0,148, p < 0,001), непоследовательность (r = 0,213, p < 0,001), отсутствие близости (r = -0,093, p < 0,01) и критика (r = 0,097, p = 0,001).

Для оценки факторов, вносящих наиболее значимый вклад в риск развития ИА, была использована простая линейная регрессия. Из модели исключались переменные, которые вносили наименьший вклад в регрессию на соответствующем шаге, что позволило остановиться на такой комбинации переменных, когда коэффициент детерминации еще не наибольший, однако уже все переменные модели являются значи-

Таблица 3. Сравнение особенностей оценки отношения со стороны родителей у подростков с умеренным и высоким риском ИА

Показатель (методика ADOR)	Умеренный риск ИА (N = 654)	Высокий риск / наличие ИА (N = 116)	Статистика различий
	Me [Q1; Q3]	Me [Q1; Q3]	
Позитивный интерес (отец)	12,3 [9,0; 17,0]	12,3 [9,0; 16,0]	U = 36861,0, p = 0,626
Директивность (отец)	8,5 [6,0; 11,0]	8,5 [7,0; 12,0]	U = 36478,0, p = 0,508
Враждебность (отец)	6,1 [3,0; 9,0]	6,1 [3,2; 10,0]	U = 35736,5, p = 0,318
Автономность (отец)	10,9 [10,0; 13,0]	10,9 [10,0; 13,0]	U = 37782,5, p = 0,978
Непоследовательность (отец)	8,1 [6,0; 11,0]	8,1 [7,0; 10,7]	U = 36273,5, p = 0,451
Фактор близости (отец)	6,2 [1,7; 12,0]	6,2 [1,0; 11,0]	U = 36069,0, p = 0,395
Фактор критики (отец)	-2,5 [-6,0; 1,0]	-2,5 [-4,7; 1,7]	U = 36041,5, p = 0,390
Позитивный интерес (мать)	13,7 [10,0; 18,0]	14,0 [10,0; 17,0]	U = 36382,5, p = 0,482
Директивность (мать)	10,2 [8,0; 13,0]	10,2 [8,0; 14,0]	U = 35726,0, p = 0,317
Враждебность (мать)	6,0 [3,0; 9,2]	7,5 [3,0; 11,0]	U = 32710,5, p = 0,018*
Автономность (мать)	11,0 [9,0; 13,0]	11,0 [9,0; 13,0]	U = 37104,5, p = 0,707
Непоследовательность (мать)	8,4 [6,0; 11,0]	10,0 [8,0; 13,0]	U = 30148,0, p < 0,001***
Фактор близости (мать)	7,1 [0,7; 14,0]	6,0 [0,0; 13,0]	U = 35413,5, p = 0,254
Фактор критики (мать)	-0,7 [-4,0; 2,0]	-0,7 [-4,0; 2,0]	U = 37265,0, p = 0,762

Примечание: Me [Q1; Q3] — медиана, 1–3 квартиль; *** p ≤ 0,001, **p ≤ 0,01, *p ≤ 0,05, двусторонний двухвыборочный U-критерий Манна–Уитни.

Таблица 4. Корреляционный анализ связи между выраженностью интернет-зависимого поведения и отношения со стороны родителей

Показатель (методика ADOR)	r-Спирмен	p-уровень
Позитивный интерес (отец)	-0,018	0,558
Директивность (отец)	0,049	0,098
Враждебность (отец)	0,123	<0,001***
Автономность (отец)	0,031	0,306
Непоследовательность (отец)	0,162	<0,001***
Фактор близости (отец)	-0,084	0,005**
Фактор критики (отец)	0,031	0,296
Позитивный интерес (мать)	-0,017	0,561
Директивность (мать)	0,136	<0,001***
Враждебность (мать)	0,148	<0,001***
Автономность (мать)	0,000	0,995
Непоследовательность (мать)	0,213	<0,001***
Фактор близости (мать)	-0,093	0,002**
Фактор критики (мать)	0,097	0,001***

Примечание: r-Спирмена — значение коэффициента корреляции; p — уровень значимости.

Table 3. Comparison of the evaluation of the parental attitudes in adolescents with moderate and high levels of Internet addictive behavior

Variables (ADOR)	ModriskIA (N = 654)	Max riskIA (N = 116)	Statistical differences
	Me [Q1; Q3]	Me [Q1; Q3]	
POZ (father)	12.3 [9.0; 17.0]	12.3 [9.0; 16.0]	U = 36861.0, p = 0.626
DIR (father)	8.5 [6.0; 11.0]	8.5 [7.0; 12.0]	U = 36478.0, p = 0.508
HOS (father)	6.1 [3.0; 9.0]	6.1 [3.2; 10.0]	U = 35736.5, p = 0.318
AUT (father)	10.9 [10.0; 13.0]	10.9 [10.0; 13.0]	U = 37782.5, p = 0.978
NED (father)	8.1 [6.0; 11.0]	8.1 [7.0; 10.7]	U = 36273.5, p = 0.451
POZ/HOS (father)	6.2 [1.7; 12.0]	6.2 [1.0; 11.0]	U = 36069.0, p = 0.395
DIR/AUT (father)	-2.5 [-6.0; 1.0]	-2.5 [-4.7; 1.7]	U = 36041.5, p = 0.390
POZ (mother)	13.7 [10.0; 18.0]	14.0 [10.0; 17.0]	U = 36382.5, p = 0.482
DIR (mother)	10.2 [8.0; 13.0]	10.2 [8.0; 14.0]	U = 35726.0, p = 0.317
HOS (mother)	6.0 [3.0; 9.2]	7.5 [3.0; 11.0]	U = 32710.5, p = 0.018*
AUT (mother)	11.0 [9.0; 13.0]	11.0 [9.0; 13.0]	U = 37104.5, p = 0.707
NED (mother)	8.4 [6.0; 11.0]	10.0 [8.0; 13.0]	U = 30148.0, p < 0.001***
POZ/HOS (mother)	7.1 [0.7; 14.0]	6.0 [0.0; 13.0]	U = 35413.5, p = 0.254
DIR/AUT (mother)	-0.7 [-4.0; 2.0]	-0.7 [-4.0; 2.0]	U = 37265.0, p = 0.762

Note: Me [Q1; Q3] — median, 1–3 quartile; *** p ≤ 0,001, **p ≤ 0,01, *p ≤ 0,05, Mann–Whitney U-criterion.

Table 4. Spearman's correlations between the family factors and IA-behavior

Variables (ADOR)	r-Spearman's	p-
POZ (father)	-0.018	0.558
DIR (father)	0.049	0.098
HOS (father)	0.123	<0.001***
AUT (father)	0.031	0.306
NED (father)	0.162	<0.001***
POZ/HOS (father)	-0.084	0.005**
DIR/AUT (father)	0.031	0.296
POZ (mother)	-0.017	0.561
DIR (mother)	0.136	<0.001***
HOS (mother)	0.148	<0.001***
AUT (mother)	0.000	0.995
NED (mother)	0.213	<0.001***
POZ/HOS (mother)	-0.093	0.002**
DIR/AUT (mother)	0.097	0.001***

Note: r-Spearman's correlations; p — significance level.

мыми. В качестве зависимой переменной был взят общий показатель интернет-зависимого поведения по шкале Чена, в качестве независимых переменных, по результатам корреляционного анализа, — особенности оценки подростками отношения со стороны родителей: «Враждебность» (отец), «Непоследовательность» (отец), «Фактор близости» (отец), «Директивность» (мать), «Враждебность» (мать), «Непоследовательность» (мать), «Фактор близости» (мать), «Фактор критики» (мать), Нулевые гипотезы отклонялись при $p < 0,05$. Результаты отражены в табл. 5.

Таблица 5. Модель пошаговой линейной регрессии (N = 1119, скорректированный R-квадрат 0,185)

Переменные	Стандарти-	t	p-value
	зованные коэффициенты		
Бета			
(Константа)		14,012	0,000
Методика ADOR — Непоследовательность (мать)	0,129	4,641	0,000

Table 5. The linear regression model (N = 1119, corrected R-square 0.185)

Variable	Standardized rates	t	p-value
	Beta		
(Constant)		14.012	0.000
ADOR – NED (mother)	0.129	4.641	0.000

В полученной модели есть только один значимый фактор — непоследовательность со стороны матери.

Обсуждение результатов

В проведенном исследовании на выборке российских школьников, подростков в возрасте 15–18 лет, получены данные, характеризующие роль отношения со стороны родителей для формирования интернет-зависимого поведения в современных условиях широкой доступности и привлекательности онлайн-активности. Подростки с более выраженными проявлениями интернет-зависимого поведения и риска развития ИА соответственно, чаще сообщали о враждебности и непоследовательности в отношении со стороны отца, а также о директивности, враждебности и непоследовательности в отношении со стороны матери. Подростки с минимально выраженными или отсутствующими признаками интернет-зависимого поведения сообщали о более благополучных взаимоотношениях в семье, в частности, об эмоциональной близости с каждым из родителей. Так, подростки с наиболее высоким уровнем выраженности интернет-аддикции стремятся избегать взаимодействия с родителями, предпочитая проводить время онлайн. Отсутствие эмоционально благоприятных отношений, в частности враждебность, непоследовательность со стороны отца и директивность, непоследовательность, критика со стороны матери, способствует по-

вышению аддиктивного риска в подростковом возрасте. Полученные данные соответствуют данным некоторых зарубежных исследований, например, исследования взаимоотношений подростков с родителями как предиктора зависимого поведения (Trumello et al., 2018).

Важность эмоциональной привязанности ребенка к родителям была отмечена в работах Дж. Боулби (Боулби, 2003, 2006). Он отмечает, что качество привязанности к родителям влияет на дальнейший процесс социализации личности. Согласно теории Дж. Боулби (Дж. Боулби, 2003, 2006), при недостаточной эмоциональной привязанности к родителям у ребенка формируется избегающий тип привязанности, характеризующийся неспособностью к самораскрытию и эмоциональной отчужденностью, холодностью. Так, Дж. Боулби пишет, что подростки с ненадежным стилем привязанности характеризуются повышенным девиантным риском (Дж. Боулби, 2003, 2006). В современном отечественном исследовании, было показано, что подростки с ненадежным стилем привязанности характеризовались более высокими показателями девиантного и аддиктивного риска. Вместе с этим такие подростки склонны к преодолению социальных норм, демонстрируют установку на социально одобряемые стили поведения (Жихарева, 2018). Таким образом, наиболее благоприятные эмоциональные отношения с родителями могут являться протективным фактором к развитию девиантных форм поведения, а эмоционально неблагоприятные отношения с родителями (непоследовательные, враждебные, частая критика со стороны родителей и директивность) способствуют эмоциональной отчужденности и поиску социального взаимодействия в Сети. Л.В. Жихарева в своей работе пишет, что деструктивные поведенческие паттерны в подростковом возрасте могут являться специфической формой реализации своих эмоциональных потребностей (Жихарева, 2018).

Результаты корреляционного анализа в нашем исследовании показывают связь выраженности интернет-зависимого поведения и враждебности, непоследовательности со стороны отца, директивности, враждебности, непоследовательности и критики со стороны матери, а также отсутствия близости с обоими родителями. В итоговую модель пошаговой регрессии вошел только фактор непоследовательности в отношении со стороны матери, что соответствует некоторым данным о том, что отношения с матерью играют более важную роль, чем с отцом (Besser, Blatt, 2007; McKinney et al., 2008; Trumello et al., 2018). Таким образом, трудность адаптации подростка к разным воспитательным стилям родителей является наиболее важным фактором в развитии интернет-зависимого поведения. Эмоциональная недоступность матери может негативно отражаться на психологическом благополучии ребенка и, вероятно, может быть ассоциирована аддиктивным риском в старшем возрасте. Однако, есть и другие данные — например, о том связи между зависимостью от онлайн-игр и отношениями с отцом (Teng et al., 2020). При этом сле-

дует отметить, что в этом же исследовании итоговая модель показала более значительную роль отношений привязанности со сверстниками как протективного фактора, но не с родителями (Teng et al., 2020).

Полученные нами результаты согласуются с исследованиями семейных факторов риска ИА, отмечающими в качестве таковых нарушение семейных отношений (Kim, 2016), незаинтересованность и отсутствие эмоциональной поддержки подростка (Trumello et al., 2018). Есть данные о том, что подростки, родители которых проявляли холодность и отсутствие поддержки в отношении ребенка, характеризовались большим риском формирования девиантного поведения, в т.ч. интернет-зависимого поведения (Davis, 2001). В лонгитюдном исследовании было отмечено, что конфликты между родителями и повышенный контроль использования Интернета подростком предсказывали риск формирования интернет-зависимого поведения, особенно среди девушек (Ko et al., 2015). Напротив, при наличии во внутрисемейных отношениях доброжелательности и поддержки по отношению к ребенку подросткового возраста, последний демонстрировал устойчивость к формированию девиаций (Yu and Gamble, 2008; Yu and Gamble, 2009; Yu and Gamble, 2010).

Отечественные исследования в этой области относительно немногочисленны, но также подтверждают роль семейного фактора в риске развития ИА. В исследовании М.А. Богомоловой и Т.С. Бузиной было показано, что у подростков 11–15 лет уровень ИА положительно коррелирует с нарушениями процесса семейного воспитания и наиболее сильная связь наблюдается в области эмоционального принятия-отвержения ребенка родителем и в сфере автономии и контроля за поведением ребенка (Богомолова, Бузина, 2018).

В похожей работе было показано, что несовершеннолетние с высоким уровнем риска ИА чаще сообщают гиперпротекции и чрезмерно высоких требованиях со стороны родительской системы. Дополнительно было отмечено, что родители таких подростков характеризуются неуверенностью и страхом ошибки в воспитательном процессе (Даутова, 2020). Интересно, авторы указанного исследования описывают, что подростки с низким уровнем выраженности интернет-зависимого поведения характеризуют своих родителей непоследовательными в воспитательном процессе, что противоречит нашим данным. Также

важность характеристик семейной среды в отношении риска ИА отмечали в своей работе Ш.Р. Сулейманов и Б.К. Шанназаров (Сулейманов, Шанназаров, 2018).

Существуют отечественные данные, характеризующие подростков с выраженными проявлениями интернет-зависимого поведения как нуждающихся в большей близости с матерью и испытывающих трудности сепарации. Авторы связывают это с повышенной инфантильностью (Смирнова, 2013).

В заключение нам представляется важным отметить, что социальное взаимодействие в сети Интернет зачастую приводит к негативным эмоциональным переживаниям, особенно травматичным для подростков. По данным недавнего российского исследования, в которое были включены среди прочих респондентов 1554 подростка 12–17 лет и 1105 родителей подростков 12–17 лет из 8 федеральных округов РФ, большинство подростков сталкивается с различными видами киберагрессии, при этом родители недостаточно осведомлены о негативном и травматичном опыте детей в интернет-коммуникации и остроте переживания ими таких ситуаций, соответственно, не могут им оказать необходимую психологическую поддержку (Солдатова и др., 2020). Важность семейных взаимоотношений для гармоничного и благополучного развития ребенка известна давно, но в настоящее время мы получаем из совершенно различных областей жизни многочисленные свидетельства того, что характеристики отношений внутри семейной системы могут быть как значимыми протективными факторами, так и факторами риска развития ИА.

Заключение

Полученные в исследовании данные показывают наличие связи между семейными взаимоотношениями и признаками интернет-зависимого поведения у подростков. Наиболее важными факторами отношения со стороны родителей, связанными с риском интернет-аддикции у подростков, оказались факторы непоследовательности и враждебности обоих родителей при более значительной роли отношения со стороны матери. Полученные данные могут быть использованы при проведении профилактических программ среди школьников и подростков, а также психообразования родителей.

Литература:

- Богомолова М.А., Бузина Т.С. Интернет-зависимость: аспекты формирования и возможности психологической коррекции // Медицинская психология в России. 2018. Т. 10, № 2 (49). С. 8.
- Боулби Дж. Привязанность. М.: Гардарики, 2003.
- Боулби Дж. Создание и разрушение эмоциональных связей. М.: Академический Проект, 2006.
- Гриффитс М. Избыточное применение Интернета: онлайн-аддиктивное поведение // Тезисы дистантных зарубежных участников симпозиума «Интернет-зависимость: психологическая природа и динамика развития». 2009. [Электронный ресурс] // URL: <http://www.psy.msu.ru/science/conference/internet/2009/theses.html> (дата обращения 20.01.2021).
- Даутова, Е.В. Взаимосвязь особенностей семейного воспитания и интернет-аддикции у подростков // Вестник социально-гуманитарного образования и науки. 2020. № 1. С. 33–39.
- Егоров, А.Ю. Нехимические зависимости. М.: ГЭОТАР, 2018.

- Егоров А.Ю. Интернет-зависимость: клиничко-диагностические маркеры и подходы к терапии: учебное пособие. М.: РУСАЙНС, 2020.
- Жихарева Л.В. Особенности эмоциональной привязанности у подростков, склонных к девиантной виктимности. Научный результат. Педагогика и психология образования. 2018. Т. 4, вып. 4. doi: 10.18413/2313-8971-2018-4-4-0-9
- Малыгин В.Л., Феклисов К.А., Искандирова А.С., Антоненко А.А., Смирнова Е.А., Хомерики Н.С. Интернет-зависимое поведение. Критерии и методы диагностики. Учебное пособие. М.: МГМСУ. 2011.
- Малыгин В.Л., Меркурьева Ю.А., Шевченко Ю.С., Малыгин Я.В., Пономарева М.В. Сравнительные особенности психологических свойств и социальной адаптации интернет-зависимых подростков и подростков, зависимых от каннабиноидов // Национальный психологический журнал. 2018. № 3 (31). С. 90–97. doi: 10.1162 = 1/npj.2018.0308
- Смирнова Е.А. Особенности семейного воспитания интернет-зависимых подростков // Ярославский педагогический вестник. 2013. Т. II, № 1. С. 246–252.
- Солдатова Г.У., Рассказова Е.И., Чигарькова С.В. Виды киберагрессии: опыт подростков и молодежи // Национальный психологический журнал. 2020. № 2 (38). С. 3–20. doi: 10.11621/npj.2020.0201.
- Сулейманов Ш.Р., Шанназаров Б.К. Факторы риска формирования интернет аддикции. В сборнике Охрана психического здоровья в современном мире: Материалы Научно-практической конференции / Под ред. Д.М. Ивашиненко. Тула: ТГУ, 2018. С. 32–36.
- Besser A., Blatt S.J. (2007). Identity consolidation, internalizing, and externalizing problem behaviors in early adolescence. *Psychoanalytic Psychology*, 24 (1), 126–149. doi: 10.1037/0736-9735.24.1.126
- Cerniglia L., Zoratto F., Cimino S., Laviola G., Ammaniti M., Adriani W. (2017). Internet Addiction in adolescence: *Neurobiological, psychosocial and clinical issues*. *Neurosci. Biobehav*, 76, 174–184. doi: 10.1016/j.neubiorev.2016.12.024
- Chen H.C., Wang J.-Y., Lin Y.-L., Yang S.-Y. (2020). Association of Internet Addiction with Family Functionality, Depression, Self-Efficacy and Self-Esteem among Early Adolescents. *Int. J. Environ. Res. Public Health*, 17, 8820. doi: 10.3390/ijerph17238820.
- Chung T.W.H., Sum S.M.Y., Chan M.W.L. (2019). Adolescent Internet Addiction in Hong Kong: *Prevalence, Psychosocial Correlates, and Prevention*. *Adolescent Health*, 64, 34–43. doi: 10.1016/j.jadohealth.2018.12.016.
- Davis, R.A. (2001). A cognitive-behavioral model of pathological Internet use. *Computers in Human Behavior*, 17 (2), 187–195. doi: 10.1016/S0747-5632(00)00041-8
- Griffiths M.D. (1999). Internet addiction: Internet fuels other addictions. *Student British Medical Journal*, 7, 428–429.
- Jordan C.J., Andersen S.L. (2017). Sensitive periods of substance abuse: Early risk for the transition to dependence. *Developmental Cognitive Neuroscience*, 25, 29–44. doi: 10.1016/j.dcn.2016.10.004
- Kandell J.J. (1998). Internet addiction on campus: The vulnerability of college students, *Cyber. Psychology and Behavior*, 1(1), 11–17.
- Kim M.K. (2016). Relationship of multicultural adolescents' stress, depression, family resilience and internet game addiction. *Journal of the Korea Convergence Society*, 7, 205–210. doi: 10.15207/jkcs.2016.7.1.205
- Ko C.H., Wang P.W., Liu T.L., Yen C.F., Chen C.S., Yen J.Y. (2015). Bidirectional associations between family factors and internet addiction among adolescents in a prospective investigation. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, 69, 192–200. doi: 10.1111/pcn.12204.
- McKinney C., Donnelly R., Renk K. (2008). Perceived parenting, positive and negative perceptions of parents, and late adolescent emotional adjustment. *Child and Adolescent Mental Health*, 13 (2), 66–73. doi: 10.1111/j.1475-3588.2007.00452.x
- Moon Y.I., Koo H.Y., Park H.R. (2005). Scope of Internet Addiction and Predictors of Addiction in Korean Children in Early Elementary School. *Korean J. Child Health Nursing*, 11, 263–272.
- Nakayama, H., Mihara, S., Higuchi, S. (2017). Treatment and risk factors of internet use disorders. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, 71, 492–505. doi: 10.1111/pcn.12493
- Odgers C.L., Caspi A., Nagin D.S., Piquero A.R., Slutske W.S., Milne B.J., Dickson N., Poulton R., Moffitt T.E. (2008). Is It Important to Prevent Early Exposure to Drugs and Alcohol Among Adolescents? *Psychological Science*, 19, 1037–1044. doi: 10.1111/j.1467-9280.2008.02196.x
- OECD. *Children Young People's Mental Health in the Digital Age Shaping the Future*; OECD Publishing: Paris, France, 2018.
- Reed P., Romano M., Re F., Roaro A., Osborne L.A., Viganò C., Truzoli R. (2017). Differential physiological changes following internet exposure in higher and lower problematic internet users. *PLoS ONE*, 12, 1–11. doi: 10.1371/journal.pone.0178480
- Schneider L.A., King D.L., Delfabbro P.H. (2017). Family factors in adolescent problematic Internet gaming: A systematic review. *Journal of Behavioral Addictions*, 6 (3), 321–333. doi: 10.1556/2006.6.2017.035
- Shaw M., Black D.W. (2008). Internet addiction: Definition, assessment, epidemiology and clinical management. *CNS Drugs*, 22 (5), 353. doi: 10.2165/00023210-200822050-00001
- Teng Z., Griffiths M., Nie Q., Xiang G., Guo C. (2020). Parent-adolescent attachment and peer attachment associated with Internet Gaming Disorder: A longitudinal study of first-year undergraduate students. *Journal of Behavioral Addictions*, 9 (1), 116–128. doi: 10.1556/2006.2020.00011
- Trumello C., Babore A., Candelori C., Morelli M., Bianchi D. (2018). Relationship with parents, emotion regulation, and callous-unemotional traits in adolescents' Internet addiction. *BioMed Research International*, 2018, 1–10. doi: 10.1155/2018/7914261.
- Yu J.J., Gamble W.C. (2008). Familial correlates of overt and relational aggression between young adolescent siblings. *Journal of Youth and Adolescence*, 37 (6), 655–673. doi: 10.1007/s10964-007-9208-0
- Yu J.J., Gamble W.C. (2009). Adolescent relations with their mothers, siblings, and peers: An exploration of the roles of maternal and adolescent self-criticism. *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*, 38 (5), 672–683. doi: 10.1080/15374410903103528.
- Yu J.J., Gamble W.C. (2010). Direct and moderating effects of social affordances on school involvement and delinquency among young adolescents. *Journal of Research on Adolescence*, 20 (4), 811–824. doi: 10.1111/j.1532-7795.2010.00669.x

References:

- Besser A., Blatt S.J. (2007). Identity consolidation, internalizing, and externalizing problem behaviors in early adolescence. *Psychoanalytic Psychology*, 24 (1), 126–149. doi: 10.1037/0736-9735.24.1.126
- Bogomolova M.A., Buzina T.S. (2018). Internet addiction: aspects of the formation and possibilities of psychological correction. *Medicinskaya psichologiya v Rossii (Medical psychology in Russia)*, 10 (2), 8.
- Bowlby J. (2003). *Affection*. M: Gardariki, 477.
- Bowlby J. (2006). *Creation and destruction of emotional connections*. Moscow: Academic Project, 131.
- Cerniglia L., Zoratto F., Cimino S., Laviola G., Ammaniti M., Adriani W. (2017). Internet Addiction in adolescence: Neurobiological, psychosocial and clinical issues. *Neurosci. Biobehav*, 76, 174–184. doi: 10.1016/j.neubiorev.2016.12.024.
- Chen H.C., Wang J.-Y., Lin Y.-L., Yang S.-Y. (2020). Association of Internet Addiction with Family Functionality, Depression, Self-Efficacy and Self-Esteem among Early Adolescents. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17, 8820. doi: 10.3390/ijerph17238820
- Chung T.W.H., Sum S.M.Y., Chan M.W.L. (2019). Adolescent Internet Addiction in Hong Kong: Prevalence, Psychosocial Correlates, and Prevention. *Adolescent Health*, 64, 34–43. doi: 10.1016/j.jadohealth.2018.12.016
- Dautova E.V. (2020). Interrelation of the peculiarities of family education and Internet addiction in adolescents. *Vestnik social'no-gumanitarnogo obrazovaniya i nauki (Bulletin of social and humanitarian education and science)*, 1, 33–39.
- Davis R.A. (2001). A cognitive-behavioral model of pathological Internet use. *Computers in Human Behavior*, 17 (2), 187–195. doi: 10.1016/s0747-5632(00)00041-8.
- Egorov A.Yu. (2018). *Non-chemical dependencies*. Moscow: GEOTAR.
- Egorov A.Yu. (2020). *Internet addiction: clinical and diagnostic markers and approaches to therapy: a textbook*. Moscow: RUSAYNS, 254.
- Griffiths M.D. (1999). Internet addiction: Internet fuels other addictions. *Student British Medical Journal*, 7, 428–429.
- Griffiths M. Overuse of the Internet: Online Addictive Behavior. Abstracts of distant foreign participants of the symposium «Internet addiction: psychological nature and dynamics of development». 2009. (Retrieved from <http://www.psy.msu.ru/science/conference/internet/2009/theses.html> (review date: 20.01.2021).
- Jordan C.J., Andersen S.L. (2017). Sensitive periods of substance abuse: Early risk for the transition to dependence. *Developmental Cognitive Neuroscience*, 25, 29–44. doi: 10.1016/j.dcn.2016.10.004
- Kandell J.J. (1998). Internet addiction on campus: The vulnerability of college students, Cyber. *Psychology and Behavior*, 1 (1), 11–17.
- Kim M.K. (2016). Relationship of multicultural adolescents' stress, depression, family resilience and internet game addiction. *Journal of the Korea Convergence Society*, 7, 205–210. doi: 10.15207/jkcs.2016.7.1.205
- Ko C.H., Wang P.W., Liu T.L., Yen C.F., Chen C.S., Yen J.Y. (2015). Bidirectional associations between family factors and internet addiction among adolescents in a prospective investigation. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, 69, 192–200. doi: 10.1111/pcn.12204.
- Malygin V.L., Feklisov K.A., Iskandirova A.S., Antonenko A.A., Smirnova E.A., Khomeriki N.S. (2011). Internet addicted behavior. Diagnostic criteria and methods, 32. Moscow: MGMSU.
- Malygin V.L., Merkurieva Yu.A., Shevchenko Yu.S., Malygin Ya.V., Ponomareva M.V. (2018). Comparative features of psychological properties and social adaptation of Internet-addicted adolescents and adolescents addicted to cannabinoids. *Nacional'nyj psihologicheskij (National Psychological Journal)*, 3 (31), 90–97. doi: 10.1162 = 1/npj.2018.0308
- McKinney C., Donnelly R., Renk K. (2008). Perceived parenting, positive and negative perceptions of parents, and late adolescent emotional adjustment. *Child and Adolescent Mental Health*, 13 (2), 66–73. doi: 10.1111/j.1475-3588.2007.00452.x
- Moon Y.I., Koo H.Y., Park H.R. (2005). Scope of Internet Addiction and Predictors of Addiction in Korean Children in Early Elementary School. *Korean J. Child Health Nursing*, 11, 263–272.
- Nakayama H., Mihara S., Higuchi S. (2017). Treatment and risk factors of internet use disorders. *Psychiatry and Clinical Neurosciences*, 71, 492–505. doi: 10.1111/pcn.12493
- Oggers C.L., Caspi A., Nagin D.S., Piquero A.R., Slutske W.S., Milne B.J., Dickson N., Poulton R., Moffitt T.E. (2008). Is It Important to Prevent Early Exposure to Drugs and Alcohol Among Adolescents? *Psychological Science*, 19, 1037–1044. doi: 10.1111/j.1467-9280.2008.02196.x
- OECD. *Children & Young People's Mental Health in the Digital Age Shaping the Future*; OECD Publishing: Paris, France, 2018.
- Reed P., Romano M., Re F., Roaro A., Osborne L.A., Viganò C., Truzoli R. (2017). Differential physiological changes following internet exposure in higher and lower problematic internet users. *PLoS ONE*, 12, 1–11. doi: 10.1371/journal.pone.0178480
- Schneider L.A., King D.L., Delfabbro P.H. (2017). Family factors in adolescent problematic Internet gaming: A systematic review. *Journal of Behavioral Addictions*, 6 (3), 321–333. doi: 10.1556/2006.6.2017.035
- Shaw M., Black D.W. (2008). Internet addiction: Definition, assessment, epidemiology and clinical management. *CNS Drugs*, 22 (5), 353. doi: 10.2165/00023210-200822050-00001
- Smirnova E.A. (2013). Features of family education of Internet-addicted adolescents. *Yaroslavskij pedagogicheskij vestnik (Yaroslavl Pedagogical Bulletin)*, 1 (2), 246–252.
- Soldatova G.U., Rasskazova E.I., Chigarkova S.V. (2020). Types of cyber aggression: the experience of adolescents and youth. *Nacional'nyj psihologicheskij zhurnal (National Psychological Journal)*, 2 (38), 3–20. doi: 10.11621 / npj.2020.0201
- Suleymanov Sh.R. (2018). Risk factors for the formation of Internet addiction. *Ohrana psihicheskogo zdorov'ja v sovremennoy mire: Materialy Nauchno-prakticheskoy konferencii (Mental health care in the modern world: materials of a scientific and practical conference)*, 32–36.
- Teng Z., Griffiths M., Nie Q., Xiang G., Guo C. (2020). Parent-adolescent attachment and peer attachment associated with Internet Gaming Disorder: A longitudinal study of first-year undergraduate students. *Journal of Behavioral Addictions*, 9 (1), 116–128. doi: 10.1556/2006.2020.00011

- Trumello C., Babore A., Candelori C., Morelli M., Bianchi D. (2018). Relationship with parents, emotion regulation, and callous-unemotional traits in adolescents' Internet addiction. *BioMed Research International*, 2018, 1–10. doi: 10.1155/2018/7914261
- Yu J.J., Gamble W.C. (2008). Familial correlates of overt and relational aggression between young adolescent siblings. *Journal of Youth and Adolescence*, 37 (6), 655–673. doi: 10.1007/s10964-007-9208-0
- Yu J. J., Gamble W.C. (2009). Adolescent relations with their mothers, siblings, and peers: An exploration of the roles of maternal and adolescent self-criticism. *Journal of Clinical Child & Adolescent Psychology*, 38 (5), 672–683. doi: 10.1080/15374410903103528
- Yu J.J., Gamble W.C. (2010). Direct and moderating effects of social affordances on school involvement and delinquency among young adolescents. *Journal of Research on Adolescence*, 20 (4), 811–824. doi: 10.1111/j.1532-7795.2010.00669.x
- Zhikhareva L.V. (2018). Features of emotional attachment in adolescents prone to deviant victimization. Scientific result. *Pedagogy and Psychology of Education*, 4 (4). doi: 10.18413 / 2313-8971-2018-4-4-0-9

Оригинальная статья

УДК 159.922.6, 159.9.07, 616.89-008.454
doi: 10.11621/npj.2021.0208

Психологические предикторы апатии в средней и поздней взрослости

А.А. Золотарева*, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-5724-2882

П.А. Аверина, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-7549-9024

А.Л. Тимошина, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва, Россия
ORCID: 0000-0002-0706-802X

*Для контактов. E-mail: azolotareva@hse.ru

Актуальность. Апатия является одним из наиболее распространенных симптомов взрослых людей, однако ее психологические предикторы до сих пор мало изучены.

Цель. Изучение психологических предикторов апатии в средней и поздней взрослости.

Описание хода исследования. В исследовании приняли участие 188 респондентов в возрасте от 50 до 83 лет. Исследование носило кросс-секционный характер. Потенциальные предикторы апатии (депрессия, субъективная витальность, субъективное переживание счастья и удовлетворенность жизнью) были оценены с помощью множественного регрессионного анализа. Диагностическая батарея содержала шкалу апатии А.А. Золотаревой, а также русскоязычные версии Гериатрической шкалы депрессии (Geriatric Depression Scale-Short Form), шкалы субъективной витальности (Subjective Vitality Scale), шкалы субъективного счастья (Subjective Happiness Scale), шкалы удовлетворенности жизнью (Satisfaction With Life Scale) и шкалы удовлетворенности жизнью для «третьего возраста» (Life Satisfaction Index for the Third Age-Short Form).

Результаты исследования. Множественный регрессионный анализ показал, что субъективная витальность является негативным специфическим предиктором апатии в средней взрослости, а депрессия является позитивным универсальным предиктором апатии как в средней, так и в поздней взрослости.

Заключение. Результаты настоящего исследования могут быть использованы в практике российской гериатрической психологии для превенции апатии у лиц с депрессивными симптомами и низким уровнем субъективной витальности.

Ключевые слова: апатия, депрессия, субъективная витальность, средняя взрослость, поздняя взрослость.

Для цитирования: Золотарева А.А., Аверина П.А., Тимошина А.Л. Психологические предикторы апатии в средней и поздней взрослости // Национальный психологический журнал. 2021. № 2 (42). С. 88–97. doi: 10.11621/npj.2021.0208

Поступила 15 мая 2021 / Принята к публикации: 3 июня 2021

Psychological predictors of apathy in the middle and late adulthood

Alena A. Zolotareva*, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-5724-2882

Polina A. Averina, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-7549-9024

Anastasiia L. Timoshina, National Research University Higher School of Economics, Moscow, Russia

ORCID: 0000-0002-0706-802X

*Corresponding author. E-mail: azolotareva@hse.ru

Background. Apathy is one of the most common symptoms in the adulthood, however, its psychological predictors are still poorly understood.

Objective. This study was aimed to examine the psychological predictors of apathy in the middle and late adulthood.

Design. The sample consisted of 188 participants aged 50 to 83 years. This study is cross-sectional. Potential predictors of apathy (i.e., depression, subjective vitality, subjective happiness and satisfaction with life) were evaluated using multiple regression analysis. The diagnostic battery included the Zolotareva's Apathy Scale and Russian-language versions of the Geriatric Depression Scale (GDS-SF), Subjective Vitality Scale (SVS), Subjective Happiness Scale (SHS), Satisfaction With Life Scale (SWLS), and Satisfaction Index for the Third Age-Short Form (LSITA-SF).

Results. Multiple regression analysis has shown that subjective vitality is a negative specific predictor of apathy in the middle adulthood, and depression is a positive universal predictor of apathy in both middle and late adulthood.

Conclusion. The findings can be used in the Russian gerontopsychology to prevent apathy in persons with depressive symptoms and a low level of subjective vitality.

Keywords: apathy, depression, subjective vitality, middle adulthood, late adulthood.

For citation: Zolotareva A.A., Averina P.A., Timoshina A.L. (2021). Psychological predictors of apathy in the middle and late adulthood. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskii zhurnal], 2 (42), 88–97. doi: 10.11621/npj.2021.0208

Received May 15, 2021 / Accepted for publication June 3, 2021

Введение

Стремительный рост исследований, связанных с проблемами старения, привел к формированию новой научной специальности геронтопсихологии. Традиционно предметом интереса исследователей были естественные ограничения, связанные с упадком физических и психологических возможностей в пожилом возрасте. Российский психолог А.Г. Лидерс писал о том, что эпоха старости связана с неизбежными утратами — люди пожилого возраста теряют работу, потому что уходят на пенсию, перестают быть детьми, потому что хоронят своих родителей, перестают быть родителями, потому что их дети строят свои семьи, теряют прежнюю физическую и сексуальную активность, а также сталкиваются с осознанием близости и неизбежности смерти (Лидерс, 2000).

Позже психологические особенности старения стали рассматриваться специалистами в контексте

некоторых позитивных ресурсов и траекторий личностного развития, доступных только для пожилого возраста.

Так, О.Ю. Стрижицкая описала эффективное старение как характеризующееся сохранением активной жизненной позиции, включенностью в повседневную общественную деятельность, ориентацией на внутренние представления и стремлением к реализации личных интересов и потребностей (Стрижицкая, 2017а). Среди субъективных факторов благополучного старения российские исследователи выделили успешное социальное взаимодействие (Мелехин, 2015), эффективное совладание с психотравмирующими жизненными событиями, а также гибкую субъективную возрастную идентичность, предполагающую позитивное самовосприятие возраста в терминах психологического, психического и физического здоровья и способность оценивать себя моложе своего фактического возраста (Сергиенко, Харламенкова, 2018).

Алена Анатольевна Золотарева — кандидат психологических наук, старший преподаватель Департамента психологии, научный сотрудник международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ORCID: 0000-0002-5724-2882

Alena A. Zolotareva — PhD in Psychology, senior lecturer at the Department of Psychology, researcher at the Laboratory of Positive psychology of personality and motivation, National Research University Higher School of Economics

ORCID: 0000-0002-5724-2882

Полина Андреевна Аверина — приглашенный преподаватель Департамента психологии, стажер-исследователь международной лаборатории позитивной психологии личности и мотивации Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ORCID: 0000-0002-7549-9024

Polina A. Averina — guest lecturer at the Department of Psychology, intern researcher at the Laboratory of Positive psychology of personality and motivation, National Research University Higher School of Economics

ORCID: 0000-0002-7549-9024

Анастасия Леонидовна Тимошина — студентка Департамента психологии Национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»

ORCID: 0000-0002-0706-802X

Anastasia L. Timoshina — student of the Department of Psychology, National Research University Higher School of Economics

ORCID: 0000-0002-0706-802X

Таким образом, старение может развиваться как по негативному, так и по позитивному сценарию. Е.Е. Сапогова назвала отношение к смерти ключевым фактором определения сценария старости: при негативном сценарии пожилой человек испытывает страх смерти и совершает попытки избавиться от мыслей о приближающемся конце жизни, тогда как при позитивном сценарии пожилой человек признает факт усталости от жизни и переживает чувство завершенности (Сапогова, 2011).

Психологическое благополучие в пожилом возрасте во многом зависит от эмоциональных переживаний, которые могут либо наполнять пожилого человека ресурсами, либо опустошать его и приводить к состоянию апатии (Стрижицкая, 20176).

Действительно, эпидемиологические исследования указали на то, что одним из наиболее распространенных симптомов в пожилом возрасте является апатия, проявляющаяся в снижении или полной утрате мотивации и наблюдающаяся у 6–49% пожилых условно здоровых респондентов, а также у 14–60% пожилых лиц с болезнью Паркинсона и болезнью Альцгеймера (Montoya-Murillo, et al., 2019). Нередко апатию в пожилом возрасте сопровождают такие дисфункциональные симптомы и состояния, как депрессия, ангедония, чувство безнадежности, социальная замкнутость и эмоциональная отстраненность (Ishii et al., 2009). При этом исследователи активно изучали негативные, но не позитивные психологические характеристики, предсказывающие апатию в пожилом возрасте.

Проведение исследования

Целью настоящего исследования стало изучение психологических предикторов апатии в средней и поздней взрослости¹.

Клинические и популяционные исследования показали, что апатия негативно связана с удовлетворенностью значимой деятельностью в пожилом возрасте, а также ведет к снижению субъективной витальности и личного благополучия (Maruta et al., 2021; Shamsalinia et al., 2021). В настоящем исследовании в качестве психологических предикторов апатии помимо депрессии и субъективной витальности, уже связанных с апатией в работах эмпирического характера, будут впервые изучены субъективные переживания счастья и удовлетворенности жизнью. Будучи индикаторами психологического благополучия, они тесно связаны с депрессией и тревожностью, полиморбидностью, бессонницей и физической инактивностью в пожилом возрасте (Won et al., 2020).

¹ За основу возрастной дифференциации нами была взята традиционная для геронтопсихологических исследований и поддержанная Всемирной организацией здравоохранения классификация, в соответствии с которой период взрослости может быть разделен на среднюю взрослость (возраст до 65 лет) и позднюю взрослость (возраст 65 и более лет) (Lin et al., 2020; Medley, 1980; World Health Organization, 2001).

Методика

Выборка исследования. К участию в исследовании были приглашены респонденты 50 лет и старше. Ссылка на анкету была распространена с помощью объявлений в социальных сетях и поликлиниках г. Москвы.

В исследовании приняли участие 188 респондентов, в том числе 52 мужчины и 136 женщин в возрасте от 50 до 83 лет ($M = 61,59$, $MD = 60$, $SD = 7,89$). Среди них большинство отметили наличие партнера ($n = 102$) и детей ($n = 136$), 43 респондента указали на неполное среднее или среднее общее образование, 113 — на среднее профессиональное или высшее образование и 32 — на два и более высших образования и/или ученую степень кандидата или доктора наук. Распределение по уровню социальной активности было следующим: 82 респондента отметили, что работают / работают на пенсии, 67 ответили, что не работают, вышли на пенсию, и 55 отметили, что не работают и не вышли на пенсию. Характеристика участников исследования в зависимости от возраста представлена в табл. 1.

Методы исследования. Участники исследования заполнили анкету, состоящую из блока социально-демографических вопросов, а также следующих диагностических инструментов:

Таблица 1. Социально-демографические характеристики респондентов

Социально-демографические характеристики	Респонденты в возрасте до 65 лет, $n = 123$ (65,4%)	Респонденты в возрасте 65 и старше лет, $n = 65$ (34,6%)
Пол		
мужской, n (%)	31 (25,2)	21 (32,3)
женский, n (%)	92 (74,8)	44 (67,7)
Семейное положение		
есть партнер, n (%)	76 (61,8)	26 (40,0)
нет партнера, n (%)	47 (38,2)	39 (60,0)
Наличие детей		
есть дети, n (%)	95 (77,2)	41 (63,1)
нет детей, n (%)	28 (22,8)	24 (36,9)
Образование		
неполное среднее / среднее общее, n (%)	16 (13,0)	27 (41,5)
среднее профессиональное / высшее, n (%)	84 (68,3)	29 (44,6)
два и более высших / ученая степень, n (%)	23 (18,7)	9 (13,9)
Социальная активность		
работающий / работающий на пенсии, n (%)	73 (59,3)	9 (13,9)
неработающий, вышедший на пенсию, n (%)	28 (22,8)	39 (60,0)
неработающий, не вышедший на пенсию, n (%)	22 (17,9)	17 (26,1)

Table 1. The respondents' social-demographic characteristics

Социально-демографические характеристики	Respondents aged up to 65, n = 123 (65,4%)	Respondents aged 65+, n = 65 (34,6%)
Gender		
male, n (%)	31 (25.2)	21 (32.3)
female, n (%)	92 (74.8)	44 (67.7)
Family status		
with partner, n (%)	76 (61.8)	26 (40.0)
no partner, n (%)	47 (38.2)	39 (60.0)
Having children		
with children, n (%)	95 (77.2)	41 (63.1)
no children, n (%)	28 (22.8)	24 (36.9)
Education		
incomplete secondary / high school education, n (%)	16 (13.0)	27 (41.5)
upper secondary / higher education, n (%)	84 (68.3)	29 (44.6)
two or more degrees / PhD, n (%)	23 (18.7)	9 (13.9)
Social life		
employed / working pensioner, n (%)	73 (59.3)	9 (13.9)
unemployed, pensioner, n (%)	28 (22.8)	39 (60.0)
unemployed, not pensioner, n (%)	22 (17.9)	17 (26.1)

1. Шкала апатии А.А. Золотаревой предназначена для диагностика апатии как психического состояния, характеризующегося безразличием и равнодушием по отношению к себе, другим и миру. Шкала содержит 12 тестовых пунктов и фиксирует единый показатель апатии (например, «Иногда я не чувствую вкус жизни») (Золотарева, 2020).

2. Краткая форма Гериастрической шкалы депрессии Дж. Шейха и Дж. Йесаважа (*Geriatric Depression Scale-Short Form, GDS-SF*) в адаптации В.С. Остапенко. Шкала включает 15 вопросов для оценки клинически значимой депрессии у лиц старше 50 лет (например, «Вы чувствуете себя беспомощным?») (Остапенко, 2017; Sheikh, Yesavage, 1986).

3. Шкала субъективной витальности Р. Райана и К. Фредерик (*Subjective Vitality Scale, SVS*) в адаптации Л.А. Александровой и Д.А. Леонтьева. В настоящем исследовании была использована форма шкалы Vt-S, включающая 7 тестовых пунктов для оценки субъективной витальности как переживания наполненности жизненной энергией (например, «В данный момент я полон энергии и решимости») (Александрова, 2014; Ryan, Frederick, 1997).

4. Шкала субъективного счастья С. Любомирски (*Subjective Happiness Scale, SHS*) в адаптации Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева. Шкала включает 4 тестовых пункта для оценки общего уровня психологического благополучия (Осин, Леонтьев, 2020; Diener, 1984).

5. Шкала удовлетворенности жизнью Э. Динера (*Satisfaction With Life Scale, SWLS*) в адаптации Е.Н. Осина и Д.А. Леонтьева. Шкала содержит 5 тестовых пунктов для оценки соответствия жизненных обстоя-

тельств ожиданиям респондента (Осин, Леонтьев, 2020; Lyubomirsky, Lepper, 1999).

6. Краткая форма Индекса удовлетворенности жизнью для «третьего возраста» (*Life Satisfaction Index for the Third Age-Short Form; LSITA-SF*) Э. Барретта в переводе А.А. Золотаревой. Шкала содержит 12 тестовых пунктов для оценки интегрального показателя субъективной удовлетворенности жизнью у лиц старше 50 лет (например, «Я счастлив так же, как и в молодости») (Barrett, Murk, 2010).

Анализ данных. Для анализа социально-демографических и психологических характеристик респондентов была использована описательная статистика и расчет размеров эффекта d-Коэна. Эмпирические данные полностью соответствовали допущениям множественного регрессионного анализа, с помощью которого были оценены психологические предикторы апатии в средней и поздней взрослости (Alexoroulos, 2010). Все вычисления были произведены в статистическом пакете IBM SPSS version 27 (IBM Corporation, Armonk, NY, USA).

Результаты

Предварительный анализ. Респонденты в возрасте до 65 лет имели более высокие показатели по шкалам апатии, депрессии, субъективной витальности и удовлетворенности жизнью, в то время как респонденты в возрасте 65 и старше лет демонстрировали более высокие показатели субъективного переживания счастья (табл. 2).

Таблица 2. Психологические характеристики респондентов

Социально-демографические характеристики	Респонденты в возрасте до 65 лет	Респонденты в возрасте 65 и старше лет	Различия, размер эффекта d-Коэна
Апатия	6,38 (0,57)	4,74 (0,59)	2,82
Депрессия	3,82 (0,34)	3,29 (0,41)	1,41
Субъективная витальность	8,95 (0,81)	5,30 (0,66)	4,94
Субъективное переживание счастья	4,08 (0,37)	4,51 (0,56)	1,64
Удовлетворенность жизнью (общая)	4,21 (0,38)	4,16 (0,52)	0,11
Удовлетворенность жизнью (в «третьем возрасте»)	9,58 (0,86)	8,35 (1,04)	1,29

Table 2. Psychological characteristics of the respondents

Social-demographic characteristics	Respondents aged up to 65	Respondents aged 65+	Differences, Cohen's d
Apathy	6.38 (0.57)	4.74 (0.59)	2.82
Depression	3.82 (0.34)	3.29 (0.41)	1.41
Subjective vitality	8.95 (0.81)	5.30 (0.66)	4.94
Subjective happiness	4.08 (0.37)	4.51 (0.56)	1.64
Satisfaction with life (general)	4.21 (0.38)	4.16 (0.52)	0.11
Satisfaction with life (in the "third age")	9.58 (0.86)	8.35 (1.04)	1.29

Таблица 3. Психологические предикторы апатии в средней и поздней взрослости

Модель	B	SE	β	t	p
<i>Модель 1: предикторы апатии в средней взрослости</i>					
Депрессия	0,70	0,21	0,42	3,41	0,001
Субъективная витальность	0,20	0,07	-0,28	-2,78	0,006
Субъективное переживание счастья	-0,24	0,18	-0,15	-1,34	0,183
Удовлетворенность жизнью (общая)	0,13	0,15	0,09	0,88	0,378
Удовлетворенность жизнью (в «третьем возрасте»)	0,04	0,10	0,06	0,38	0,704
<i>Модель 2: предикторы апатии в поздней взрослости</i>					
Депрессия	0,64	0,21	0,45	3,13	0,003
Субъективная витальность	-0,10	0,11	-0,11	-0,94	0,350
Субъективное переживание счастья	-0,09	0,14	-0,09	-0,64	0,525
Удовлетворенность жизнью (общая)	-0,16	0,15	-0,14	-1,12	0,266
Удовлетворенность жизнью (в «третьем возрасте»)	-0,01	0,09	-0,02	-0,11	0,909

Примечание: жирным начертание обозначены статистически значимые предикторы.

Table 3. Psychological predictors of apathy in the middle and late adulthood

Model	B	SE	β	t	p
<i>Model 1: predictors of apathy in the middle adulthood</i>					
Depression	0.70	0.21	0.42	3.41	0.001
Subjective vitality	-0.20	0.07	-0.28	-2.78	0.006
Subjective happiness	-0.24	0.18	-0.15	-1.34	0.183
Satisfaction with life (general)	0.13	0.15	0.09	0.88	0.378
Satisfaction with life (in the "third age")	0.04	0.10	0.06	0.38	0.704
<i>Model 2: predictors of apathy in the late adulthood</i>					
Depression	0.64	0.21	0.45	3.13	0.003
Subjective vitality	-0.10	0.11	-0.11	-0.94	0.350
Subjective happiness	-0.09	0.14	-0.09	-0.64	0.525
Satisfaction with life (general)	-0.16	0.15	-0.14	-1.12	0.266
Satisfaction with life (in the "third age")	-0.01	0.09	-0.02	-0.11	0.909

Note: the elements in bold are statistically relevant predictors.

Регрессионный анализ. Для оценки психологических предикторов апатии в средней (до 65 лет) и поздней взрослости (65 и более лет) был проведен множественный регрессионный анализ (табл. 3). Модель 1, в которой оценивались предикторы апатии в средней взрослости, объясняла 41,5% дисперсии апатии и являлась статистически значимой ($F(5,117) = 16,610, p < 0,001$). В ней депрессия ($\beta = 0,42, p = 0,001$) выступала статистически значимым позитивным, а субъективная витальность ($\beta = 0,28, p = 0,006$) — негативным предиктором апатии. Модель 2, в которой оценивались предикторы апатии в поздней взрослости, объясняла

44,7% дисперсии апатии и также являлась статистически значимой ($F(5,59) = 9,540, p < 0,001$). При этом депрессия ($\beta = 0,45, p = 0,003$) выступала единственным позитивным предиктором апатии.

Обсуждение результатов

В настоящем исследовании были обнаружены три эмпирические закономерности. Во-первых, за исключением субъективного переживания счастья, респонденты в возрасте до 65 лет сообщали о более высоких показателях апатии, депрессии, субъективной витальности и удовлетворенности жизнью, чем респонденты в возрасте 65 и старше лет. Во-вторых, субъективная витальность выступила негативным специфическим предиктором апатии в средней взрослости. В-третьих, депрессия выступила позитивным универсальным предиктором апатии в средней и поздней взрослости.

В целом понижение как негативных, так и позитивных психологических характеристик с возрастом может быть объяснено так называемым «эмоциональным парадоксом стареющего мозга» (Mather, 2012). Этот парадокс, подтвержденный в исследовании с применением функциональной магнитно-резонансной томографии, заключается в том, что пожилые люди менее эмоционально реагируют на негативные ситуации, более успешно игнорируют негативные стимулы и запоминают больше позитивной, чем негативной информации, по сравнению с людьми более молодого возраста.

Исключением из этих закономерностей стало повышение уровня субъективного переживания счастья с возрастом. Американский исследователь Д. Бланшфлауэр проанализировал связи между возрастом и субъективным переживанием счастья на данных респондентов из 145 стран мира (Blanchflower, 2021). Он подтвердил, что данная связь имеет U-образную форму с наиболее низким уровнем субъективного счастья примерно в возрасте 50 лет среди респондентов как из развитых, так и из развивающихся стран.

Теоретически связь между апатией и субъективной витальностью в зрелом возрасте вполне обоснована. Субъективная витальность проявляется в энергичности, вовлеченности, позитивной самооценке, умении справляться с жизненными трудностями и, в конце концов, способности достигать и наслаждаться результатами своей деятельности (Westendorp, Schalkwijk, 2014). Эти характеристики прямо противоположны феноменологическим описаниям апатии, которая выражается в эмоциональной бесчувственности и неспособности реагировать на позитивные и негативные жизненные обстоятельства (Seo et al., 2017), а также, по мнению некоторых авторов, в снижении субъективной витальности как жизненной силы и наполненности жизненной энергией (Marin, 1990).

Эмпирически эта связь до сих пор не была изучена в контексте психологии взрослости. Это позволяет нам говорить о том, что настоящее исследование может быть первой работой, доказавшей тот факт, что

высокие показатели субъективной витальности статистически значимо предсказывают низкие показатели апатии в средней взрослости.

Следует отметить, что данная закономерность не была характерна для респондентов в возрасте 65 лет и старше. Этот, на первый взгляд, парадоксальный факт может быть обусловлен тем, что пожилые люди могут проявлять бóльшую субъективную витальность, чем люди среднего возраста, в силу большей мудрости и большего жизненного опыта (Westendorp, Schalkwijk, 2014).

Депрессия является общепризнанным и хорошо изученным предиктором апатии, поэтому не представляется удивительным то, что в настоящем исследовании она предсказывала апатию у респондентов как младше, так и старше 65 лет. В зарубежной практике известно, что у 74,5% лиц пожилого возраста апатия является типичным симптомом депрессии (Groeneweg-Koolhoven et al., 2017). Российские специалисты также подробно описали связи между апатией и депрессией в клинических условиях. Так, у 10,5% пожилых пациентов после церебрального инсульта были обнаружены симптомы апатии, а у 18% — симптомы депрессии при том, что у многих пациентов одновременно присутствовали и те, и другие симптомы (Кутлубаев, Ахмадеева, 2015).

Наконец, необходимо обозначить основные ограничения настоящего исследования и связанные с ними перспективы. Первое ограничение заключается в его кросс-секционном характере, не позволяющем судить о причинно-следственных связях между апатией и психологическим неблагополучием в средней и поздней взрослости. Дальнейшее изучение этих связей предполагает когортные и лонгитюдные исследования, в которых может быть раскрыта динамика апатии и ее психологических и социально-демографических особенностей (Ayers et al., 2017; Brodaty et al., 2010).

Второе ограничение касается процедуры и выборки исследования. Стратегия удобной выборки, а также ограниченное количество респондентов сужают возможности генерализации обнаруженных закономерностей. Соответственно, настоящее исследова-

ние носит скорее пилотажный характер и нуждается в дополнительном наборе данных с помощью методов формирования репрезентативной выборки респондентов.

Заключение

Знание психологических предикторов апатии в зрелом и пожилом возрасте является основой для терапевтических вмешательств, направленных на развитие психологического благополучия как основной характеристики эффективного старения. В последнее время специалисты стали все чаще выбирать нефармакологические методы терапии депрессии в пожилом возрасте, такие как светотерапия, музыкотерапия, физические упражнения, когнитивно-бихевиоральная терапия, гериатрические группы и практики осознанности (Chen et al., 2019; Holvast et al., 2017; Krause et al., 2019). Некоторые из этих практик, а также различные формы досугового образования успешно используются для повышения субъективной витальности в зрелом и пожилом возрасте (Chang, Kao, 2019).

Таким образом, результаты настоящего исследования могут быть использованы в практике российской геронтопсихологии при работе с лицами, сообщающими о депрессивных симптомах и низком уровне субъективной витальности.

Информация о грантах и благодарностях

Исследование выполнено за счет гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых — кандидатов наук (проект № МК-541.2020.6).

Acknowledgments

The research was supported by the grant of the President of the Russian Federation for the state support of young Russian scientists and candidates of sciences (project No. MK-541.2020.6).

Литература:

- Александрова Л.А. Субъективная витальность как предмет исследования // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. Т. 11, № 1. С. 133–163.
- Золотарева А.А. Психометрический анализ новой шкалы апатии // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2020. Т. 17, № 2. С. 191–209. doi: 10.17323/1813-8918-2020-2-191-209
- Кутлубаев М.А., Ахмадеева Л.Р. Симптомы патологической усталости, апатии и депрессии у пациентов после церебрального инсульта // Неврология, нейропсихиатрия, психосоматика. 2015. Т. 7, № 2. С. 16–21. doi: 10.14412/2074-2711-2015-2-16-21
- Лидерс А.Г. Кризис пожилого возраста: гипотеза о его психологическом содержании // Психология зрелости и старения. 2000. № 2. С. 6–11.
- Мелехин А.И. Программа развития модели психического (theory of mind) в поздних возрастах // Клиническая и специальная психология. 2015. Т. 4, № 1. [Электронный ресурс] // URL: <http://psyjournals.ru/psyclin/2015/n1/Milehin.shtml> (дата обращения 01.06.2021)
- Осин Е.Н., Леонтьев Д.А. Краткие русскоязычные шкалы диагностики субъективного благополучия: психометрические характеристики и сравнительный анализ // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. 2020. № 1. С. 117–142. doi: 10.14515/monitoring.2020.1.06
- Остапенко В.С. Распространенность и структура гериатрических синдромов у пациентов амбулаторно-поликлинических учреждений г. Москвы: автореферат дис. ... канд. мед. наук. М., 2017.

- Сапогова Е.Е. Экзистенциально-психологический анализ старости // Культурно-историческая психология. 2011. Т. 3. С. 75–81.
- Сергиенко Е.А., Харламенкова Н.Е. Психологические факторы благополучного старения // Вестник Санкт-Петербургского университета. Психология и педагогика. 2018. Т. 8, вып. 3. С. 243–257. doi: 10.21638/11701/spbu16.2018.303
- Стрижицкая О.Ю. К вопросу об эмпирическом исследовании геротрансценденности // Мир науки. 2017(а). Т. 5, № 6. [Электронный ресурс] // URL: <https://mir-nauki.com/PDF/11PSMN617.pdf>
- Стрижицкая О.Ю. Эмоции и старение: современные парадигмы и актуальные направления // Современная зарубежная психология. 2017(6). Т. 6, № 3. С. 71–76. [Электронный ресурс] // URL: https://psyjournals.ru/files/88408/jmfp_2017_n_3_Strizhitskaya.pdf. doi: 10.17759/jmfp.2017060308
- Alexopoul E.C. (2010). Introduction to multivariate regression analysis. *Hippokratia*, 14, 23–28.
- Ayers E., Shapiro M., Holtzer R., Barzilay N., Milman S., Verghese J. (2017). Symptoms of apathy independently predict incident frailty and disability in community-dwelling older adults. *Journal of Clinical Psychiatry*, 78 (5), e529–e536. doi: 10.4088/JCP15m10113
- Barrett A.J., Murk P.J. (2010). Life Satisfaction Index for the Third Age-Short Form (LSITA-SF): An improved and briefer measure of successful aging. Presented at the Midwest Research-to-Practice Conference in Adult, Continuing, Community and Extension Education, Northeastern Illinois University, Chicago, IL, October 21–23. Obtained online on May 2, 2010 at <http://www.neiu.edu/~hrd/mwr2p09/Papers/Barrett.pdf>. doi: 10.13140/2.1.1937.4085
- Blanchflower D.G. (2021). Is happiness U-shaped everywhere? Age and subjective well-being in 145 countries. *Journal of Population Economics*, 34, 575–624. doi: 10.1007/s00148-020-00797-z
- Brodaty H., Altendorf A., Withall A., Sachdev P. (2010). Do people become more apathetic as they grow older? A longitudinal study in healthy individuals. *International Psychogeriatrics*, 22 (3), 426. doi: 10.1017/S1041610209991335
- Chang L.C., Kao I.C. (2019). Enhancing social support and subjective vitality among older adults through leisure education. *International Psychogeriatrics*, 31 (12), 1839–1840. doi: 10.1017/S1041610219000103
- Chen Y.J., Li X.X., Pan B., Wang B., Jing G.Z., Liu Q.Q., Li Y.F., Bing Z.T., Yang K.H., Han X.M., Ge L. (2021). Non-pharmacological interventions for older adults with depressive symptoms: a network meta-analysis of 35 randomized controlled trials. *Aging and Mental Health*, 25 (5), 773–786. doi: 10.1080/13607863.2019.1704219
- Diener E. (1984). Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 95 (3), 542–575. doi: 10.1037/0033-2909.95.3.542
- Groeneweg-Koolhoven I., Ploeg M., Comijs H.C., Penninx B.W., van der Mast R.C., Schoevers R.A., Rhebergen D., van Exel E. (2017). Apathy in early and late-life depression. *Journal of Affective Disorders*, 223, 76–81. doi: 10.1016/j.jad.2017.07.022
- Holvast F., Massoudi B., Voshar R.C.O., Verhaak P.F.M. (2017). Non-pharmacological treatment for depressed older patients in primary care: A systematic review and meta-analysis. *PLoS One*, 12 (9), e0184666. doi: 10.1371/journal.pone.0184666
- Ishii S., Weingtraub N., Mervis J.R. (2009). Apathy: a common psychiatric syndrome in the elderly. *Journal of the American Medical Directors Association*, 10 (6), 381–393. doi: 10.1016/j.jamda.2009.03.007
- Krause M., Gutmiedl K., Bighelli I., Schneider-Thoma J., Chaimani A., Leucht S. (2019). Efficacy and tolerability of pharmacological and non-pharmacological interventions in older patients with major depressive disorder: A systematic review, pairwise and network meta-analysis. *European Neuropsychopharmacology*, 20 (9), 1003–1022. doi: 10.1016/j.euroneuro.2019.07.130
- Lin Z., Yang R., Li K., Yi G., Li Z., Guo J., Zhang Z., Junxiang P., Liu Y., Oi S., Huang G. (2020). Establishment of age group classification for risk stratification in glioma patients. *BMC Neurology*, 20, 310. doi: 10.1186/s12883-020-01888-w
- Lyubomirsky S., Lepper H.S. (1999). A measure of subjective happiness: Preliminary reliability and construct validation. *Social Indicators Research*, 46 (2), 137–155. doi: 10.1023/a:1006824100041
- Marin R.S. (1990). Differential diagnosis and classification of apathy. *American Journal of Psychiatry*, 147 (1), 22–30. doi: 10.1176/ajp.147.1.22
- Maruta M., Makizako H., Ikeda Y., Miyata H., Nakamura A., Han G., Shimokihara S., Tokuda K., Kubozono T., Ohishi M., Tabira T. (2021). Association between apathy and satisfaction with meaningful activities in older adults with mild cognitive impairment: A population-based cross-sectional study. *International Journal of Geriatric Psychiatry*. doi: 10.1002/gps.5544
- Mather M. (2012). The emotion paradox in the aging brain. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1251 (1), 33–49. doi: 10.1111/j.1749-6632.2012.06471.x
- Medley M.L. (1980). Life satisfaction across four stages of adult life. *International Journal of Aging and Human Development*, 11 (3), 193–209. doi: 10.2190/D4LG-ALJQ-8850-GYDV
- Montoya-Murillo G., Ibarretxe-Balbao N., Peña J., Ojeda N. (2019). The impact of apathy on cognitive performance in the elderly. *International Journal of Geriatric Psychiatry*, 34 (5), 657–665. doi: 10.1002/gps.5062
- Ryan R.M., Frederick C.M. (1997). On energy, personality and health: Subjective vitality as a dynamic reflection of well-being. *Journal of Personality*, 65, 3, 529–565. doi: 10.1111/j.1467-6494.1997.tb00326.x
- Seo J.G., Lee G.H., Park S.P. (2017). Apathy in people with epilepsy and its clinical significance: A case-control study. *Seizure*, 51, 80–86. doi: 10.1016/j.seizure.2017.08.003
- Shamsalinia A., Moradi M., Rad R.E., Ghadimi R., Farahani M.A., Masoudi R., Rabiei L., Ghaffari E. (2021). Design and psychometric evaluation of epilepsy-related apathy scale (E-RAS) in adults with epilepsy: A sequential exploratory mixed methods design. *BMC Neurology*, 21, 121. doi: 10.1186/s12883-021-02139-2
- Sheikh J.I., Yesavage J.A. (1986). Geriatric Depression Scale (GDS). Recent evidence and development of a shorter version. In T.L. Brink (Eds.), *Clinical Gerontology: A Guide to Assessment and Intervention* (pp. 165–173). NY.: The Haworth Press, Inc.
- Westendorp B.G.J., Schalkwijk F.H. (2014). When longevity meets vitality. *Proceedings of the Nutrition Society*, 73 (3), 407–412. doi: 10.1017/S0029665114000573
- Won D., Bae J.S., Byun H., Seo K.B. (2020). Enhancing subjective well-being through physical activity for the elderly in Korea: A meta-analysis approach. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17, 262. doi: 10.3390/ijerph17010262
- World Health Organization. (2001). Men, ageing and health: Achieving health across the life span. World Health Organization.

References:

- Aleksandrova L.A. (2014). *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki* (Subjective vitality as a research object), 11 (1), 133–163. (In Russ.).
- Alexopoulos E.C. (2010). Introduction to multivariate regression analysis. *Hippokratia*, 14, 23–28.
- Ayers E., Shapiro M., Holtzer R., Barzilai N., Milman S., Verghese J. (2017). Symptoms of apathy independently predict incident frailty and disability in community-dwelling older adults. *Journal of Clinical Psychiatry*, 78 (5), e529–e536. doi: 10.4088/JCP.15m10113
- Barrett A.J., Murk P.J. (2010). Life Satisfaction Index for the Third Age-Short Form (LSITA-SF): An improved and briefer measure of successful aging. Presented at the Midwest Research-to-Practice Conference in Adult, Continuing, Community and Extension Education, Northeastern Illinois University, Chicago, IL, October 21–23. Obtained online on May 2, 2010 at <http://www.neiu.edu/~hrd/mwr2p09/Papers/Barrett.pdf>. doi: 10.13140/2.1.1937.4085
- Blanchflower D.G. (2021). Is happiness U-shaped everywhere? Age and subjective well-being in 145 countries. *Journal of Population Economics*, 34, 575–624. doi: 10.1007/s00148-020-00797-z
- Brodaty H., Altendorf A., Withall, A., Sachdev, P. (2010). Do people become more apathetic as they grow older? A longitudinal study in healthy individuals. *International Psychogeriatrics*, 22 (3), 426. doi: 10.1017/S1041610209991335
- Chang L.C., Kao I.C. (2019). Enhancing social support and subjective vitality among older adults through leisure education. *International Psychogeriatrics*, 31 (12), 1839–1840. doi: 10.1017/S1041610219000103
- Chen Y.J., Li X.X., Pan B., Wang B., Jing G.Z., Liu Q.Q., Li Y.F., Bing Z.T., Yang, K.H., Han, X.M., Ge, L. (2021). Non-pharmacological interventions for older adults with depressive symptoms: a network meta-analysis of 35 randomized controlled trials. *Aging and Mental Health*, 25 (5), 773–786. doi: 10.1080/13607863.2019.1704219
- Diener E. (1984). Subjective well-being. *Psychological Bulletin*, 95 (3), 542–575. doi: 10.1037/0033-2909.95.3.542
- Groeneweg-Koolhoven I., Ploeg M., Comijs H.C., Penninx B.W., van der Mast R.C., Schoevers R.A., Rhebergen D., van Exel E. (2017). Apathy in early and late-life depression. *Journal of Affective Disorders*, 223, 76–81. doi: 10.1016/j.jad.2017.07.022
- Holvast F., Massoudi B., Voshaar R.C.O., Verhaak P.F.M. (2017). Non-pharmacological treatment for depressed older patients in primary care: A systematic review and meta-analysis. *PLoS One*, 12 (9), e0184666. doi: 10.1371/journal.pone.0184666
- Ishii S., Weingtraub N., Mervis J.R. (2009). Apathy: a common psychiatric syndrome in the elderly. *Journal of the American Medical Directors Association*, 10 (6), 381–393. doi: 10.1016/j.jamda.2009.03.007
- Krause M., Gutmiedel K., Bighelli I., Schneider-Thoma J., Chaimani A., Leucht S. (2019). Efficacy and tolerability of pharmacological and non-pharmacological interventions in older patients with major depressive disorder: A systematic review, pairwise and network meta-analysis. *European Neuropsychopharmacology*, 20 (9), 1003–1022. doi: 10.1016/j.euroneuro.2019.07.130
- Kutlubaeв M.A., Akhmadeeva L.R. (2015). *Nevrologiya, nejrpsihiatriya, psihosomatika* (The symptoms of pathological fatigue, apathy, and depression in patients after stroke), 7 (2), 16–21. doi: 10.14412/2074-2711-2015-2-16-21 (In Russ.).
- Liders A.G. (2000). *Psikhologiya zrelosti i stareniya* (The crisis of old age: A hypothesis about its psychological content), 2, 6–11. (In Russ.).
- Lin Z., Yang R., Li K., Yi G., Li Z., Guo J., Zhang Z., Junxiang P., Liu Y., Oi S., Huang G. (2020). Establishment of age group classification for risk stratification in glioma patients. *BMC Neurology*, 20, 310. doi: 10.1186/s12883-020-01888-w
- Lyubomirsky S., Lepper H.S. (1999). A measure of subjective happiness: Preliminary reliability and construct validation. *Social Indicators Research*, 46 (2), 137–155. doi: 10.1023/a:1006824100041
- Marin R.S. (1990). Differential diagnosis and classification of apathy. *American Journal of Psychiatry*, 147 (1), 22–30. doi: 10.1176/ajp.147.1.22
- Maruta M., Makizako H., Ikeda Y., Miyata H., Nakamura A., Han G., Shimokihara, S., Tokuda K., Kubozono T., Ohishi M., Tabira T. (2021). Association between apathy and satisfaction with meaningful activities in older adults with mild cognitive impairment: A population-based cross-sectional study. *International Journal of Geriatric Psychiatry*. doi: 10.1002/gps.5544
- Mather M. (2012). The emotion paradox in the aging brain. *Annals of the New York Academy of Sciences*, 1251 (1), 33–49. doi: 10.1111/j.1749-6632.2012.06471.x
- Medley M.L. (1980). Life satisfaction across four stages of adult life. *International Journal of Aging and Human Development*, 11 (3), 193–209. doi: 10.2190/D4LG-ALJQ-8850-GYDV
- Melehin A.I. (2015). Training theory of mind in old age. *Klinicheskaya i spetsial'naya psikhologiya* (Clinical and special psychology), 4 (1). Available at: <http://psyjournals.ru/psyclin/2015/n1/Milehin.shtml> (Accessed 01.06.2021). (In Russ.).
- Montoya-Murillo G., Ibarretxe-Balbao N., Peña J., Ojeda N. (2019). The impact of apathy on cognitive performance in the elderly. *International Journal of Geriatric Psychiatry*, 34 (5), 657–665. doi: 10.1002/gps.5062
- Osin E.N., Leont'ev D.A. (2020). Brief Russian-language instruments to measure subjective well-being: psychometric properties and comparative analysis. *Monitoring obshchestvennogo mneniya: ekonomicheskie i sotsial'nye peremeny* (Public opinion monitoring: economic and social changes) 1, 117–142. doi: 10.14515/monitoring.2020.1.06. (In Russ.).
- Ostapenko V.S. (2017). *Rasprostranennost' i struktura geriatricheskikh sindromov u patsientov ambulatorno-poliklinicheskikh uchrezhdenii g. Moskvy* (Prevalence and Structure of Geriatric Syndromes in Patients of Outpatient Clinics in Moscow). Ph.D. (Medicine). Moscow. (In Russ.).
- Ryan R.M., Frederick C.M. (1997). On energy, personality and health: Subjective vitality as a dynamic reflection of well-being. *Journal of Personality*, 65, 3, 529–565. doi: 10.1111/j.1467-6494.1997.tb00326.x
- Sapogova E.E. (2011). Existential psychological analysis of old age. *Kul'turno-istoricheskaya psikhologiya* (Cultural historical psychology), 3, 75–81. (In Russ.).
- Seo J.G., Lee G.H., Park S.P. (2017). Apathy in people with epilepsy and its clinical significance: A case-control study. *Seizure*, 51, 80–86. doi: 10.1016/j.seizure.2017.08.003

- Sergienko E.A., Kharlamenkova N.E. (2018). Psychological factors of well-being aging. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Psihologiya i pedagogika (Bulletin of St. Petersburg University. Psychology and pedagogy)*, 8 (3), 243–257. doi: 10.21638/11701/spbu16.2018.303 (In Russ.).
- Shamsalinia A., Moradi M., Rad R.E., Ghadimi R., Farahani M.A., Masoudi R., Rabiei L., Ghaffari E. (2021). Design and psychometric evaluation of epilepsy-related apathy scale (E-RAS) in adults with epilepsy: A sequential exploratory mixed methods design. *BMC Neurology*, 21, 121. doi: 10.1186/s12883-021-02139-2
- Sheikh J.I., Yesavage J.A. (1986). Geriatric Depression Scale (GDS). Recent evidence and development of a shorter version. In T.L. Brink (Eds.), *Clinical Gerontology: A Guide to Assessment and Intervention* (pp. 165–173). NY: The Haworth Press, Inc.
- Strizhitskaya O.Y. (2017a). On the empirical study of gerotranscendence. *Internet-zhurnal "Mir nauki" (Internet Journal "The peace of science")*, 5 (6). Available at: <https://mir-nauki.com/PDF/11PSMN617.pdf> (In Russ.)
- Strizhitskaya O.Y. (2017b). Emotions and ageing: Modern paradigms and directions. *Sovremennaya zarubezhnaya psihologiya (Modern Foreign Psychology)*, 6 (3), 71–76. doi: 10.17759/jmfp.2017060308 (In Russ.).
- Westendorp B.G.J., Schalkwijk F.H. (2014). When longevity meets vitality. *Proceedings of the Nutrition Society*, 73 (3), 407–412. doi: 10.1017/S0029665114000573
- Won D., Bae J.S., Byun H., Seo K.B. (2020). Enhancing subjective well-being through physical activity for the elderly in Korea: A meta-analysis approach. *International Journal of Environmental Research and Public Health*, 17, 262. doi: 10.3390/ijerph17010262
- World Health Organization. (2001). *Men, ageing and health: Achieving health across the life span*. World Health Organization, Geneva.
- Zolotareva A.A. (2020). Psychometric analysis of the new apathy scale. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshei shkoly ekonomiki (Psychology. Journal of High School of Economics)*, 17 (2), 191–209. doi: 10.17323/1813-8918-2020-2-191-209. (In Russ.).

Оригинальная статья

УДК 316.624, 37.96, 159.9.07
doi: 10.11621/npj.2021.0209

Проявление подростковой агрессии в отношении учителя: распространенность, факторы, последствия, профилактика

А.А. Реан, Российская академия образования, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

ORCID: 0000-0002-1107-9530

А.В. Егорова*, Московский педагогический государственный университет, Москва, Россия

ORCID: 0000-0003-3502-9551

*Для контактов. E-mail: egrvan18@gmail.com

Актуальность (контекст) тематики статьи. Актуальность проблемы проявления подростковой агрессии в отношении педагогов обусловлена тем, что, несмотря на ее широкое социальное звучание в обществе, современная база исследований показывает, что данной проблеме уделяется крайне мало внимания.

Цель: рассмотреть проявление агрессивного поведения в отношении учителей, а именно: оценить распространенность данной проблемы, проанализировать предпосылки, которые предшествуют проявлению агрессии в отношении учителей, а также оценить последствия подобного поведения.

Описание хода исследования. В работе представлен анализ зарубежных и отечественных исследований, посвященных проблеме агрессии в отношении учителя. Кроме того, предприняты попытки найти причины агрессивного поведения учащихся по отношению к учителю, посредством анализа психологических теорий. В статье также предложены рекомендации для снижения и профилактики агрессии со стороны учеников в отношении учителя.

Результаты исследования. Было показано, что показатели распространенности агрессии в отношении учителей во всем мире подчеркивают масштабы данной проблематики и вызывают обеспокоенность тем, что данная область имеет пагубные долгосрочные последствия для жизни учащихся, учителей и образовательных учреждений в целом. Установлено, что применение психологических теорий, моделей и концепций в объяснении причин проявления агрессии в отношении учителя со стороны учеников, позволяют не только определить причины подобного поведения, но и помогают рассмотреть данную проблему на разных уровнях образовательного процесса. Также было рассмотрено влияние школьного климата на виктимизацию учителей и даны рекомендации по внедрению профилактических мероприятий.

Выводы. На основании проведенного анализа были представлены направления для дальнейшего изучения данной проблематики. В частности, отмечается необходимость исследования распространенности форм агрессивного поведения в отношении учителя в Российских школах и разработки комплекса профилактических мероприятий, направленных на борьбу с агрессией в отношении педагогов.

Ключевые слова: агрессия, подростки, педагоги, школа, школьный климат, профилактика.

Для цитирования: Реан А.А., Егорова А.В. Проявление подростковой агрессии в отношении учителя: распространенность, факторы, последствия, профилактика // Национальный психологический журнал. 2021. № 2 (42). С. 98–108. doi: 10.11621/npj.2021.0209

Поступила 31 мая 2021 / Принята к публикации: 12 июня 2021

Adolescent Aggressiveness Towards Teacher: frequency, factors, consequences, prevention

Artur A. Rean, Russian Academy of Education, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

ORCIDID: 0000-0002-1107-9530

Anna V. Egorova^{*}, Moscow Pedagogical State University, Moscow, Russia

ORCIDID: 0000-0003-3502-9551

^{*}Для контактов. E-mail: egrvan18@gmail.com

Background. The relevance of studying students' aggressive behavior towards teachers lies in the fact that despite the ongoing discussion in society, modern research shows that this problem is not given enough attention.

The Objective. is to consider the students' aggressive behavior towards teachers: to assess the prevalence of this problem, to analyze the background of students' aggressive behavior towards teachers, and to assess the consequences of such behavior.

Design. The paper presents an analysis of foreign and Russian research on the problem of aggression towards teachers. In addition, attempts are made to find the causes of students' aggressive behavior towards the teacher through the analysis of psychological theories. The article also offers recommendations for reducing and preventing aggression towards teacher on the part of students.

Research results. The indicators that demonstrate prevalence of aggression towards teachers raise the concern that this problem has negative long-term consequences for the lives of students, teachers and educational institutions. The use of psychological theories, models and concepts in explaining the reasons of aggression in the teacher's direction on the part of students, allows not only to determine the reasons for aggressive behavior, but also to consider this problem at different levels of the educational process. The influence of school climate on the victimization of teachers was considered and recommendations were made for the implementation of preventive measures.

Conclusion. On the basis of the analysis conducted, the study presents possible directions for further study of this problem. In particular, it is necessary to study the prevalence of aggressive behavior towards teachers in Russian schools and to develop a set of preventive measures aimed at the elimination of aggression towards teachers.

Keywords: aggression, adolescents, teachers, school, school climate, prevention.

For citation: Rean, A.A., Egorova, A.V. (2021). Adolescent aggressiveness towards teacher: frequency, factors, consequences, prevention. National Psychological Journal, [Natsional'nyy psikhologicheskiy zhurnal], 2 (42), 98–108. doi: 10.11621/npj.2021.0209

Received May 31, 2021 / Accepted for publication June 12, 2021

Введение

За последние десятилетия проблема агрессии в образовательных учреждениях приобрела особую актуальность. Причем проблема и ее обсуждение вышли за рамки школьного пространства и приобрели широкое социальное звучание в обществе в целом. Однако большинство исследований, направленных на изучение данного феномена, уделяют основное внимание ученикам и отношениям между ними (Fisher et al., 2018; Farrell et al., 2018; Tillye et al., 2018). Мало внимания уделяется проблеме агрессивного поведения учеников в отношении педагогов.

В СМИ описано несколько случаев, в которых объектом агрессии несовершеннолетних становился педагог. Например, 13 февраля 2021 года в республике Саха (Якутия) десятиклассник ударил учителя русского языка и литературы по лицу. Как отмечается в прессе, педагог сделала замечание ученику. По окончании урока учитель вышла в коридор, и ученик ударил ее (В Якутии школьник ..., URL: <https://ria.ru/20210215/shkola-1597562837.html>). Не менее вопиющий случай был зафиксирован в Иркутске, когда подросток нанес 9 ножевых ранений учителю физики, которая не поставила ученику зачет по предмету. Подобный случай был в Красноярске с участием ученицы 8-го класса (Собкин, Фомиченко, 2012). На сегодняшний день такие проявления жестокости по отношению к учителю не являются единичными случаями.

Следует подчеркнуть, что, как правило, в СМИ освещаются беспрецедентные случаи проявления агрессии по отношению к учителю, в то время как

она может проявляться не в столь экстраординарных физических актах, но и в виде угроз, оскорблений, порчи имущества или игнорировании учителя. Как отмечают В.С. Собкин и А.С. Фомиченко, 46% учителей сталкивались с проявлением вербальной агрессии со стороны учеников, а еще 43% респондентов сообщили о том, что по отношению к ним использовалась косвенная агрессия (Собкин, Фомиченко, 2012). Лабораторией образовательной и молодежной журналистики ВШЭ было проведено исследование, в котором приняли участие 2800 преподавателей из 75 регионов. Его результаты показали, что 70% опрошенных сталкивались с разными формами буллинга. По мнению половины опрошенных преподавателей, агрессивное отношение подростков связано с желанием повысить авторитет в глазах одноклассников. Было выявлено также, что 50% учителей сталкивались с буллингом два-три раза, а 6% учителей подвергаются травле со стороны учеников регулярно (Реан, Новикова, Коновалов, Молчанова, 2019).

Однако следует отметить, что исследований, посвященных данной проблематике, все еще крайне мало. Целью данной статьи является рассмотрение проблемы проявления агрессивного поведения в отношении учителей. Конкретные задачи данной работы: оценить распространенность данной проблемы, проанализировать предпосылки, которые предшествуют проявлению агрессии в отношении учителей, оценить последствия подобного поведения не только для учителей, но и для всего образовательного процесса. Прикладная задача — выйти на рекомендации по снижению и профилактике агрессии со стороны учеников в отношении учителя.

Артур Александрович Реан —

доктор психологических наук, профессор, академик Российской академии образования, директор Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения

Московского педагогического государственного университета

ORCID: 0000-0002-1107-9530

Artur A. Rean —

DSc, professor, member of Russian Academy of Education, director of the Centre of Socialization, Family and Prophylactics of asocial behaviour, Moscow State University of Pedagogy

ORCID: 0000-0002-1107-9530

Анна Викторовна Егорова —

аналитик Центра социализации, семьи и профилактики асоциального поведения

Московского педагогического государственного университета

ORCID: 0000-0003-3502-9551

Anna V. Egorova —

analytic at the Centre of Socialization, Family and Prophylactics of asocial behaviour, Moscow State University of Pedagogy

ORCID: 0000-0003-3502-9551

Распространенность агрессии по отношению к учителю

Большинство исследований, которые затрагивали проблему агрессии со стороны учащихся в отношении педагогов, были проведены преимущественно зарубежными исследователями (Longobardi et al., 2018; Woudstra et al., 2018; Yang et al., 2019; Moon et al., 2019; Berlanda et al., 2019; Curran et al., 2019; Maeng et al., 2020; Huang et al., 2020 и др.). По результатам общенационального опроса, проведенного в США в 2013 году, в котором приняли участие около 3000 учителей, 80% из них сообщили, что как минимум один раз в течение года подвергались агрессии со стороны учащихся (Espelage et al., 2013). Национальный центр статистики образования США сообщил, что с 1997 по 2001 год в отношении американских учителей было совершено 1,3 миллиона актов агрессии, 473 000 из них имели насильственный характер (*Violence against teachers: A silent national crisis*, URL: <https://www.apa.org/education/k12/teacher-victimization.pdf>). Результаты исследования, проведенного на выборке Тайваньских учеников, показали, что из 14000 учеников 30% подтвердили использование как минимум одной из форм агрессии в отношении учителя. Исследователи отмечают, что намеренное противодействие учителям с целью причинения психологического ущерба было наиболее распространенной формой агрессии, направленной против них (Chen, Astor, 2009). Не все акты агрессии, проявленные учениками в отношении учителей, несут в себе физическое причинение вреда. Тем не менее, к серьезным последствиям могут привести и другие формы агрессивного поведения, которые на первый взгляд могут показаться незначительными. К таким действиям можно отнести насмешки, оскорбления, отказ от выполнения требований учителя, угрозы, пассивно-агрессивное поведение и т.п.

Исследование в Канаде, проведенное на выборке из 571 учителя рассматривало 15 видов насилия в отношении учителей. В ходе этого исследования 60% учителей сообщили, что подвергались обзывательствам и оскорблениям, почти 50% учителей отмечали использование учениками оскорбительных и непристойных жестов в их адрес, 41% — заявили о замечаниях или жалобах в их адрес, которые могли бы нанести ущерб их репутации, 40% — сообщили, что становились объектом запугивания, 34% учителей сталкивались с повреждением личного имущества и почти 20% — сообщили, что им угрожали физической расправой (Burns, 2020). По результатам национального опроса США в 2015–16 годах около 10% американских учителей подвергались угрозам расправы, а около 6% подвергались физическим нападениям в течение предыдущего года (Musu-Gillette et al., 2018).

McMahon и с коллегами изучали проявление физической агрессии по отношению к учителю и выявили, что наиболее распространенной ее формой является телесный контакт (65%), которая включает в себя пинки, удары кулаками, толчки, укусы и удары головой. Кроме того, исследователи отмечают, что физическая

агрессия с использованием предметов в качестве оружия (например, стульев, карандашей) также является довольно распространенной формой (17%). Позерство отмечали 12% учителей, оно включало в себя непристойные жесты и действия, намеренное вторжение в личное пространство и пр., 4% учителей сообщили о случаях использования оружия (McMahon et al., 2019).

Кроме исследований, направленных на изучение распространенности агрессии в отношении учителя и форм ее проявления, были предприняты попытки исследования учителей с учетом их социально-демографических характеристик, например, таких как пол и этническая принадлежность, но результаты исследований оказались довольно неоднозначными. Например, Wei и соавторы отмечают, что насилие чаще встречается по отношению к женщинам-педагогам (Wei et al., 2013), в то время как другие исследования показали, что насилие чаще встречается по отношению к мужчинам (McMahon et al., 2014). Различия в результатах могут быть частично объяснены тем, что в отношении педагогов проявляются разные формы агрессии. Например, женщины-учителя чаще сообщают о вербальной агрессии, по сравнению с учителями-мужчинами. В то время как учителя-мужчины чаще сообщают об угрозах и физической агрессии (Berg, Cornell, 2016). Кроме того, было обнаружено, что учителя-мужчины чаще подвергаются многократной виктимизации, по сравнению с учителями-женщинами (Martinez et al., 2016).

Отдельно изучалась агрессия в отношении учителей средних и старших классов. Например, Moon с коллегами отмечают, что учителя, которые преподают в средних классах, чаще сообщают о более высокой распространенности агрессии, чем их коллеги в старших классах (Moon, McCluskey, Morash, 2019), эти результаты согласуются с предыдущими исследованиями (Chen, Astor, 2009; Moon, McCluskey, 2016). Авторы объясняют это тем, что подростки в средних школах переживают пубертатный период, что с большей вероятностью приводит к непослушанию и агрессии по отношению к другим, включая учителей (Moon, McCluskey, Morash, 2019). Несмотря на различия в результатах исследований, все они подтверждают то, что агрессия со стороны учащихся в отношении учителей является реальной проблемой, продолжительной во времени, имеющей те или иные последствия, и затрагивающей учителей по всему миру. Показатели распространенности агрессии в отношении учителей во всем мире подчеркивают масштабы данной проблемы и вызывают обеспокоенность тем, что эта недостаточно изученная область имеет пагубные долгосрочные последствия для жизни учащихся, учителей и образовательных учреждений в целом.

Последствия

Способы причинения вреда учителю со стороны учащихся многообразны, они так или иначе оказывают влияние на психологическое, эмоциональное или физическое состояние учителя. Исследователи

пришли к выводу, что «виктимизация учителей может иметь серьезные негативные последствия для качества образования» (Wilson et al., 2011, P. 2366–2367). С нашей точки зрения, речь идет не о прямом влиянии на качество образования, а, скорее, об опосредованном. Виктимизация учителей оказывает влияние на личность учителя, его эмоциональное состояние, снижение мотивации к профессиональной деятельности, что, в свою очередь, отражается на качестве образования в целом.

На сегодняшний день существует большое количество исследований, которые подтверждают, что агрессивные действия в отношении учителя несут целый ряд негативных последствий (Anderman et al., 2018; McMahon et al., 2017b; Reddy et al., 2018; Huang et al., 2020; и др.). Обзор литературы Espelage и ее коллегами показал, что виктимизация педагогов приводит к «страху, физическим и эмоциональным симптомам, нарушению личных отношений и ухудшению производительности труда» (Espelage et al., 2013, P. 77). В исследовании Wilson с коллегами было обнаружено, что 86% пострадавших канадских учителей сообщили о негативном влиянии агрессии со стороны учеников на их педагогическую деятельность (удовлетворенность работой, профессиональное выгорание и др.), 84% — на эмоциональное благополучие и 61% — на физическое здоровье (Wilson et al., 2011).

Выявлено, что виктимизация приводит к снижению удовлетворенности работой учителей, усилению эмоционального выгорания и увеличению намерения оставить преподавательскую деятельность (Кара, Gimbert, 2018). Поэтому необходимо более детальное изучение связей между различными типами агрессии в отношении учителей и ее последствиями.

Опрос, проведенный Billett с коллегами, показал, что агрессивные действия со стороны учащихся в отношении учителей привели к тяжелым последствиям для психического здоровья и благополучия учителя. Респонденты рассказали, что испытывали симптомы тревоги, депрессии и посттравматическое стрессовое расстройство (ПТСР) и отметили, что нуждаются в психологической поддержке. Некоторые из учителей брали отпуск, чтобы справиться со стрессом и постоянными нападками со стороны учеников, другие отмечали, что данные ситуации оказывают воздействие на все сферы их жизнедеятельности, несколько респондентов сообщили, что чувствуют себя небезопасно на территории школы (Billett et al., 2019). Burns и его коллеги пришли к выводу о том, что переживания учителем виктимизации со стороны учеников способствует снижению его уверенности в себе и собственной эффективности и снижает степень удовлетворенности работой (Burns et al., 2020).

Как показывает опыт зарубежных исследований, агрессия в отношении учителя влечет за собой очень серьезные последствия, которые проявляется в ухудшении физического и эмоционального состояния, что может привести к серьезным психическим последствиям. Кроме того, последствия виктимизации учителя может сказываться не только на его состоянии, но и на учебном процессе, на взаимоотноше-

ниях в классе и с администрацией школы. Поскольку учитель играет важную роль в формировании личности ребенка, агрессия в отношении него может спровоцировать потерю его профессионального авторитета в классе и нарушению ролевой функции. По существу, при этом теряется или резко снижается возможность управления учебным процессом.

Таким образом, проблема агрессии в отношении учителей затрагивает не только личность учителя, но и весь образовательный процесс, поэтому так важно найти причины данного феномена. Многие зарубежные исследователи предпринимали попытки такого поиска в рамках различных психологических теорий.

Попытки объяснения причин агрессивного поведения по отношению к учителю со стороны учащихся

Попытки найти причины агрессивного поведения учащихся по отношению к учителю и способы борьбы с ней предпринимались несколькими зарубежными исследователями (SooHyun, Wilcox, 2017; Moon, McCluskey, 2018; Кара et al., 2018 и др.). Как отмечает Espelage с коллегами, доминирующей теорией, которая может объяснить насилие в отношении учителей, является социально-экологическая модель Бронфенбренера (Espelage et al., 2013).

Согласно данной модели, развитие человека происходит в двух направлениях. С одной стороны, человек сам реструктурирует свою жизненную среду, а с другой, — на него оказывают воздействие другие элементы этой среды. Экологическая среда развития состоит из четырех вложенных одна в другую экосистем. Первая из них — это микросистема, включающая в себя самого субъекта, его ближайшее окружение и социальные структуры, к которым он принадлежит (семья, сверстники, школа и т.д.) (Hertler et al., 2018). Мезосистема образуется посредством взаимосвязей двух и более микросистем. На уровне мезосистемы на развитие ребенка могут влиять формальные и неформальные связи между семьей и школой или семейной группой сверстников. Например, регулярное взаимодействие родителей с учителями может положительно отразиться на успехах ребенка в школе (Крайг, Бокум, 2019). Экосистема включает в себя те аспекты социальной среды или общественные структуры, которые находятся вне сферы непосредственного опыта человека, но которые воздействуют на него. Макросистема является внешним слоем окружающей среды человека. Она включает в себя идеологию, установки, законы, традиции, культурные ценности того общества, в котором живет человек. Несмотря на то, что вмешательства, которые стимулируют и поддерживают ход развития человека, могут осуществляться на каждом из уровней данной модели, более значительную роль они играют на уровне макросистемы, поскольку она воздействует на все остальные (Крайг, Бокум, 2019).

Как справедливо отмечает McMahon и его коллеги, с точки зрения социально-экологической модели, агрессия в отношении учителя должна рассма-

триваться как многоуровневая система и учитывать взаимодействие учителя со всеми субъектами, включенными в образовательный процесс (учениками, коллегами, руководством, администрацией и т.д.). Именно оценка этих сложных взаимодействий может помочь понять и решить проблему агрессии в отношении учителей (McMahon, 2017a).

В исследовании предикторов виктимизации учителей, Gottfredson и др. попытались использовать индивидуальные, школьные и общественные факторы (Gottfredson et al., 2005). Это исследование включало выборку учителей и учащихся из 254 средних и старших школ. Результаты исследования показали, что меньшая виктимизация учителей была связана с устойчивой дисциплиной (включая справедливость и ясные требования) и с благоприятным психосоциальным климатом в школе (т.е. моральный дух, административное лидерство и планирование). Результаты многомерного анализа показали, что школы с большей концентрацией бедных учеников, афроамериканских учащихся и афроамериканских учителей сообщали о менее благоприятном психосоциальном климате, который, в свою очередь, был связан с большей виктимизацией учителей (Espelage et al., 2013).

Таким образом, для более детального рассмотрения проблемы агрессии в отношении учителей необходимо учитывать не только социально-ролевое взаимодействие учителя — ученик, но и все аспекты системы образовательного процесса.

Кроме того, в качестве объяснения причин агрессии в отношении учителя может быть применима теория целевой конгруэнтности Финкельхора и Асдигяна. Она включает в себя три ключевых измерения: целевая уязвимость, целевое вознаграждение и целевой антагонизм. Целевая уязвимость указывает на неспособность потенциальных жертв сопротивляться агрессии, направленной в свой адрес (Choi et al., 2020). Целевая уязвимость характеризуется тем, что человек становится уязвимым, в силу своих индивидуальных особенностей (физические характеристики, эмоциональная депривация, психологические проблемы и т.п.). Если учитель по своим физическим характеристикам (пол, рост, вес и т.д.) значительно уступает ученику, это может быть препятствием для его способности защищаться от агрессора. Целевое вознаграждение определяется как владение или атрибут жертвы, которые агрессоры могут использовать как способ виктимизации (например, материальные объекты, социальный статус, власть и др.), которые впоследствии могут быть испорчены или украдены агрессором. В качестве примера можно привести ситуацию, в которой ученик, с целью повысить свою репутацию в классе, может унижать или оскорблять учителя, тем самым подрывая его авторитет. Целевой антагонизм указывает на обладание жертвами теми навыками, атрибутами или характеристиками (в т.ч. и личностными), которые вызывают у агрессора негативные реакции. Например, принадлежность учителя к определенной расе может увеличить вероятность того, что он станет объектом агрессии со стороны ученика на почве ненависти к этническим меньшин-

ствам. Теория целевой конгруэнтности утверждает, что индивидуальные черты повышают вероятность некоторых типов виктимизации из-за вариаций этих трех ключевых измерений (Moon, McCluskey, 2018).

Недавнее исследование проверило применимость теории целевой конгруэнтности. В исследовании, проведенном на выборке из более чем 4100 учителей рассматривалось, в значительной ли степени целевая уязвимость и целевой антагонизм связаны с виктимизацией учителей. Результаты исследования показали, что учителя, которые демонстрировали нерешительность в конфронтации с учениками (эмоциональная и психологическая уязвимость), чаще становились жертвами виктимизации, в отличие от тех учителей, кто демонстрировал авторитет (эмоциональная и психологическая неуязвимость). Кроме того, исследование показало, что наказание учеников за плохое поведение вызывало антагонизм со стороны агрессоров, тем самым увеличивая вероятность учителя стать жертвой (O, Wilcox, 2018).

Есть и другие теории, которые использовались для выявления механизмов агрессии в отношении учителей. Например, модель социальной обработки информации Крика и Доджа. Она включает в себя несколько взаимосвязанных этапов обработки информации, таких как восприятие, декодирование, интерпретация информации, прояснение целей, прогнозирование и построение возможных обратных реакций, выбор возможных обратных реакций и их реализация (Guy et al., 2017). Каждый из этих этапов может приводить к искажению информации из-за личностных особенностей участников коммуникации, накопленного ими опыта социального взаимодействия, а также использованных форм общения. Таким образом, те аспекты, которые, с точки зрения учителя, являются позитивными директивами, учащимися могут интерпретироваться как враждебные, тем самым они могут выбирать и реализовывать деструктивные реакции в отношении учителя. И, напротив, возможны ситуации, когда учитель может интерпретировать нейтральные или позитивные действия ученика как негативные или враждебные. Разработка данной проблемы связана с исследованиями в области социально-перцептивных механизмов агрессии. Здесь важно отметить субъективности интерпретации поведения участников коммуникации. Как отмечает А.А. Реан, те действия, которые человек может расценивать как угрожающие, в действительности таковыми могут не являться (Реан, 2016).

В настоящее время имеется значительное количество недостаточно изученных вопросов проблемы проявления агрессии учащимися в отношении учителей, как в зарубежной, так и (особенно) в отечественной психологии. Для более глубокого понимания данной проблемы в нашей стране необходимы исследования, направленные на выявление фактов агрессивного воздействия на учителей, кроме того, важно понять, какие формы агрессивного поведения распространены в российских школах. Также остаются открытыми вопросы изучения личности педагога, по отношению к которому проявляется

агрессия и определения причин данного феномена. Глубокое изучение феномена агрессии в отношении учителей позволит выработать необходимые способы изменения сложившейся ситуации в школьной среде. Образовательные учреждения должны уделять должное внимание профилактике и осуществлять комплекс мероприятий, направленных на выстраивание благоприятного школьного климата. В связи с этим А.А. Реан и М.А. Новикова говорят о необходимости введения комплексных программ профилактики агрессии в школе, включающих в себя работу со всеми представителями школьного сообщества — от учеников до школьной администрации, подчеркивая, что хороший школьный климат является важнейшим фактором не только эмоционального благополучия, но и интеллектуального развития учащихся (Реан, Новикова, 2019).

Профилактика

На сегодняшний день существует множество исследований, направленных на изучение связи между школьным климатом и агрессивным поведением (Turner et al., 2018; Reaves et al., 2018; Acosta et al., 2019; Varela et al., 2019). Было выявлено, что негативный школьный климат предшествует более низким показателям благополучия (Aldrup et al., 2018; Aldridge et al., 2019; Lázaro-Visa et al., 2019), а позитивный — потенциально может смягчить виктимизацию учителей (Grey et al., 2017; Bear et al., 2017; Espelage, Hong, 2019; DeCordova et al., 2019; Teng et al., 2020).

В эмпирических исследованиях Реана А.А. с коллегами было показано, что позитивный школьный климат отрицательно связан с уровнем агрессии учащихся в школе. Кроме того, школьные правила имеют существенную взаимосвязь с агрессивностью учащихся и со школьными отношениями (Реан и др., 2020). Благоприятный школьный климат состоит из различных компонентов, которые включают в себя отношения между членами всего школьного сообщества, а также ясность и предсказуемость школьной среды в целом. Поэтому введение четких школьных правил и норм и акцентирование внимания на взаимоотношениях между участниками всего образовательного процесса, а не только на участниках травли, являются неотъемлемыми компонентами большинства антибуллинговых программ в различных странах (Молчанова, Новикова, 2020).

Для того чтобы бороться с агрессией в отношении учителей, необходимы комплексные усилия, направленные на всю школьную систему. Такие усилия должны учитывать многочисленные уровни влияния и сложные взаимодействия между системами. Целостный подход к борьбе с агрессией в школе должен затрагивать всех участников образовательного процесса, а именно: учащихся, учителей, администраторов, родителей и т.д. Для начала необходимо провести мониторинг распространенности агрессии и формы ее проявления в рамках учебного заведения. Понимание общей ситуации позволит разработать необходимые

профилактические мероприятия для конкретного случая.

Также необходимо учитывать, что в ситуациях агрессии в отношении учителя, он может чувствовать себя небезопасно в стенах учебного заведения, испытывать тревогу или страх. Поэтому очень важна поддержка со стороны администрации школы тех учителей, в отношении которых были проявлены агрессивные действия. Как показывают исследования, отсутствие поддержки со стороны администрации связано с более высоким уровнем виктимизации (Martinez et al., 2016; McMahon et al., 2017b).

Главная цель любых профилактических программ — это создание благоприятной атмосферы, в которой все участники образовательного процесса смогут чувствовать себя комфортно и безопасно. Профилактические мероприятия могут включать в себя создание позитивных школьных норм и климата, обучение учителей навыкам совладания и эмоционального реагирования на агрессивные действия со стороны учащихся, организацию классных часов для учащихся и родителей с целью повышения осведомленности о проблеме агрессии и ее последствиях, а также развитие коммуникации и поддержки между всеми уровнями образовательной системы.

Заключение

Агрессия в отношении учителей в школе является довольно распространенной проблемой. Но о ней редко упоминают, за исключением случаев, когда к учителю применяются физическое насилие, которое довольно часто освещается в СМИ.

Распространенность агрессии в отношении учителей во всем мире вызывает беспокойство тем, что она имеет серьезные и долгосрочные последствия для жизнедеятельности учащихся, учителей и системы образования в целом. Для дальнейшего изучения проблемы необходимы исследования, которые бы позволили расширить и углубить представления об агрессии в отношении педагогов. Исследования должны быть направлены на выявление распространенности агрессии, определение ее форм, изучение всех субъектов образовательной системы. Кроме того, необходим анализ и разработка новых психологических теорий и моделей, объясняющих причины агрессивного поведения в отношении учителя, которые помогли бы не только углубить понимание данной области, но и разработать комплекс профилактических мероприятий, направленных на борьбу с агрессией в отношении педагогов. Педагогическая деятельность сама по себе является достаточно стрессогенной. Появление в современных условиях нового фактора — агрессии учащихся в отношении учителя усугубляет проблему стресс-напряженности и профессионального выгорания педагога. А потому усиление внимания к данной проблеме и поиску способов снижения распространенности агрессии в отношении учителей является крайне актуальной задачей, как в научном, так и в практическом смысле.

Литература:

- В Якутии школьник ударил учительницу по лицу. РИА Новости. [Электронный ресурс] // URL: <https://ria.ru/20210215/shkola-1597562837.html> (дата обращения 26.04.2021).
- Крайг Г., Бокум Д. Психология развития. СПб. : Питер, 2019.
- Молчанова Д.В., Новикова М.А. Противодействие школьному буллингу: анализ международного опыта / Под ред. А.А. Реана // Современная аналитика образования. 2020. № 1. С. 72.
- Реан А.А. Психология личности. СПб. : Питер. 2016.
- Реан А.А., Новикова М.А. Буллинг в среде старшеклассников Российской Федерации: распространенность и влияние социоэкономических факторов // Мир психологии. 2019. № 1. С. 165–177.
- Реан А.А., Новикова М.А., Коновалов И.А., Молчанова Д.В. Руководство по противодействию и профилактике буллинга / Под ред. А.А. Реана. М., 2019.
- Реан А.А., Шагалов И.Л., Коновалов И.А. Связь ретроспективных оценок школьного климата с готовностью молодых людей к агрессии // Психологическая наука и образование. 2020. Т. 25, № 6. С. 126–143. doi: 10.17759/pse.2020250611
- Собкин В.С., Фомиченко А.С. Понимание учителями причин проявления агрессии учащихся к педагогу // Социология образования. Труды по социологии образования. 2012. Т. 16, № 28. С. 137–147.
- Acosta J., Chinman M., Ebener P., Malone P.S., Phillips A., Wilks A. (2019). Understanding the relationship between perceived school climate and bullying: A mediator analysis. *Journal of school violence*, 18 (2), 200–215. doi: 10.1080/15388220.2018.1453820
- Aldridge J.M., McChesney K., Afari E. (2019). Associations between school climate and student life satisfaction: resilience and bullying as mediating factors. *Learning Environments Research*, 1–22. doi: 10.1007/s10984-019-09296-9
- Aldrup K., Klusmann U., Lüdtke O., Göllner R., Trautwein U. (2018). Student misbehavior and teacher well-being: testing the mediating role of the teacher-student relationship. *Learn. Instr.* 58, 126–136. doi: 10.1016/j.learninstruc.2018.05.006
- American Psychological Association, Center for Psychology in Schools and Education. Violence against teachers: A silent national crisis [Online brochure]. Available at: <https://www.apa.org/education/k12/teacher-victimization.pdf> (accessed: 26.04.2021)
- Anderman E.M., Eseplage D.L., Reddy L.A., McMahon S.D., Martinez A., Lane K.L., Paul N. (2018). Teachers' reactions to experiences of violence: An attributional analysis. *Social psychology of education*, 21 (3), 621–653. doi: 10.1007/s11218-018-9438-x
- Bear G.G., Yang C., Mantz L.S., Harris A.B. (2017). School-wide practices associated with school climate in elementary, middle, and high schools. *Teaching and Teacher Education*, 63, 372–383. doi: 10.1016/j.tate.2017.01.012
- Berg J., Cornell D. (2016). Authoritative school climate, aggression toward teachers, and teacher distress in middle school. *School Psychology Quarterly*, 31, 122–127. doi: 10.1037/spq0000132
- Berlanda S., Fraizzoli M., de Cordova F., Pedrazza M. (2019). Psychosocial risks and violence against teachers. Is it possible to promote well-being at work? *International journal of environmental research and public health*, 16 (22). doi: 10.3390/ijerph16224439
- Billett P., Fogelgarn R., Burns E. (2019). Teacher targeted bullying and harassment by students and parents: Report from an Australian exploratory survey. La Trobe University.
- Burns E., Fogelgarn R., Billett P. (2020). Teacher-targeted bullying and harassment in Australian schools: a challenge to teacher wellbeing. *British Journal of Sociology of Education*, 41 (4), 523–538. doi: 10.1080/01425692.2020.1755227
- Chen J.K., Astor R.A. (2009). Students' reports of violence against teachers in Taiwanese schools. *Journal of School Violence*, 8 (1), 2–17. doi: 10.1080/15388220802067680
- Choi J., Krus N., Lee J. (2020). Applying target congruence theory to victimization risk of students from multicultural backgrounds: A comparison of South Korean, North Korean, and other multicultural family adolescents. *Children and Youth Services Review*, 118. doi: 10.1016/j.childyouth.2020.105392
- Curran F.C., Viano S.L., Fisher B.W. (2019). Teacher victimization, turnover, and contextual factors promoting resilience. *Journal of School Violence*, 18 (1), 21–38. doi: 10.1080/15388220.2017.1368394
- De Cordova F., Berlanda S., Pedrazza M., Fraizzoli M. (2019). Violence at school and the well-being of teachers. The importance of positive relationships. *Frontiers in psychology*, 10, 1807. doi: 10.3389/fpsyg.2019.01807
- Espelage D., Anderman E., Brown V., Jones A., Lane K., McMahon S.D., ... Reynolds C.R. (2013). Understanding and preventing violence directed against teachers: Recommendations for a National research, practice and policy Agenda. *American Psychologist*, 68 (2), 75–87. doi: 10.1037/a0031307
- Espelage D.L. & Hong J.S. (2019). School climate, bullying, and school violence. In M.J. Mayer & S.R. Jimerson (Eds.), *School safety and violence prevention: Science, practice, policy* (pp. 45–69). American Psychological Association. doi: 10.1037/0000106-003
- Farrell A.D., Gonyea E.A., Sullivan T.N., Thompson E.L. (2018). Victimization, aggression, and other problem behaviors: Trajectories of change within and across middle school grades. *Journal of research on adolescence*, 28 (2), 438–455. doi: 10.1111/jora.12346
- Fisher B.W., Viano S., Curran F.C., Pearman F.A., Gardella J.H. (2018). Students' feelings of safety, exposure to violence and victimization, and authoritative school climate. *American Journal of Criminal Justice*, 43 (1), 6–25. doi: 10.1007/s12103-017-9406-6
- Gottfredson G.D., Gottfredson D.C., Payne A.A., Gottfredson N.C. (2005). School climate predictors of school disorder: Results from a national study of delinquency prevention in schools. *Journal of research in crime and delinquency*, 42 (4), 412–444. doi: 10.1177/0022427804271931
- Gray C., Wilcox G., Nordstokke D. (2017). Teacher mental health, school climate, inclusive education and student learning: A review. *Canadian Psychology. Psychologie canadienne*, 58 (3), 203–210. doi: 10.1037/cap0000117
- Guy A., Lee, K., Wolke D. (2017). Differences in the early stages of social information processing for adolescents involved in bullying. *Aggressive behavior*, 43 (6), 578–587. doi: 10.1002/ab.21716
- Hertler S.C., Figueredo A.J., Peñaherrera-Aguirre M., Fernandes H.B., Woodley of Menie M.A. (2018). Urie Bronfenbrenner: Toward an Evolutionary Ecological Systems Theory. In *Life History Evolution* (pp. 323–339). Palgrave Macmillan. doi: 10.1007/978-3-319-90125-1_19

- Huang F.L., Eddy C.L., Camp E. (2020). The role of the perceptions of school climate and teacher victimization by students. *Journal of interpersonal violence*, 35, 23–24, 5526–5551. doi: 10.1177/0886260517721898
- Kapa R.R., Gimbert B. (2018). Job satisfaction, school rule enforcement, and teacher victimization. *School Effectiveness and School Improvement*, 29 (1), 150–168. doi: 10.1080/09243453.2017.1395747
- Kapa R.R., Luke J., Moulthrop D., Gimbert B. (2018). Teacher victimization in authoritative school environments. *Journal of school health*, 88 (4), 272–280. doi: 10.1111/josh.12607
- Lázaro-Visa S., Palomera R., Briones E., Fernández-Fuertes A.A., Fernández-Rouco N. (2019). Bullied adolescent's life satisfaction: personal competencies and school climate as protective factors. *Frontiers in psychology*, 10, 1691. doi: 10.3389/fpsyg.2019.01691
- Longobardi C., Badenes-Ribera L., Fabris M.A., Martinez A., McMahon S.D. (2018). Prevalence of student violence against teachers: a meta-analysis. *Psychology of violence*, 9(6), 596. doi: 10.1037/vio0000202
- Maeng J.L., Malone M., Cornell D. (2020). Student threats of violence against teachers: Prevalence and outcomes using a threat assessment approach. *Teaching and Teacher Education*, 87, 102934
- Martinez A., McMahon S.D., Espelage D., Anderman E.M., Reddy L.A., Sanchez, B. (2016). Teachers experiences with multiple victimization: Identifying demographic, cognitive, and contextual correlates. *Journal of School Violence*, 15 (4), 387–405. doi: 10.1080/15388220.2015.1056879
- McMahon S.D., Reaves S., McConnell E., Peist E., Ruiz L., Task Force A.P.A., et al. (2017b). The ecology of teachers' experiences with violence and lack of administrative support. *American Journal of Community Psychology*, 60 (3–4), 502–515. doi: 10.1002/ajcp.12202
- McMahon S.D., Martinez A., Espelage D., Rose C., Reddy L.A., Lane K., ... Brown, V. (2014). Violence directed against teachers: Results from a national survey. *Psychology in the Schools*, 51 (7), 753–766. doi: 10.1002/pits.21777
- McMahon S.D., Martinez A., Reddy L.A., Espelage D.L., Anderman E.M. (2017a). Predicting and reducing aggression and violence toward teachers: Extent of the problem and why it matters. *The Wiley handbook of violence and aggression*, 1–16. doi: 10.1002/9781119057574.whbva100
- McMahon S.D., Peist E., Davis J.O. et al. (2019). Physical aggression toward teachers: Antecedents, behaviors, and consequences. *Aggressive Behavior*, 1–11. doi: 10.1002/ab.21870
- Moon B., McCluskey J. (2016). School-based victimization of teachers in Korea: Focusing on individual and school characteristics. *Journal of Interpersonal Violence*, 31, 1340–1361. doi: 10.1177/0886260514564156
- Moon B., McCluskey J. (2018). An exploratory study of violence and aggression against teachers in middle and high schools: Prevalence, predictors, and negative consequences. *Journal of school violence*, 19 (2), 122–137. doi: 10.1080/15388220.2018.1540010
- Moon B., McCluskey J., Morash M. (2019). Aggression against middle and high school teachers: Duration of victimization and its negative impacts. *Aggressive Behavior*, 45, 517–526. doi: 10.1002/ab.21840
- Moon B., Morash M., McCluskey J. (2019). Student violence directed against teachers: Victimized teachers' reports to school officials and satisfaction with school responses. *Journal of interpersonal violence*. doi: 10.1177/0886260519825883
- Musu-Gillette L., Zhang A., Wang K., Zhang J., Kemp J., Diliberti M., Oudekerk B.A. (2018). Indicators of School Crime and Safety: 2017. Washington, DC: National Center for Education Statistics. Available at: <https://nces.ed.gov/pubs2018/2018036.pdf> (accessed: 26.04.2021).
- SooHyun O., Wilcox P. (2018). Routine activity theory, target congruence, and school context: A multilevel analysis of teacher victimization. *Victims & Offenders*, 13 (3), 349–372. doi: 10.1080/15564886.2017.1329174
- Reaves S., McMahon S.D., Duffy S.N., Ruiz L. (2018). The test of time: A meta-analytic review of the relation between school climate and problem behavior. *Aggression and Violent Behavior*, 39, 100–108. doi: 10.1016/j.avb.2018.01.006
- Reddy L.A., Espelage D.L., Anderman E.M., Kanrich J.B., McMahon S.D. (2018). Addressing violence against educators through measurement and research. *Aggression and violent behavior*, 42, 9–28. doi: 10.1016/j.avb.2018.06.006
- SooHyun O., Wilcox P. (2017). Routine activity theory, target congruence, and school context: A multilevel analysis of teacher victimization. *Victims & Offenders*, 13, 349–372. doi: 10.1080/15564886.2017.1329174
- Teng Z., Bear G.G., Yang C., Nie Q., Guo Ch. (2020). Moral disengagement and bullying perpetration: A longitudinal study of the moderating effect of school climate. *School psychology*, 35 (1), 99–109. doi: 10.1037/spq0000348
- Tillyer M.S., Wilcox P., Fissel E.R. (2018). Violence in schools: Repeat victimization, low self-control, and the mitigating influence of school efficacy. *Journal of Quantitative Criminology*, 34 (2), 609–632. doi: 10.1007/s10940-017-9347-8
- Turner I., Reynolds K.J., Lee E., Subasic E., Bromhead, D. (2018). Understanding aggression and victimization: Negative binomial modelling with supportive school climate, mental health, and social identity mediation. *Translational Issues in Psychological Science*, 4 (4), 380–402. doi: 10.1037/tps0000174
- Varela J.J., Sirlopú D., Melipillán R., Espelage D., Green J., Guzmán J. (2019). Exploring the influence school climate on the relationship between school violence and adolescent subjective well-being. *Child Indicators Research*, 12 (6), 2095–2110. doi: 10.1007/s12187-019-09631-9
- Wei C., Gerberich S.G., Alexander B.H., Ryan A.D., Nachreiner N.M., Mongin S.J. (2013). Work-related violence against educators in Minnesota: Rates and risks based on hours exposed. *Journal of Safety Research*, 44, 73–85. doi: 10.1016/j.jsr.2012.12.005
- Wilson C.M., Douglas K.S., Lyon D.R. (2011). Violence against teachers: Prevalence and consequences. *Journal of Interpersonal Violence*, 26 (12), 2353–2371. doi: 10.1177/0886260510383027
- Woudstra M.H., van Rensburg E.J., Visser M., Jordaan J. (2018). Learner-to-teacher bullying as a potential factor influencing teachers' mental health. *South African Journal of Education*, 38 (1), 1–10. doi: 10.15700/saje.v38n1a1358
- Yang C., Jenkins L., Fredrick S.S., Chen C., Xie J.S., Nickerson A.B. (2019). Teacher victimization by students in China: A multi-level analysis. *Aggressive Behavior*, 45 (2), 169–180. doi: 10.1002/ab.21806

References

- Acosta J., Chinman M., Ebener P., Malone P.S., Phillips A., Wilks A. (2019). Understanding the relationship between perceived school climate and bullying: A mediator analysis. *Journal of school violence*, 18 (2), 200–215. doi: 10.1080/15388220.2018.1453820
- Aldridge J.M., Mc Chesney K., Afari E. (2019). Associations between school climate and student life satisfaction: resilience and bullying as mediating factors. *Learning Environments Research*, 1–22. doi: 10.1007/s10984-019-09296-9
- Aldrup K., Klusmann U., Lüdtke O., Göllner R., Trautwein U. (2018). Student misbehavior and teacher well-being: testing the mediating role of the teacher-student relationship. *Learn. Instr.* 58, 126–136. doi: 10.1016/j.learninstruc.2018.05.006
- American Psychological Association, Center for Psychology in Schools and Education. Violence against teachers: A silent national crisis [Online brochure]. Available at: <https://www.apa.org/education/k12/teacher-victimization.pdf> (accessed: 26.04.2021)
- Anderman E.M., Esepelage D.L., Reddy L.A., McMahon S.D., Martinez A., Lane K.L., Paul N. (2018). Teachers' reactions to experiences of violence: An attributional analysis. *Social psychology of education*, 21 (3), 621–653. doi: 10.1007/s11218-018-9438-x
- Bear G.G., Yang C., Mantz L.S., Harris A.B. (2017). School-wide practices associated with school climate in elementary, middle, and high schools. *Teaching and Teacher Education*, 63, 372–383. doi: 10.1016/j.tate.2017.01.012
- Berg J., Cornell D. (2016). Authoritative school climate, aggression toward teachers, and teacher distress in middle school. *School Psychology Quarterly*, 31, 122–127. doi: 10.1037/spq0000132
- Berlanda S., Fraizzoli M., de Cordova F., Pedrazza M. (2019). Psychosocial risks and violence against teachers. Is it possible to promote well-being at work? *International journal of environmental research and public health*, 16 (22). doi: 10.3390/ijerph16224439
- Billett P., Fogelgarn R., Burns E. (2019). Teacher targeted bullying and harassment by students and parents: Report from an Australian exploratory survey. La Trobe University.
- Burns E., Fogelgarn R., Billett P. (2020). Teacher-targeted bullying and harassment in Australian schools: a challenge to teacher wellbeing. *British Journal of Sociology of Education*, 41 (4), 523–538. doi: 10.1080/01425692.2020.1755227
- Chen J.K., Astor R.A. (2009). Students' reports of violence against teachers in Taiwanese schools. *Journal of School Violence*, 8 (1), 2–17. doi: 10.1080/15388220802067680
- Choi J., Kruis N., Lee J. (2020). Applying target congruence theory to victimization risk of students from multicultural backgrounds: A comparison of South Korean, North Korean, and other multicultural family adolescents. *Children and Youth Services Review*, 118. doi: 10.1016/j.childyouth.2020.105392
- Curran F.C., Viano S.L., Fisher B.W. (2019). Teacher victimization, turnover, and contextual factors promoting resilience. *Journal of School Violence*, 18 (1), 21–38. doi: 10.1080/15388220.2017.1368394
- De Cordova F., Berlanda S., Pedrazza M., Fraizzoli M. (2019). Violence at school and the well-being of teachers. The importance of positive relationships. *Frontiers in psychology*, 10, 1807. doi: 10.3389/fpsyg.2019.01807
- Espelage D., Anderman E., Brown V., Jones A., Lane K., McMahon S.D., ... Reynolds C.R. (2013). Understanding and preventing violence directed against teachers: Recommendations for a National research, practice and policy Agenda. *American Psychologist*, 68 (2), 75–87. doi: 10.1037/a0031307
- Espelage D.L., Hong J.S. (2019). School climate, bullying, and school violence. In M.J. Mayer S.R. Jimerson (Eds.), *School safety and violence prevention: Science, practice, policy*, 45–69. American Psychological Association. doi: 10.1037/0000106-003
- Farrell A.D., Gonyea E.A., Sullivan T.N., Thompson E.L. (2018). Victimization, aggression, and other problem behaviors: Trajectories of change within and across middle school grades. *Journal of research on adolescence*, 28 (2), 438–455. doi: 10.1111/jora.12346
- Fisher B.W., Viano S., Curran F.C., Pearman F.A., Gardella J.H. (2018). Students' feelings of safety, exposure to violence and victimization, and authoritative school climate. *American Journal of Criminal Justice*, 43 (1), 6–25. doi: 10.1007/s12103-017-9406-6
- Gottfredson G.D., Gottfredson D.C., Payne A.A., Gottfredson N.C. (2005). School climate predictors of school disorder: Results from a national study of delinquency prevention in schools. *Journal of research in crime and delinquency*, 42 (4), 412–444. doi: 10.1177/0022427804271931
- Gray C., Wilcox G., Nordstokke D. (2017). Teacher mental health, school climate, inclusive education and student learning: A review. *Canadian Psychology. Psychologie canadienne*, 58 (3), 203–210. doi: 10.1037/cap0000117
- Guy A., Lee K., Wolke D. (2017). Differences in the early stages of social information processing for adolescents involved in bullying. *Aggressive behavior*, 43 (6), 578–587. doi: 10.1002/ab.21716
- Hertler S.C., Figueredo A.J., Peñaherrera-Aguirre M., Fernandes H.B., Woodley of Menie M.A. (2018). Urie Bronfenbrenner: Toward an Evolutionary Ecological Systems Theory. *Life History Evolution* (pp. 323–339). Palgrave Macmillan. doi: 10.1007/978-3-319-90125-1_19
- Huang F.L., Eddy C.L., Camp E. (2020). The role of the perceptions of school climate and teacher victimization by students. *Journal of interpersonal violence*, 35, 23–24, 5526–5551. doi: 10.1177/0886260517721898
- In Yakutia, a student hit a teacher in the face [RIA News]. Retrieved from: <https://ria.ru/20210215/shkola-1597562837.html> (accessed 26.04.2021). (In Russ.).
- Kapa R.R., Gimbert B. (2018). Job satisfaction, school rule enforcement, and teacher victimization. *School Effectiveness and School Improvement*, 29 (1), 150–168. doi: 10.1080/09243453.2017.1395747
- Kapa R.R., Luke J., Moulthrop D., Gimbert B. (2018). Teacher victimization in authoritative school environments. *Journal of school health*, 88 (4), 272–280. doi: 10.1111/josh.12607
- Kraig G., Bokum D. (2019). Psychology of development. Saint Petersburg: "Piter". (In Russ.).
- Lázaro-Visa S., Palomera R., Briones E., Fernández Fuertes A.A., Fernández-Rouco, N. (2019). Bullied adolescent's life satisfaction: personal competencies and school climate as protective factors. *Frontiers in psychology*, 10:1691. doi: 10.3389/fpsyg.2019.01691
- Longobardi C., Badenes-Ribera L., Fabris M.A., Martinez A., McMahon S.D. (2018). Prevalence of student violence against teachers: a meta-analysis. *Psychol. Violence*. doi: 10.1037/vio0000202
- Maeng J.L., Malone, M., Cornell, D. (2020). Student threats of violence against teachers: Prevalence and outcomes using a threat assessment approach. *Teaching and Teacher Education*, 87, 102934.

- Martinez A., McMahon S.D., Espelage D., Anderman E.M., Reddy L.A., Sanchez B. (2016). Teachers experiences with multiple victimization: Identifying demographic, cognitive, and contextual correlates. *Journal of School Violence*, 15 (4), 387–405. doi: 10.1080/15388220.2015.1056879
- McMahon S.D., Martinez A., Espelage D., Rose C., Reddy L.A., Lane K., ... Brown V. (2014). Violence directed against teachers: Results from a national survey. *Psychology in the Schools*, 51 (7), 753–766. doi: 10.1002/pits.21777
- McMahon S.D., Martinez, A. Reddy L.A. Espelage D.L., Anderman E.M. (2017a). Predicting and reducing aggression and violence toward teachers: Extent of the problem and why it matters. *The Wiley handbook of violence and aggression*, 1–16. doi: 10.1002/9781119057574.whbv100
- McMahon S.D., Peist E., Davis J.O. et al. (2019). Physical aggression toward teachers: Antecedents, behaviors, and consequences. *Aggressive Behavior*, 1–11. doi: 10.1002/ab.21870
- McMahon S.D., Reaves S., McConnell E., Peist E., Ruiz L., Task Force A.P.A., et al. (2017b). The ecology of teachers' experiences with violence and lack of administrative support. *American Journal of Community Psychology*, 60 (3–4), 502–515. doi: 10.1002/ajcp.12202.
- Molchanova D.V., Novikova M.A. (2020). Countering school bullying: analysis of international experience. *Sovremennaja analitika obrazovanija (Contemporary Education Analytics)*, 1, 1–72. (In Russ.).
- Moon B., McCluskey J. (2018). An exploratory study of violence and aggression against teachers in middle and high schools: Prevalence, predictors, and negative consequences. *Journal of school violence*, 19 (2), 122–137. doi: 10.1080/15388220.2018.1540010
- Moon B., McCluskey J., Morash M. (2019). Aggression against middle and high school teachers: Duration of victimization and its negative impacts. *Aggressive Behavior*, 45, 517–526. doi: 10.1002/ab.21840
- Moon B., Morash M., McCluskey J. (2019). Student violence directed against teachers: Victimized teachers' reports to school officials and satisfaction with school responses. *Journal of interpersonal violence*. doi: 10.1177/0886260519825883
- Moon B., McCluskey J. (2016). School-based victimization of teachers in Korea: Focusing on individual and school characteristics. *Journal of Interpersonal Violence*, 31, 1340–1361. doi: 10.1177/0886260514564156
- Musu-Gillette L., Zhang A., Wang K., Zhang J., Kemp J., Diliberti M., Oudekerk B.A. (2018). *Indicators of School Crime and Safety: 2017*. Washington, DC: National Center for Education Statistics. Available at: <https://nces.ed.gov/pubs2018/2018036.pdf> (accessed: 26.04.2021).
- SooHyun O., Wilcox P. (2018). Routine activity theory, target congruence, and school context: A multilevel analysis of teacher victimization. *Victims & Offenders*, 13, 349–372. doi: 10.1080/15564886.2017.1329174
- Реан А.А. (2016). *Psychology of Personality*. St. Petersburg. (In Russ.).
- Реан А.А., Novikova M.A., Konovalov I.A., Molchanova D.V. (2019). Handbook for countering and preventing bullying. In A.A. Реан (pp. 1–66). Moscow. (In Russ.).
- Реан А.А., Novikova M.A. (2019). Bullying among high school students: the prevalence and influence of socio-economic factors. *Mir psikhologii (World of Psychology)*, 97 (1), 165–177. (In Russ.).
- Реан А.А., Shagalov I.L., Konovalov I.A. (2020). Relationship Between Retrospective Estimations of School Climate and Readiness for Aggression in Young People. *Psikhologicheskaya nauka i obrazovanie (Psychological Science and Education)*, 25 (6), 126–143. doi: 10.17759/pse.2020250611 (In Russ.).
- Reaves S., McMahon S.D., Duffy S.N., Ruiz L. (2018). The test of time: A meta-analytic review of the relation between school climate and problem behavior. *Aggression and Violent Behavior*, 39, 100–108. doi: 10.1016/j.avb.2018.01.006
- Reddy L.A., Espelage D.L., Anderman E.M., Kanrich J.B., McMahon S.D. (2018). Addressing violence against educators through measurement and research. *Aggression and violent behavior*, 42, 9–28. doi: 10.1016/j.avb.2018.06.006
- Sobkin V.S., Fomichenko A.S. (2012). The reasons of student aggression towards the teachers as understood by the educators. In Sobkin V.S. (Eds.). *Sociology of Education. Works on Sociology of Education*, 16 (pp. 137–147). Moscow: Institute of Sociology of Education RAO, (In Russ.).
- SooHyun O., Wilcox P. (2017). Routine activity theory, target congruence, and school context: A multilevel analysis of teacher victimization. *Victims & Offenders*, 13, 349–372. doi: 10.1080/15564886.2017.1329174
- Teng Z., Bear G.G., Yang C., Nie Q., Guo Ch. (2020). Moral disengagement and bullying perpetration: A longitudinal study of the moderating effect of school climate. *School psychology*, 35 (1), 99–109. doi: 10.1037/spq0000348
- Tillyer M.S., Wilcox P., Fissel E.R. (2018). Violence in schools: Repeat victimization, low self-control, and the mitigating influence of school efficacy. *Journal of Quantitative Criminology*, 34 (2), 609–632. doi: 10.1007/s10940-017-9347-8
- Turner I., Reynolds K.J., Lee E., Subasic E., Bromhead D. (2018). Understanding aggression and victimization: Negative binomial modelling with supportive school climate, mental health, and social identity mediation. *Translational Issues in Psychological Science*, 4 (4), 380–402. doi: 10.1037/tps0000174
- Varela J.J., Sirlopú D., Melipillán R., Espelage D., Green J., Guzmán J. (2019). Exploring the influence school climate on the relationship between school violence and adolescent subjective well-being. *Child Indicators Research*, 12 (6), 2095–2110. doi: 10.1007/s12187-019-09631-9
- Wei C., Gerberich S.G., Alexander B.H., Ryan A.D., Nachreiner N.M., Mongin S.J. (2013). Work-related violence against educators in Minnesota: Rates and risks based on hours exposed. *Journal of Safety Research*, 44, 73–85. doi: 10.1016/j.jsr.2012.12.005
- Wilson C.M., Douglas K.S., Lyon D.R. (2011). Violence against teachers: Prevalence and consequences. *Journal of Interpersonal Violence*, 26 (12), 2353–2371. doi: 10.1177/0886260510383027
- Woudstra M.H., van Rensburg E.J., Visser M., Jordaan J. (2018). Learner-to-teacher bullying as a potential factor influencing teachers' mental health. *South African Journal of Education*, 38 (1), 1–10. doi: 10.15700/saje.v38n1a1358
- Yang C., Jenkins L., Fredrick S.S., Chen C., Xie J.S., Nickerson A.B. (2019). Teacher victimization by students in China: A multi-level analysis. *Aggressive Behavior*, 45 (2), 169–180. doi: 10.1002/ab.21806